

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители:

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
И ИНФОРМАЦИОННЫХ
КОММУНИКАЦИЙ КБР
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР

Главный редактор

ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Общественный совет:

Руслан Ацканов
Анатолий Бицуев
Эльдар Гуртуев
Адам Гутов
Ахмат Гыллыев
Хачим Кауфов
Валентин Кузьмин
Магомет Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Моттаева
Ахмат Мусукаев
Ахмат Созаев
Зейтун Толгуров
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Юрий Багов
Михаил Балкизов
Тоуби Бегретов
Хасан Думанов
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Юрий Тхагазитов
Аслан Урусбамбетов
Аминат Уянаева
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев
Тембулат Эркенов

3. 2008

МАЙ-ИЮНЬ

В книге О. Л. Опрышко «Кавказская конная дивизия» впервые обобщенно на основе документальных источников рассказывается о дивизии кавказских горцев, прославившейся в годы Первой мировой войны в 1914–1917 годах, о всадниках и офицерах, входивших в ее состав Кабардинского, 2-го Дагестанского, Чеченского, Ингушского, Черкесского и Татарского полков.

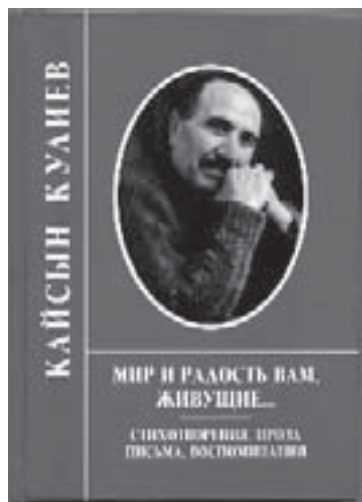

Книгу известного балкарского поэта, лауреата Государственной и Ленинской премий Кайсына Кулиева «Мир и радость вам, живущие...» составили его лучшие стихи, неизвестная поэма «Завещание», автобиографическая повесть «Скачи, мой ослик!», письма поэта и воспоминания о нем современников.

Издание, богато иллюстрированное и снабженное комментариями, приурочено к 90-летию со дня рождения поэта.

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» Московской городской организацией Союза писателей России, 2007.

Вступительная статья –
В. В. Дементьев.
Редактор-составитель –
В. Н. Рахманов.

**ИНАТОВ
КРЫМ-ГИРЕЙ**

Родился в 1843 г. в Кубанской области – год и место смерти неизвестны, – адыгский писатель. После окончания Кубанской гимназии в 1861 г. был определен на учебу в Санкт-Петербургский университет. Однако, узнав о студенческих волнениях в столичном университете и последовавших затем репрессиях, о новых порядках, переводивших студентов на казарменный режим, о том, что многие студенты из кавказцев, не приняв новый устав, покинули университет, он отказался от учебы в Петербурге и поступил на службу. Крым-Гирей был зачислен переводчиком в канцелярию атамана Кубанского казачьего войска.

Инатов был исполнительным канцелярским служащим, к тому же он был образован, писал и публиковался. Все это снискало ему благосклонное отношение наказного атамана и начальника Кубанской области генерала Сумарокова-Эльстона. Он всячески поддерживал и продвигал по службе способного горца. В 1865 г. Крым-Гирей был произведен в старшие урядники, а в 1866 г. назначен помощником старшего адъютанта и управляющего атаманской канцелярией; в 1867 г. произведен в хорунжие и, наконец, в 1868 г. – в сотники.

Однако успешно складывавшаяся служебная карьера неожиданно была прервана в связи с отъездом в 1869 г. из Кубанской области Сумарокова-Эльстона, его начальника и покровителя. В 1873 г. в связи с пересмотром и сокращением штата Инатов был уволен. Дальнейшая служба его остается неизвестной.

Наиболее продуктивно творчество Крым-Гирея Инатова развивалось в 60-е гг. К этому периоду относятся несколько очерков, основанных на фольклорных материалах. Автор не только запечатлевает отдельные заинтересовавшие его образцы устного народного творчества, но и стремится их научно истолковывать. Отношение к фольклору как к историческому источнику – характерная черта адыгских просветителей. Отсюда, с одной стороны, любование родным фольклором, в частности, нартскими сказаниями, напоминающими Инатову гомеровский эпос, с другой – проникновение в него с целью выявления различного рода информации о прошлом народа. Экскурсы в историю он сопровождает оригинальным комментарием событий и декларацией своих просветительских идей.

В очерке «Несколько слов о нашей старине» (1865) Крым-Гирей предпринимает попытку воссоздать этапы истории адыгов на основе народных песен и преданий. Он не только фиксирует древнейшие предания и нартский эпос, но и исследует их в принципах сравнительно-исторического метода. Его оригинальные параллели между адыгскими и мировыми, в том числе и русскими мифами и преданиями, привлекли внимание известных русских кавказоведов П. К. Услара (Древнейшие сказания о Кавказе. Записки Кавказского отделения русского географического общества. Тифлис, 1881) и Вс. Ф. Миллера (Кавказские предания о великанах, прикованных к горам. Журнал Министерства народного образования. М., 1883).

В очерках «Сифир-паша, князь шапсугский» (1865) и «Два слова о господстве турок на Кавказе и песня о Шрухуко-Тугузе» (1866), используя фольклорные произведения о недавнем прошлом, Инатов дает исторические сведения и характеристику личностей, которым посвящены его произведения.

Если в первых произведениях Крым-Гирей обратился к фольклору, а через него – к истории народа, то в «Путевых заметках» (1866) он дал картину современного ему быта адыгов. Именно здесь во всей полноте и наглядности проявился художественный талант писателя, раскрылись его мировоззренческие позиции. Вместе с тем его «Заметки» знаменовали новый этап в развитии путевого очерка, начало которому положил Султан Кази-Гирей своей «Долиной Ажитугай».

«Путевые заметки» Крым-Гирея типологически восходят к русскому «физиологическому очерку». Это реалистический, нравоописательный очерк, предметом изображения которого являются общественный быт, психология и социальные отношения адыгов. Повествование ведется от имени рассказчика, причем, как и у Султана Кази-Гирея, образ повествователя идентичен образу автора, т. е. служит непосредственным рупором его идей.

«Заметки» Инатова проникнуты любовью писателя к родной земле, воодушевленностью благородной целью ее изучения, жадной ее социального прогресса, пониманием важности для адыгов союза с Россией. Его интересует решительно все: история, национальный быт, религия, фольклор, топография и фауна родного края, и т. д.

В «Путевых заметках» показано классовое разделение адыгского общества, раскрывается суть привилегий господствующего класса – князей и дворян. Здесь Крым-Гирей декларирует свои социальные взгляды, в основе которых просветительские представления о внесловной ценности человека. В очерке подчеркивается все то положительное, что ему удалось подметить в процессе общения с простым народом.

«Путевые заметки» основаны на большом фактическом материале; при этом отобрано все наиболее существенное, что полнее характеризует своеобразие национального быта и характера адыгов, их социальные отношения. Вместе с тем они раскрываются средствами художественной литературы: очерковыми и беллетризованными описаниями эпизодов, встреч и бесед рассказчика во время поездки по аулам, через характеристики соотечественников, с которыми он общается.

Примечательна в воззрениях Инатова и трезво осознанная им провокационная политика Турции по отношению к адыгам, а также понимание, с одной стороны, прогрессивной роли России в судьбе его отечества, с другой же – осуждение действий царизма, вынудивших его соотечественников к переселению в Турцию. Крым-Гирей преисполнен озабоченностью о судьбе родины, страстным желанием видеть ее благоденствующей. Мировоззренчески приближаясь к идеям революционных демократов, он, однако, остается во власти просветительских иллюзий: в борьбе с существующим социально-общественным строем он выступает лишь с проповедью прогрессивных принципов нравственности и европейских форм культуры.

ТАМБИЕВ ПАГО ИЗМАИЛОВИЧ

Один из крупнейших адыгских фольклористов: в дореволюционном печатном фольклорном фонде ему принадлежит значительная часть. Особая заслуга Тамбиева в том, что в его материалах представлены почти все фольклорные жанры и при этом на различных адыгских диалектах. Долгое время считалось, что Паго Измаилович тенденциозно подходил к отбору фольклорных текстов и публиковал те из них, которые служили утверждению власти и идеологии господствующего класса. Наши исследования опровергают это неверное представление о Тамбиеве-фольклористе.

Родился он в 1873 году в сел. Атажукино Баталпашинского отдела Кубанской области – умер в 1928 году в Ростове-на-Дону. Первоначальное образование кабардинский фольклорист получил в Биберттовском начальном училище.

В 1888 г. поступил в Закавказскую учительскую семинарию в г. Гори. Здесь в это же время учился и Нариман Нариманов, впоследствии видный советский государственный деятель, публицист и педагог. Возникшая в стенах семинарии дружба между Паго Тамбиевым и Н. Наримановым продолжалась вплоть до самой смерти последнего в 1925 г. С Н. Наримановым Паго сближали свободололюбивые идеи, направленные против царского режима, мечта видеть свою родину свободной и обновленной, вынашиваемые планы по просвещению народа. Еще в дореволюционные годы Н. Нариманов работал над составлением учебников, словарей родного языка, содействовал развитию просвещения в Азербайджане, а Паго Измаилович, находившийся по долгу службы в Баку, но не порывавший связей с родиной и принимавший деятельное участие в развитии образования своего народа, находил в старшем друге единомышленника и учителя. В свою очередь, Н. Нариманов ценил его как высокообразованного и высококвалифицированного специалиста, человека, по его словам, «безупречной честности и порядочности», и оказывал ему поддержку в трудные минуты жизни.

В период учебы в семинарии Тамбиев знакомится и с Л. Г. Лопатинским, редактором «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» (изд. в Тифлисе). Установившийся с ним контакт продолжался затем четверть века: именно в издании Л. Лопатинского Паго опубликовал свои многочисленные фольклорные записи. Вместе с тем Л. Лопатинский сделался наставником и покровителем Тамбиева в его полной драматических коллизий жизни, неоднократно оказывал ему помощь советом и содействием.

Закончив в 1892 г. семинарию, получив звание учителя начальных классов, работал в Майкопской горской школе. Но в 1897 г. его принуждают покинуть школу по обвинению в политической неблагонадежности. Через год Паго сдает экзамены в Александровском институте в Тифлисе и

получает звание учителя реального училища. Не добившись возвращения к педагогической деятельности, он поступает в Рижский политехнический институт. Здесь у него состоялось знакомство со Степаном Шаумяном, позднее одним из руководителей революционного движения на Кавказе, литератором и критиком.

После окончания в 1904 г. политехнического института Тамбиев работает в Баку на фабрике известного азербайджанского промышленника и миллионера Тагиева. Осенью того же года его, как способного инженера, командируют в Германию для изучения текстильного производства. Вернувшись из-за границы, он продолжает работать на той же фабрике, а в 1908 г. переходит на службу в известную нефтяную компанию братьев Нобель. В 1916 г. принимает приглашение торгового дома Бенкендорф в качестве управляющего нефтяными промыслами.

Находясь в Баку, Паго часто выезжает в Кабарду для участия в работе «Общества по распространению образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа». В это время он издает «Азбуку кабардинского языка» (1906), содействует претворению в жизнь различных культурно-просветительских программ «Общества», собирает и публикует образцы устного народного творчества.

После Февральской революции Паго Тамбиев выехал в Нальчик; здесь его застала Октябрьская революция. В 1918 г. несколько месяцев он исполнял должность комиссара просвещения. После Гражданской войны и окончательного установления советской власти в Кабарде и Балкарии, его, как опытного инженера, переводят в Совнархоз, а затем назначают председателем. Он был членом делегации, посланной в Москву по вопросу создания Кабардино-Балкарской автономной области.

В 1922 г. Тамбиев был оклеветан, но последствий избежал благодаря вмешательству Н. Нариманова, семьи С. Шаумяна и председателя Дагестанского Совнархоза Кормасова. В том же году по ходатайству Н. Нариманова Паго Измаилович был откомандирован в полномочное представительство Азербайджанской республики, через некоторое время переведен в Баку в качестве уполномоченного наркомпроторга. После смерти Н. Нариманова в 1925 г., он переехал в Дагестан и работал в Совнархозе в должности управляющего горно-технической конторой. В 1928 г. был репрессирован, умер в тюрьме до суда.

Родился в 1878 году в сел. Старая Крепость (ныне г. Баксан) КБР, умер в 1930 году. Основатель первой национальной типографии, первый книгопечатник, издатель первой газеты на кабардинском языке. Окончив Баксанское медресе, продолжил

образование в Египте, в Каирском университете. Вернувшись на родину, открыл в родном селе бесплатную школу для детей сельских бедняков. В 1913 г. составил азбуку родного языка на арабской графической основе и издал ее в г. Темир-хан-Шуре в типографии Мухамедмирзы Мавраева. Здесь же в переводе с арабского Дымовым на составленном им алфавите были изданы книги «Тухват-аль-Атфаль» (Ключ к детям) и «Фыз хыбар» (Рассказ для женщин). В 1917 г. в типографии «Умид» в Казани Адам Гафарович издал книгу «ПсальэфI» (Доброе слово). Осенью того же года на средства отца он приобрел печатный станок и уже в собственной типографии печатал газету «Адыгэ макъ» (Адыгский голос), а 1918 г. издал свое первое, наиболее значительное литературное произведение – «Щэнгасэ» (Воспитание характера).

Полученное мусульманское образование наложило отпечаток на созданную Дымовым литературу, опирающуюся на культуру мусульманского Востока, на исламскую религию.

«Щэнгасэ» представляет собой сборник бесед о религиозных и этических правилах поведения, изложенных в форме миниатюрных эссе или небольших сюжетных рассказов. Это учебное пособие было предназначено для нравственного воспитания учащихся мусульманских школ. Тематика бесед разнообразна: честность и верность; чистота; польза и вред слова; виды лжи и ее вред; ценность правды; правила омовения и намаза; как следует держать уразу. Реализовались эти правила различными приемами: диалогом, в котором автор с помощью системы вопросов подводил читателя к нужной ему мысли; нравоучительным монологом – медитацией или рассказом о вымышленных происшествиях. Другое произведение Адама Гафаровича – «Сиратун Мухаммадие» (Жизнь Мухаммеда), изданное также в собственной типографии (1918), в котором рассказывается о жизни и пророческой деятельности основателя ислама. В нем больший акцент делается на подробностях его частной жизни, нежели на сути его учения, догм ислама. Используя сюжет религиозных житийных книг, Дымов приближает свое произведение к светской литературе.

Неоценима заслуга Дымова в издании первой газеты на кабардинском языке «Адыгэ макъ» (Голос адыгов) (ноябрь 1917 – июль 1918). Он был издателем, редактором, наборщиком, переплетчиком, секретарем, а также автором множества публикуемых материалов. Большую помощь в издании газеты ему оказывал Нури Цагов. Газета Адама быстро завоевала признание, вокруг нее сгруппировались грамотные кабардинцы, поставлявшие в газету свои корреспонденции.

Одной из главных тем, разрабатываемых газетой, была тема просвещения народа. Она постоянно пропагандировала идею, что культура и просвещение являются основой богатства любого народа, что в современном мире невозможно существовать без знаний. «Наука, просвещение – источник богатства, это то, к чему надо неустанно стремиться. С их помощью человек осознает себя, окружающий мир, овладевает всем тем духовным богатством, что накопило человечество за долгую свою историю» – таков лейтмотив всех номеров газеты «Адыгэ макъ». Поэтому, призывала газета, необходима широкая сеть сельских школ с привлечением в них как можно больше учащихся. Газета проводила также большую работу по

сбору и публикации национального фольклора. Почти в каждом номере публиковались героические нартские сказания и песни, пословицы и поговорки, загадки и сказки. В ней были опубликованы сказания «Пшы Бадынокъуэ» (Бадыноко. 1917. № 4); «Наринэрэ Ридадэрэ» (Нарина и Ридада), «Нарт Сосрыкъуэ и пшынальэ» (Песня о нарте Сосруко. 1918. № 21), «Псальэжьхэр» (Пословицы, поговорки. 1918. № 39); «Адыгэ псальэжь» (Адыгские пословицы, поговорки. 1918. № 40) и др.

Большое и серьезное внимание газета уделяла злободневному для крестьян земельному вопросу. Газета знакомила читателей с событиями, происходящими в советской России. Немаловажную роль она сыграла в становлении художественной литературы на родном языке. Наряду с редактором здесь регулярно печатали свои художественные произведения его соратник и помощник Нури Цагов и многие другие авторы.

Родился в 1888 году в сел. Старый Черек Урванского р-на КБР, умер в 1937 году, – кабардинский поэт, деятель народного образования.

Отец Туты Магометовича был общественным пастухом. Сам Тута с двенадцати лет тоже стал пастухом, помогая отцу. С 1902 г. он учился в медресе в г. Нальчике. В 1914 г. добровольцем ушел в армию и был зачислен в кабардинский полк Кавказской дивизии, в которой прослужил до ее расформирования в 1918 г. После демобилизации продолжил учебу в медресе.

В 1921 г. жителями селения Старый Черек был избран муллоу, затем получил официальное утверждение на эту должность. В течение года работал председателем шариатского суда Урванского района, а затем в течение нескольких месяцев был председателем шариатского суда Кабардино-Балкарии.

В 1923 г. Тута Магометович после окончания полуторамесячных учительских курсов был назначен учителем школы в Старом Череке, а в марте 1924 г. переведен на должность преподавателя родного языка в ЛУГе. В 1925 г. был избран председателем союза работников просвещения области и принят кандидатом в члены ВКП(б). В следующем, 1926 г. стал членом ВКП(б). Через два года вернулся в ЛУГ и продолжил преподавательскую работу. Здесь им были написаны «Сказки для детей» (для школьников. 1931).

В 1932 г. в городе Пятигорске был открыт КБПИ. По постановлению Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) Борукаев направляется на работу в этот институт в качестве преподавателя кабардинского языка, а в 1934 г. он получает звание доцента и становится заведующим кафедрой национального языка и литературы. Он являлся членом секции научных работников Северокавказского края, членом секции областного и краевого советов профсоюзов.

В конце 1936 г. облоно ходатайствовало о присвоении Туте Магометовичу Борукаеву звания профессора, он был бы первым кабардинским профессором-языковедом. Однако этому событию не суждено было сбыться. Он, как и многие талантливые и инициативные люди того времени, стал жертвой репрессий, порожденных культом личности Сталина. 19 февраля 1937 г. он был арестован по обвинению в участии «в контрреволюционной националистической троцкистской террористической организации и ведении контрреволюционной работы»; в предъявленном ему обвинении виновным себя не признал. В том же году на основании ст. 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР осужден и приговорен к высшей мере наказания. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 2 июля 1957 г. реабилитирован.

Борукаев принимал деятельное участие в разработке алфавита, создании письменности и учебников кабардинского языка, в ликвидации неграмотности среди населения республики. Тута Магометович принимал также участие в переводе с русского языка на кабардинский проекта Конституции СССР, подготовил перевод гимна «Интернационал». Он внес свою лепту в становление родной литературы. В возникших в первые годы Советской власти в писательской среде Кабардино-Балкарской области дискуссиях о путях развития национальной литературы отстаивал свой взгляд, не получивший поддержки большинства. Поэт и лингвист, он считал недопустимым отход от традиций устной народной поэзии, упрекал современных ему кабардинских писателей в «подражании» русскому стихосложению. При этом Борукаев суживал проблему традиций, сводя ее к чисто формальным, не признавая ничего, кроме фольклорных традиций. Его точка зрения была воспринята как консервативная.

Еще в 20-е гг. Тута Борукаев написал молодежную песню «КИМ», ставшую популярной в конце 20 – начале 30-х гг. Воспевая комсомол и дела «достойных коммунистов», она несла кабардинской молодежи идеи Советской власти.

В 1933 г., когда в ходе подготовки к первому Всесоюзному съезду писателей облизполком объявил конкурс на лучшее художественное или публицистическое произведение, посвященное героической борьбе народа за свою свободу и социалистические преобразования страны, Борукаевым была создана поэма «Песня о Бетале Калмыкове».

Борукаев Тута Магометович автор очерка «Замужество», в котором повествуется о трагической судьбе женщины, проданной родителями за калым.

Сценки нравоучительного характера, рассказывающие о необходимости получения образования, о бережном отношении к своему здоровью и т. д., содержатся в учебнике Борукаева «Новый путь» (1927).

В 1931 г. Борукаев издал книгу «Щалэ таурыхь къом» (Детские рассказы). Этот небольшой сборник был рассчитан на детей среднего и младшего возраста. Однако эти и другие короткие детские рассказы, очерки и сценки, помещаемые в книгах для чтения, безусловно, не достигли уровня художественных произведений. Посвященные какому-нибудь одному факту или небольшому событию, они оставались довольно примитивными по содержанию, страдали декларативностью, художественное изображение людей и событий подменялось авторским рассказом о них.

Борис ЗУМАКУЛОВ

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ...

Главы из документальной повести¹

...Но вернусь к студенческим годам. Когда мы уже учились на четвертом курсе, наш сокурсник Исхак Гужеев женился на Леле Сокуровой, красивой и обаятельной кабардинке, и увез ее в Верхнюю Жемталу в родительский дом. Это было для нас большой неожиданностью. Решение Исхака для меня лично значило, что он совершил подвиг: как это – взять и жениться!

Всем курсом поехали на свадьбу. Как говорится, гуляли всю ночь, а утором рано пошли к автобусной остановке, чтобы успеть к занятиям. Но автобуса не было. Ждали час, два. Автобус так и не пришел, и мы пошли пешком до Нижней Жемталы, а оттуда вышли на трассу Кашхатау–Нальчик. Конечно, мы опоздали, на занятия не попали, и когда на следующий день пришли в университет, увидели большое объявление, извещающее о проведении общефакультетского собрания по обсуждению срыва занятий студентами нашего курса. Одним словом, нас чихвостили «и в хвост, и в гриву», мы чуть ли не саботажники, и всех нас, мол, надо исключить из университета, и еще что-то в этом роде. Досталось больше всех мне – секретарю комсомольской организации. Но нас спас неожиданно появившийся на собрании ректор Хатута Мутович Бербеков. Он выступил, сурово отругал нас, но затем сказал, что «...дело молодое», они, мол, хотели поддержать своего друга. И история эта закончилась для нас благополучно. И вообще Х. М. Бербеков для всех нас сделал очень многое, мы его любили и почитали. Для студентов университета он был личностью очень авторитетной. Его вклад в историческую науку, в дело развития университетского образования в республике, подготовки кадров – известен и ценится общественностью Кабардино-Балкарии. И не случайно на университетской площади сооружен памятник Бербекову, а сам университет заслуженно носит его имя.

В те годы вузовский комсомол возглавлял Лева Шогенцуков. И нам, студентам, казалось, что есть три равноценных руководителя вуза: ректор Бербеков, секретарь парткома Кульбаев и наш комсомольский вожак Шогенцуков. Его энергии можно было позавидовать, его речи на собраниях мы слушали, затаив дыхание, с готовностью пойти за ним, если он позовет на любое дело. Несмотря на то что потом в долгой моей комсомольской жизни и деятельности встречалось немало талантливых и ярких людей, о которых будет еще время сказать, Лева Шогенцуков останется первым моим комсомольским другом и вожаком, у которого я многому научился и которому пытался подражать.

¹ Продолжение (начало см. в № 1, 2008).

В студенческие годы большую роль в моем становлении сыграл друг моего отца Магомед Сагидович Уначев. Он работал проректором университета по хозяйственной части. Бывший первый секретарь обкома ВЛКСМ, человек легендарной судьбы, прошедший все круги ада войны: и тяжелое ранение, и плен, и побег из плена, и участие в отрядах французского сопротивления, он был удостоен высших Орденов Франции. Один из лидеров в КБГУ, М. С. Уначев многих студентов знал по имени, выступал на собраниях и конференциях, воспитывал нас, хотел всем нам счастья, был для нас и отцом, и старшим братом, и мудрым наставником. Я и сегодня храню в своем архиве копию рекомендации М. С. Уначева, данную мне для вступления в ряды КПСС. Он часто заходил проведать моего отца Мустафу, и я с благодарностью вспоминаю его помощь и моральную поддержку.

Через всю свою жизнь я пронес благодарность и уважение к Камбулату Наурузовичу Керефову, человеку незаурядных способностей, в трудное время возглавлявшему Кабардино-Балкарский университет.

К. Н. Керефов ассоциируется для меня с майским днем 1956 года. Я выше сказал, что он, уже будучи крупным ученым и руководителем, пришел на вокзал вместе с М. С. Уначевым встретить семью Мустафы Башчиевича Зумакулова. Там я и увидел его впервые. Мне памятли слезы в глазах моего отца, когда он обнимал брата – Камбулата. Разве можно забыть, как много сделал Керефов, чтобы наша семья обустроилась, получила крышу над головой? Или как он добивался восстановления доброго имени моего отца-революционера и участника гражданской войны? Я помню, как в 1971 году – когда меня избрали делегатом съезда КПСС, а представленная к защите диссертация ждала своей очереди, – К. Н. Керефов, будучи председателем диссертационного Совета, созвал внеочередное заседание, сказав: «Сын Мустафы на съезд должен поехать кандидатом наук». Не забуду, когда я был в Афганистане, – среди тех, кто звонил и писал письма, был Камбулат Наурузович. Таким внимательным, чутким и обязательным он был не только по отношению ко мне. Это была его натура, его естественное состояние – поддерживать и помогать, быть полезным другим. Если сегодня попытаться составить книгу воспоминаний его учеников и благодарных современников, то думается, изрядно истощился бы запас бумаги, а печатные машины были бы загружены не на один год.

Комсомольские годы для меня были самые плодотворные и запомнившиеся. В них было немало молодежной романтики и, может быть, завышенной оценки того, что мы делаем, к чему мы призваны. Нам казалось что от того, как мы работаем, как живем, зависит многое в жизни страны, республики, словом, «левой пяткой вращаем шар земли». А если серьезно, то мы занимались всем – патриотическим, трудовым, эстетическим, нравственным и физическим воспитанием детей и молодежи. Кабардино-Балкарская организация ВЛКСМ была в шеренге лучших ор-

ганизаций, и этому подтверждение – слова тогдашнего первого секретаря ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельникова. Он писал: «...Походы по местам боевой и трудовой славы, ученические производственные бригады, лагеря труда и отдыха, студенческие строительные отряды, конкурсы профессионального мастерства, научно-технического творчества молодых, самые высокие урожаи кукурузы в комсомольско-молодежных коллективах, массовое развитие спорта, туризма и альпинизма, восхождения на Эльбрус – вот далеко не полный перечень добрых дел комсомольцев Кабардино-Балкарии, о которых знала вся страна».

В это время республиканские организации неоднократно награждались Почетными грамотами ЦК ВЛКСМ, переходящим Красным Знаменем, многие комсомольско-молодежные коллективы были занесены в книгу Трудовой славы ЦК ВЛКСМ. Комсомол республики имел большие и заметные традиции. Например, лично Сталин, Верховный Главнокомандующий, присылал благодарственные телеграммы в адрес первого секретаря обкома комсомола Б. Е. Кабалоева.

Я знал и помнил всегда, что лучшие традиции комсомола республики формировались представителями старших поколений. У молодежи республики были свои ДнепрогЭС и Магнитка. Их руками строились первенцы индустрии Кабардино-Балкарии – Баксанская ГЭС и Тырнаузский вольфрамомолибденовый комбинат, Докшукинский спиртзавод, гидротурбинный завод и другие объекты. Не было механизмов, не хватало жилья, продовольствия, но ребята не ныли, не пасовали перед трудностями. Тогда на всю страну гремели имена бригадира Хачима Урусова, экскаваторщика Фицы Молова, имена вожаков молодежи Нарта Кашежева, Зои Малкаровой, Дадуши Маховой, Нарчу Саральпова, Хасанби Черкесова, Тики Хажукарова, Гида Хагажеева... Знали их в Кабардино-Балкарии, все их почитали, молодежь брала с них пример. Надо вспомнить добрым словом Билю Мисостишхову, Чажу Таппасханову – горянок, которые не только пошли в общественное производство, но и своим примером участия в общественно-политической жизни повели за собой сверстниц, для которых раньше не было хода за порог своего села или сакли.

«Комсомолец – на самолет!» Этот лозунг нашел в свое время горячий отклик у молодежи Кабардино-Балкарии. Многие парни ходили в аэроклуб, учились авиационному делу. Воспитанники этого клуба в годы войны показали прекрасный пример служения Родине. Это Алим Байсултанов, Ахмедхан Канкошев, Абдулсамат Юсупов, Кубати Карданов, Назир Канукоев, Абдуллах Тхакумачев. 40 тысяч юношей и девушек направил комсомол на фронт, двадцать из них стали героями, тысячи награждены орденами и медалями. В краеведческом музее г. Нальчика хранится комсомольский билет, пробитый вражеской пулей. Принадлежал он воину-комсомольцу Хизиру Шогенову. Перед боем Шогенов написал клятву родине и комсомолу. В упорном бою Хизир уничтожил много фашистов, но и сам был тяжело ранен. Чудом удалось его спасти.

В шестидесятые годы к жителям селения Янкой Чегемского района, к землякам Героя Советского Союза Алима Байсултанова, приезжал Герой Советского Союза генерал-лейтенант Василий Федорович Голубев, бывший командир четвертого гвардейского полка морской истребительной авиации, человек, который прошел всю войну, совершил свыше 600 боевых вылетов, сбил 39 фашистских самолетов. Он сказал об Алиме: «Вы вырастили могучего орла, лучшего летчика Балтики. Позвольте низко поклониться Вам». Много славных дел у молодежи республики на трудовом фронте в годы восстановления народного хозяйства. Из руин и пепла в короткий срок были подняты города и поселки, восстановлены и вновь построены фабрики и заводы. На освоении целинных и залежных земель трудилось 4800 юношей и девушек. В 60-е годы мастерами высоких урожаев являлись Женя Сабанчиева, Владимир Маиров, Люся Батиргоева, Нина Нагаплежева. Так, Женя Сабанчиева получала свыше 100 ц кукурузы с гектара. Опыт работы ее звена был одобрен в ЦК ВЛКСМ, и оно было занесено на Всесоюзную Доску Почета. Эти и другие факты говорят о том, что традиции старших поколений комсомольцев и молодежи до моего прихода были высоки и непререкаемы. И, надо признаться, немало беспокойных дней и бессонных ночей было у меня впереди, чтобы утвердиться в комсомольско-молодежной среде и в активе, стать лидеров в такой авторитетной комсомольской организации. Для меня примером были вожаки молодежи, которые в разное время своим трудом, своим умением создавали престиж и авторитет комсомола республики, и я хотел бы назвать их имена. Это С. Кожаяев, Я. Вербицкий, Е. Сухова, Э. Шериев, А. Грамп, А. Водахов, А. Мирзоев, Т. Жакомихов, М. Байсиев, М. Уначев, Н. Евгажуков, М. Кеневич, М. Наков, М. Хараев, Х. Берикетов, Х. Чеченов, Х. Атакуев, А. Мальбахов, Д. Махов, Б. Кульбаев, Ф. Арсаева, Р. Сабанчиева, М. Ахметов, М. Шекихачев, К. Эфендиев, Б. Х. Бозиев, В. Дудуев, М. Докшоков, А. Кануков, А. Балуюев, В. Мастафов, А. Хажуев, А. Жигатов, А. Дышекова, В. Хамуков, М. Магометханов, Б. Чабдаров, А. Чофанов, Х. Чеченов, М. Кодзоков и много-много других славных граждан республики – всех не перечислишь!

Из дневника:

1962 год, сентябрь. Пришел на занятия в университет, стал готовить отчетно-выборную комсомольскую конференцию. В то время был секретарем комсомольской организации историко-филологического факультета КБГУ. Являлся членом бюро университетского райкома комсомола, членом бюро Нальчикского горкома ВЛКСМ, занимался одновременно и в студенческом научном кружке, которым руководил известный ученый Умар Баблашевич Алиев. Вдруг приезжает за мной нарочный и сообщает, что меня приглашают в обком ВЛКСМ к Р. К. Сабанчиевой. Тогда для меня приглашение к Сабанчиевой, этой уже для всех нас известной женщины, признанного лидера молодежи, чье имя было у всех на слуху, – было событием неординарным. Абсолютно ни о чем не догадываюсь,

с волнением вхожу в просторный кабинет. Вижу Сабанчиеву, поднимающуюся навстречу с дружеской улыбкой, и важно сидящую за приставным столом даму, как оказалось – это Кира Николаевна Рязова – зав. сектором ЦК ВЛКСМ. Сабанчиева как бы между прочим спрашивает, не надоело ли мне сидеть на студенческой скамье, не пора ли заняться делом, и сразу сказала тоном, не терпящим возражений: «Борис, переходи в аппарат обкома комсомола, выберем тебя секретарем обкома, будешь заниматься школьным комсомолом и пионерией, это как раз по тебе, ведь ты работал пионервожатым, старшим пионервожатым, начальником пионерского лагеря. Как раз это твое». Так или примерно так сказала Р. К. Сабанчиева. Я, откровенно говоря, попал в крайне затруднительное положение. С одной стороны – так неожиданно мне оказывается такая высокая честь, а с другой стороны – я ведь уже настроился было идти по научной части, мой научный руководитель, известный в то время на Кавказе, милейший и доброй души человек Умар Баблашевич Алиев видел меня в роли своего аспиранта. К этому времени в нескольких научно-студенческих сборниках были опубликованы мои научные статьи. По его рекомендации я был участником Всесоюзной научно-практической конференции, прошедшей в г. Одессе в 1961 г., где также был опубликован и научный доклад.

Может, потом мне бы пришлось пожалеть, но в тот момент я попросил решение вопроса о моем переходе в обком ЛКСМ отложить до окончания вуза, полагая, что нельзя подводить своего научного руководителя, да и честно говоря, побаивался такой высокой должности, мол, «...не по Сеньке шапка». К моему удивлению и удовлетворению Р. К. Сабанчиева, и К. Н. Рязова не стали настаивать, а предложили вернуться к разговору позже.

Пришел домой, рассказал отцу, он сказал, что это – очень большое доверие и надо было согласиться, а наука никуда не денется, опыт же придет со временем, если работать с желанием.

Умар Баблашевич Алиев, наоборот, одобрил, что я не дал согласия, подтвердив ранее высказанное: «Борис, твое место в науке». На том все как-то затихло, никто меня никуда особо не звал и не настаивал.

Но вот однажды, в сентябре 1962 года, ночной звонок на квартиру. Уже сама Р. К. Сабанчиева зовет на беседу. Прихожу к ней в кабинет, она сходу: «Пойдем сейчас к Тимборе Кубатиевичу Мальбахову». Т. К. Мальбахов – первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС. Он часто бывал в университете, выступал перед студентами, его знали и почитали. Почему-то уже тогда о нем ходили различного рода легенды. В частности, что еще никто и никогда не отвергал предложение Мальбахова, если он предложил, то так тому и быть. Сама Сабанчиева берет папку, показывает мой личный листок и решительно идет к выходу, я за ней, поднимаемся на третий этаж. Открывается большая дубовая дверь, и за большим дубовым столом сидит на обыкновенном стуле сам Мальбахов, который, увидев мое волнение, тихим и спокойным голосом говорит: «Вот Роза предложила

твою кандидатуру на должность секретаря обкома комсомола, обком партии поддержал, завтра на пленуме будем тебя избирать. – И добавил: – Знаю хорошо твоего отца, Мустафу, думаю, ты его хороший сын и не подведешь, – встал, пожал руку и сказал: – До встречи на пленуме». Только выйдя из кабинета Мальбахова, я понял, что вопрос решен; и это – крутой поворот в моей судьбе.

Действительно, на второй день состоялся пленум обкома комсомола, пришел, как и обещал, Мальбахов, избрание прошло. Так я оказался секретарем Кабардино-Балкарского обкома комсомола.

Конечно, тогда я разве мог предположить, что я буду секретарем обкома комсомола целых тринадцать лет!

Потом Р. К. Сабанчиева, первый секретарь обкома комсомола, была избрана Председателем Кабардино-Балкарского областного Совета профсоюзов. Конечно, это считалось большим успехом в служебной карьере Розы Сабанчиевой, и она вполне его заслуживала, ибо у нее был очень высокий авторитет среди комсомольского, партийного и советского актива. Дочь активного участника Великой Отечественной войны, образованная, деятельная, заводная в хорошем смысле слова, умелый организатор молодежи и к тому же горянка, как никто другой подходила к этой роли профсоюзного лидера. С ее приходом профсоюзы республики получили новый импульс своего становления, приобрели образ, солидность и имели не последнее слово не только в решении экономических и производственных задач, но и в реализации постановления ЦК КПСС и Правительства о создании инфраструктуры Всесоюзного курорта «Нальчик», центра туризма и альпинизма и горнолыжного спорта в Приэльбрусье. И она сумела так же, как и в комсомоле, стать лидером ярким, заметным и запоминающимся.

Не случайно многие объекты социальной инфраструктуры, культурной сферы мое поколение связывает с именем этой незаурядной женщины. Кстати сказать, ее лидерские качества, умение организовать дело и вдохнуть в него душу сохранились у Розы Каншумасовны и по сей день, хотя она уже много лет на пенсии. Так, она создала в республике мощную ассоциацию любителей книги, именно через это учреждение она начала издавать раритетные книги и брошюры, что явилось совсем неожиданным для нее амплуа. Затем учредила и успешно издавала газету «Горянка», и в пору, когда иные газеты задыхались и уходили в небытие, «Горянка» стала любимой газетой не только женщин, но представителей так называемой сильной половины. А печататься в «Горянке» считалось даже для многоопытных журналистов престижным.

Но вернемся к обкому комсомола. Должность первого секретаря обкома комсомола была вакантной. Меня только недавно избрали секретарем по работе среди школьной молодежи, по возрасту самый молодой, а секретари обкома – Амета Зульевич Цагов, Александр Николаевич Белоусов, Юрий Магомедович Шанибов – были уже состоявшимися комсомольскими

лидерами команды Р. К. Сабанчиевой. Естественно, каждый из них имел моральное право надеяться, что на вакантное место выдвинут именно его. Я же не только не мог надеяться, но ни при каких обстоятельствах не мог на это рассчитывать. Но оказалось, что судьба выбрала меня.

Однажды утром Т. К. Мальбахов приглашает к себе. Дает мне в руки запечатанный пакет и говорит: «Возьми в общем отделе командировочное удостоверение, лети в Москву – передашь В. А. Сающеву, мы с ним договорились рекомендовать тебя на должность первого секретаря обкома ВЛКСМ». Вадим Аркадьевич Сающев – второй секретарь ЦК ВЛКСМ, к тому времени известный в стране человек, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР бывал в Нальчике, был хорошо знаком с Т. К. Мальбаховым и Р. К. Сабанчиевой. Лечу в Москву, захожу в кабинет, навстречу выходит улыбающийся Сающев, как будто я с ним век был знаком, и говорит: «Ну что, завтра ждут тебя в ЦК КПСС на беседу». Пожал руку, пожелал успехов, напоил чаем с «сушками». И, что удивительно, Вадим Аркадьевич все годы, даже придя на работу министром профтехобразования, был всегда подчеркнуто внимательным к республике и ко мне лично. Свидетельством тому служит и следующий факт: когда я уже был секретарем обкома КПСС, по моей просьбе руководитель Комитета профтехобразования СССР В. А. Сающев включил в план строительства спортивно-оздоровительный комплекс профтехобразования на берегу реки Нальчик.

Прошло много лет, но я добрым словом вспоминаю В. А. Сающеву, как человека, поверившего в меня и сделавшего много в моем становлении как комсомольского работника.

В конце 1963 года по приглашению обкома комсомола республику посетил итальянский детский писатель Джанни Родари. В то время это был известный и любимый всеми детьми планеты, но особенно любимый в стране Советов писатель. Его уважали у нас и любили не только за его мудрые и талантливые сказки для детей, но и как человека западного мира, не побоявшегося подняться над всякого рода домыслами насчет Советского Союза, тиражируемыми западной пропагандой в условиях жесткой холодной войны. Он возвысил свой голос над злым хором голосов наших противников и делал все, чтобы донести правду о Советском Союзе западному обывателю.

Сам Джанни Родари мне запомнился как очень простой, открытый, доброжелательный, с тонким чувством юмора. В то время автора принимали в школах, Дворцах пионеров как великого мастера, восторг был неопишуемый, в течение дня он бывал на нескольких встречах. И всегда он был веселый, общительный, сразу располагал к себе. Отвечал на вопросы ребят очень искренне, даже на очень неудобные вопросы. Мне тоже, тогда еще совсем молодому и неопытному секретарю обкома комсомола, Джанни Родари казался человеком, как бы спущенном к нам по воле Всевышнего откуда-то из потустороннего мира, что это не правда, что этого не может быть, что сам Джанни Родари, подаривший детям

столько волшебных сказок, и – вдруг в Нальчике, среди наших октябрят и пионеров, и запросто, как человек, выросший среди этой детворы, рассказывает, читает стихи, шутит и веселится. Эти дни для меня и для всех наших комсомольских и пионерских работников были днями праздника, душевного подъема, да и прямо сказать – гордости, потому что он был гостем обкома комсомола, направленным к нам ЦК ВЛКСМ и Центральным советом Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина. И к нашему гостю было приковано внимание всей республики, и детей и взрослых. Джанни Родари большое внимание уделили тогдашний первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС Т. К. Мальбахов, Председатель Президиума Верховного Совета КБАССР Ч. Б. Уянаев, Председатель Совета Министров КБАССР А. Н. Ахохов.

Все дни вместе со мной Джанни Родари сопровождал уже известный в то время поэт и писатель А. П. Кешоков. Джанни Родари был принят и в обкоме КПСС и в правительстве, и в доме А. П. Кешокова.

В канун нового года мы – А. П. Кешоков и я – поехали в аэропорт Минводы, провожать нашего великого гостя (тогда из Нальчика в Москву самолеты не летали).

Приезжаем в Минводы, заходим в депутатский зал, нас там встретили коллеги из Ставропольского крайкома комсомола. Все было торжественно и красиво, но в какой-то момент слышим объявление по селектору, что рейс на Москву задерживается по метеоусловиям. И такие объявления, к сожалению, повторялись несколько раз. Мы почувствовали, что настроение нашего гостя постепенно начало меняться с мажорного на минорное. Да это можно было и понять, так как это было накануне нового года. А в новогодний вечер его ждали в Москве. Как говорится, если не повезет, то не повезет. «Даже если будешь ехать на слоне, может укусить маленькая моська». Наши Ставропольские друзья постепенно стали разъезжаться, буфет закрылся и мы оказались втроем в депутатском зале: Джанни Родари, Алим Кешоков и я.

Наше положение было хуже губернаторского. С одной стороны, возвращаться в Нальчик и там встречать Новый год нельзя, так как самолет может улететь, да и гость был нацелен только на Москву. Остаться в тесном и неудобном зале аэропорта и там встречать Новый год – тоже радости было мало. Кешоков, как мог, развлекал гостя, но все равно это мало помогало, Джанни Родари был озабочен и задумчив, и даже расстроен, а так все было хорошо, красиво и торжественно. Так много он говорил восторженных слов о республике, о нашей детворе, делился впечатлениями о поездке и вот на тебе, погода и задержка рейса так все перевернула и все притупила и все приглушила. Я был как бы при аксакале Кешокове и откровенно говоря, мало что мог придумать и предложить. И в это время с шумом отворяются двери и на пороге появился на наше счастье и спасение Мусарби Ахметов. Оказывается, он случайно узнал, что мы с гостем сидим в аэропорту. Не знаю, как это ему удалось, но через несколько мгновений, ушедший в себя, грустный и озабоченный Джанни Родари,

забыв о новогоднем вечере в Москве, о том, что испортилась кавказская погода, стал постепенно превращаться в прежнего Родари – веселого и жизнерадостного. Пока Мусарби рассказывал гостю какие-то невероятные истории, в зал внесли несколько ящиков шампанского, всякого рода атрибуты новогоднего застолья, и когда мы поняли, что селектор окончательно замолк, и все надежды увидеть Москву растворились в тумане ночи, и что мы обречены встретить Новый год в аэропорту – Ахметов взял ситуацию в свои руки. Я же только учился открывать шампанское. Постепенно жизнь стала, как говорится в анекдоте, налаживаться, мы и не заметили, как наступило утро уже Нового года. Незаметно улучшилась и погода. Весело, и уже как своего брата, мы проводили в самолет Джанни Родари.

И как будто прошло немало времени. И вот однажды захожу в кабинет Т. К. Мальбахова и вижу, что он склонился над свежим номером газеты «Известия» и подчеркивает красным карандашом строки из большой статьи Джанни Родари, которая так и называлась: «Новогодняя ночь в Минводах». Мальбахов поднял голову, пристально посмотрел на меня через очки, и я – о, ужас! – услышал: «А мне говорили, Зумакулов не пьет», и, видя, что я это воспринял слишком однозначно, он по-отечески дал понять, что пошутил. А в статье Джанни Родари рассказывал о своих встречах в Кабардино-Балкарии, тепло вспоминал и рассказал, в том числе, образно и эмоционально, о том, как встречали Новый год в Минводах, в частности, о «реках шампанского», о том, как «...молодой комсомольской вождь Борис Зумакулов мастерски открывал шампанское, что пробки, вылетающие из бутылок, пробивали потолок зала, и далее в таком же духе.

Надо сказать, что Джанни Родари вплоть до самой кончины мечтал еще раз побывать на Кавказе, как он выражался, «в колыбели гигантов-нартов и великого Прометея».

Тогда было время динамичное, особенно комсомольские работники долго на одном месте не засиживались. А я, будучи избранным первым секретарем обкома ВЛКСМ в 1963 году, проработал в этой должности вплоть до 1971 года, когда был приглашен на работу в Москву, на должность первого заместителя председателя Центрального Совета пионерской организации им. В. И. Ленина.

Первым секретарем ЦК ВЛКСМ с 1968 года работал Е. М. Тяжельников. Он много ездил по стране, бывал неоднократно и в Кабардино-Балкарии, посещал первичные комсомольские организации, был очень дружен с нашим первым секретарем обкома партии Т. К. Мальбаховым, ко мне также относился подчеркнуто уважительно.

Как сказал выше, я много лет проработал в должности первого секретаря обкома комсомола. Конечно, кое-кому казалось, да и мне самому, что я слишком уж «задержался», тем более, что уже выросшим на моих глазах комсомольским работникам тоже надо было расти по службе.

И когда я получил предложение от заведующего отделом комсомольских органов ЦК ВЛКСМ Владимира Титовича Иванова и второго секретаря ЦК ВЛКСМ Бориса Николаевича Пастухова, я, особо не задумываясь, дал согласие, хотя вопрос еще не был обговорен с первым секретарем обкома партии. Когда я об этом сказал Т. К. Мальбахову, он, как я понял, не был готов к такому повороту и был не очень доволен, но в то же время предложение о моем переходе на работу в Москву благословил.

Самое интересное произошло позднее, когда меня проводили в кабинет первого секретаря ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельникова. Дело в том, что я давал согласие на работу в должности первого заместителя заведующего отделом комсомольских органов ЦК ВЛКСМ, а к Тяжельникову меня повел второй секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов.

Евгений Михайлович, внимательно полистав мое личное дело, вдруг говорит Пастухову: «А что мы первого секретаря обкома ВЛКСМ, кандидата наук, работавшего пионервожатым, начальником пионерского лагеря отправляем на бюрократическую работу, а не на педагогическую, творческую. Вот как раз создается Центральный Совет Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина. Туда и надо рекомендовать Бориса Зумакулова». В это время я чувствую взгляд Б. Н. Пастухова, мол, держись, не давай согласия. Но Е. М. Тяжельников продолжал уже рассказывать, как надо строить работу, на что надо первое время обратить внимание, как это важно для воспитания детей и подростков, тем более, сказал он, что должность первого заместителя председателя Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина – это в структуре ЦК ВЛКСМ и приравнивается к должности зав. отделом ЦК ВЛКСМ. Его дальнейшие рассуждения окончательно определили мою участь. Так я стал, как потом друзья меня называли, «первым пионером Советского Союза», и об этом не жалею. Ибо на самом деле по служебным своим обязанностям мне приходилось общаться с видными учеными, педагогами, видными военачальниками, космонавтами, великими артистами, деятелями культуры, искусства. Например, с маршалами И. С. Коневым, И. Х. Баграмяном.

Евгений Михайлович Тяжельников – один из тех, кто сыграл в моей жизни большую роль. Для нас всех тогдашних секретарей обкомов, крайкомов комсомола, он был величайшим авторитетом. До прихода на должность первого секретаря ЦК ВЛКСМ в 1968 году Е. М. Тяжельников успел поработать ректором Челябинского педагогического института, секретарем Челябинского обкома КПСС. Кандидат педагогических наук, доцент, он в деятельность комсомола пытался внести научно-педагогические основы, вовлекал в сферу молодежного движения крупных ученых. Именно при нем были созданы подразделения в ЦК ВЛКСМ, отделы по работе с научной молодежью. Проводились конференции молодых ученых по конкретной тематике, были учреждены премии Ленинского комсомола за достижения молодых ученых в науке. Кстати сказать, первым лауреатом Ленинского комсомола в области науки стал наш земляк, бывший деле-

гат XVI съезда комсомола Михаил Залиханов. В период деятельности Е. М. Тяжелникова стали входить в практику Всесоюзные слеты, областные и республиканские слеты по профессиям.

Помнится, Всесоюзный слет молодых чабанов проводился в Киргизии, в городе Фрунзе (ныне Бишкек), куда была приглашена делегация из нашей республики. Слеты «Слава труду», всесоюзные, республиканские, областные вахты памяти, посты № 1 у памятников иobelisks павшим героям Отечественной войны, походы по местам боевой и трудовой славы советского народа. Эти и другие яркие, эмоциональные акции комсомола инициировались, одухотворялись, организационно оформлялись лично первым секретарем ЦК ВЛКСМ Евгением Михайловичем Тяжелниковым. Он очень любил ездить по стране, бывать в комсомольских организациях, был прост в общении, обладал ярким талантом оратора, умел любую аудиторию заинтересовать и сделать своим союзником. Бывал он неоднократно и в Кабардино-Балкарии, посещал комсомольские организации СКЭП, «Телемеханика», медицинского училища. Встречался с журналистами коллектива редакции «Советская молодежь».

Евгений Михайлович очень по-доброму относился ко мне. Наши личные отношения переросли в многолетнюю дружбу. Мы с ним и с его красивой и обаятельной супругой Инной Васильевной бывали в гостях у моих тетюшек Джамили, Баккуш и Айшат в далеком селе Булунгу. Гостили в Приэльбрусье у моего друга Михаила Чоккаевича Залиханова. По истечении многих лет, когда Е. М. Тяжелников являлся чрезвычайным и полномочным послом СССР в Румынии, а я с женой Нелли был на отдыхе в этой стране по межпартийному обмену, посол Тяжелников принимал и опекал нас как своих близких друзей. Под впечатлением Нелли Ибрагимовна говорила: «Какие они (Е. М. Тяжелников и Инна Васильевна) благородные и красивые, душевно щедрые люди».

Прошло много лет, теперь он на пенсии, но наше общение не прекращается. Не так давно, когда я задумал издать книгу о Т. К. Мальбахове, позвонил Тяжелникову, поинтересовался, не мог бы он сказать несколько слов о Т. К. Мальбахове, к которому он относился с величайшим уважением, и это было взаимно. Идею Е. М. Тяжелников активно поддержал, мало того, одним из первых прислал теплую статью о Мальбахове, которая была опубликована в книге «Говорил тихо – слышали все». В жизни мне приходилось получать и ордена и медали, но «Почетный знак ЦК ВЛКСМ», врученный в Колонном зале Дома Союзов в Москве лично Тяжелниковым, я храню особо, ибо это была высокая награда, оценка моего многолетнего труда.

Итак, в 70-е годы я работал в Москве в должности первого заместителя председателя Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина. По тому времени это была большая, заметная должность, ибо одновременно избирался и членом ЦК ВЛКСМ и вице-президентом «Симеа» – Международной детской и юношеской организациями, действовавшей под эгидой ЮНЕСКО. Центральный совет пионерской организации издавал

популярную газету «Пионерская правда», журналы «Пионер», «Вожатый», «Музилка», целый ряд другой газетной продукции. Одновременно мне, помимо всех прочих функциональных обязанностей, было поручено курировать всесоюзные детские здравницы «Артек», «Орленок» и следить за распределением по регионам путевок и правильным отбором детей. В то время было принято проводить целевые смены: «Слеты юнармейцев», «Юных натуралистов» и т. п., победителей различных конкурсов. Особенно тяжело было летом. В пионерские лагеря «Артек» и «Орленок» стремились попасть дети и внуки московской партийной, советской, комсомольской, хозяйственной и культурной элиты. Не было отбоя от писем, звонков и визитов. Однажды позвонил по «вертушке» незнакомый мне человек, представился как Петров и строгим голосом сказал: «Срочно дайте путевки для нужд семьи Брежнева». Я грешным делом подумал: при чем здесь Петров и семья Брежнева, и отказал. Потом было объяснение у самого Тяжельникова. Единственное оправдание – я недавно был в Москве и ничего не знал о Петрове, пусть назвал бы свою официальную должность. Но, кажется, пронесло, случай постепенно забывался.

Вдруг где-то в июле-августе 1974 года прихожу на работу, а в приемной сидит парень невысокого роста, с включенным чубом и в потрепанной кожанке. Я в кабинет – он за мной, и эдак вальяжно садится за приставной стол и с ходу бросает: «Мне две путевки для детей Марины Влади», – и подает письмо Посольства СССР во Франции с просьбой выделить эти путевки для известной французской актрисы, активистки общества франко-советской дружбы Марины Влади.

Я весьма удивленно посмотрел на предъявителя бумаги и почему-то невольно спросил у него: «А при чем Марина Влади, посол СССР во Франции, резолюция Тяжельникова и Вы?» Он сделал еще более удивленное лицо, слегка прищурил глаза и, почти жалеючи меня, гордо сказал: «Вся Москва, вся Россия знает, что я – Высоцкий, муж Марины Влади, а у нее есть дети. А вы этого не знаете!» Я действительно до этого не видел лично Владимира Высоцкого, слушал его песни, но чтобы вот так неожиданно встретиться и по поводу путевок для Марины Влади! В этот раз я, конечно, все быстро решил, чтобы снять неудобство момента, сам вызвал зав. сектором пионерлагерей «Артек» и «Орленок» Г. И. Чубарову и попросил принести два чистых бланка путевок. Здесь же при нем оформили, поставили печать. Пока это делали, секретарь-референт готовила кофе, а сотрудники то и дело под разными предлогами приходили посмотреть на самого Высоцкого. Мы выпили кофе, разговорились, оказалось, он хорошо знал Кавказ, Кабардино-Балкарию, любит горы и т. д.

Уходя, он дружески улыбнулся – достал из кармана поношенной кожанки две контрамарки с его инициалами и гордо сказал: «Приглашаю на Таганку, на все спектакли контрамарки действительны». Бывал я на спектаклях, видел блестящую игру Высоцкого, правда не стал заходить за кулисы, не стал обозначаться, ибо к этому времени у него не было отбоя от кумиров, почитателей, да и просто «фрондирующей» молодежи.

Об одном я сожалею, что рано ушел из жизни Высоцкий, а раз так случилось, почему я не сохранил именные контрамарки. Были бы кстати в музее имени Высоцкого в Приэльбрусье, заодно обрадовался бы создатель музея, друг великого актера Хусейн Залиханов.

В годы моей комсомольской юности мы все как один ходили под впечатлением побед нашего советского народа в космосе. Да, мы гордились, мы были счастливы от сознания того, что наши советские молодые люди были первыми в космосе. Восторг и энтузиазм молодежи, да и взрослых, можно было разве что сравнить с победой в 1945 году над немецко-фашистскими захватчиками. Во всяком случае, я об этом слышал много раз от тех, кто победил в той войне и торжествовал победу.

Я отношусь к тем немногим счастливицам, которые были лично знакомы с космонавтами, и с многими из них меня связывали многолетние дружественные отношения. Может быть, кому-то покажется бахвальством, но именно фотография нашей делегации вместе с Ю. А. Гагариным и А. Н. Николаевым на Красной площади, которые также были делегатами съезда комсомола, были опубликованы во многих периодических изданиях, и напечатаны в большинстве книг о Юрии Гагарине.

Так уж случилось, что судьбе было угодно, что вместе с делегатами съезда из КБР и ряда республик Северного Кавказа Ю. А. Гагарин поехал на встречу с молодыми рабочими ЗИЛа. Более трех часов мы все находились в плену обаяния и душевной теплоты Юрия Алексеевича. Мы видели, как он, общаясь с людьми, прост и доступен. Как он понятно и искренне говорит, как его люди слушают. И здесь можно поспорить с поэтом, сказавшим «...лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии». И лицом к лицу, и на расстоянии Гагарин был гениален в своей человеческой простоте и прост в своей гениальности и в подвиге. В его жизни отразилось все хорошее и чистое, что было в то время в простых русских, советских молодых людях. Для тех, кто может заподозрить меня в панибратстве и в желании покрасоваться на фоне Гагарина, могу сказать, что после трагической гибели первого космонавта планеты его жена Валентина и две дочери бывали здесь – в Кабардино-Балкарии. Мы показывали им красоты республики, поднимались на склоны Эльбруса на высоту 3,5 тыс. метров.

Может быть, в силу географического расположения республики, а может, иное какое-то тяготение, но практически все космонавты тех первых героических лет после полетов приезжали в Кабардино-Балкарию, бывали в коллективах, в молодежных бригадах, проходили акклиматизацию в Приэльбрусье. Конечно, мы делали все, чтобы им понравилось – зачисляли их в комсомольско-молодежные бригады и смены, многим присваивались звания почетных граждан наших городов. Закладывалась аллея космонавтов. О пребывании космонавтов Алексея Леонова, Виктора Горбатко, Бориса Волынова, Владимира Шаталова, Алексея Елисеева, Георгия Гречко и многих других в Кабардино-Балкарии напоминают голубые ели у Дома Правительства КБР.

Как я уже упоминал, в годы работы в ЦК ВЛКСМ приходилось по делам Всесоюзной пионерской организации быть в контакте со многими руководителями союзных и федеративных органов, ведомств и организаций, имевших отношение к образованию, воспитанию, организации труда и отдыха детей и молодежи. В частности, приходилось часто бывать на союзных и федеральных фестивалях творческих Союзов, коллегиях, заседаниях правлений, где обсуждались проблемы детства и юношества. В 1972 году при подготовке и проведении 50-летия Всесоюзной пионерской организации им В. И. Ленина я входил в оргкомитет по подготовке и принимал участие в работе рабочей группы по подготовке постановления ЦК КПСС «О 50-летию Всесоюзной пионерской организации им В. И. Ленина», а также в подготовке мероприятий ЦК ВЛКСМ по выполнению постановления ЦК КПСС. Ни в коей мере не завышая свою роль, тем не менее, хочу заметить: именно Центральному Совету Всесоюзной пионерской организации, который возглавляла Алевтина Васильевна Федулова, выпала тяжелая ноша проведения основных мероприятий по организованному и методическому обеспечению юбилея. О важности и ответственности их можно судить по тому, что торжественное заседание, посвященное юбилею, проходило в Кремлевском Дворце съездов с участием всего руководства страны во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.

В рамках подготовки к юбилею был предпринят ряд конкретных государственных мер по подготовке детского движения в стране, по улучшению материально-технической базы детских дошкольных и внешкольных учреждений. К слову сказать, именно в это время было принято решение о строительстве Всесоюзной детской здравницы типа «Артек» в Приморском крае, строительстве новых Дворцов пионеров и школьников и обновлению существующих. Именно в это время было решено строить детский музыкальный театр в Москве, который ныне носит имя Натальи Ильиничны Сац.

Хочу подчеркнуть, что Алевтина Васильевна Федулова оставила яркий и незабываемый след в детском и юношеском движении. Она была женщиной незаурядной, красивой и обаятельной, но ко всему этому еще высоко образованной, хорошо чувствующей пульс жизни детской организации, умеющей находить друзей организации, спланировать их и настраивать, как говорится, «на дела хорошие». При ее руководстве Центральный Совет пионерской организации стал структурой, которая консолидировала и собрала представителей властных структур, научных и образовательных ведомств. Не будучи даже кандидатом наук, она наравне могла дискутировать и отстаивать интересы пионерского и детского движения на президиуме Академии педагогических наук, где заседали такие крупные педагоги-академики, как Столетов и Кондаков. Она могла на заседании ЦК ВЛКСМ, которое проводил Е. М. Тяжельников, в то время личность общесоюзного масштаба и, я бы сказал, деятель с планетарным мышлением, вступить в жаркую полемику, и, придя потом в ЦС ВПО, пустить слезу от, может быть, излишней эмоциональности.

Мы работали вместе почти пять лет, и я чувствовал к себе доброе товарищеское отношение со стороны и председателя А. В. Федуловой, и работников аппарата – людей с большим опытом комсомольской и педагогической работы. На посту первого заместителя председателя Центрального Совета пионерской организации мне приходилось вести организационно-методическую работу в аппарате, пользуясь абсолютным доверием со стороны председателя – секретаря ЦК ВЛКСМ А. В. Федуловой. Может быть, я был где-то излишне требовательным к некоторым работникам аппарата, может быть, некоторые и не были психологически готовы к тому, что какой-то там Зумакулов, из какой-то Кабардино-Балкарии, которую некоторые и на карте не могли найти, мог не только командовать, но и при случае сделать головомойку или вернуть выстраданный проект того или иного решения.

Из дневника:

В первые дни работы в новой должности мне положили в папку проект постановления ЦС ВПО им. Ленина, подготовленный ответственным работником. Я прошелся карандашом по всему тексту, как это обычно делал, будучи первым секретарем обкома комсомола, в итоге, как водится, на документе не осталось живого места. Получив обратно свой документ, сотрудница зашла в мой не очень большой кабинет (не буду называть фамилию) и стала листать проект. Я увидел на ее глазах слезы, которые большими каплями падали на ее пышную и красивую грудь. Честно говоря, сильно расстроился, ибо не был готов к такой реакции на мои правки ее проекта решения. Она искренне обиделась, поскольку тоже не ожидала такого вмешательства в судьбу сего, как она считала, выстраданного документа. Но когда были внесены правки и документ она просмотрела в чистом виде, сама пришла и сняла свои недоуменные вопросы, а в последующем и другие работники начали осознавать, что «...оказывается, и там, в провинции, у даже не русоволосых работников неплохо обстоит дело со знанием русского языка и стиля деловых бумаг». Этот факт я привожу не для того, чтобы отнести его исключительно на счет своих личных качеств, но подчеркнуть, что, работая в Центральном аппарате, бывая в высоких кабинетах и среди обычных людей, в поездках по стране, я ни разу не почувствовал какого-либо пренебрежительного или недоброжелательного отношения к человеку неславянской внешности, или, как сейчас принято говорить, «лицу кавказской национальности». Кто бы как ни говорил, а заслугой Советского Союза и идеологии, которая цементировала и объединяла людей разных народов, помимо всего прочего было сформированное в боях и труде понятие идейной общности советских людей. А что касается изменений, которые потом произошли и в отношениях между регионами, и представителями отдельных народов, и нынешней криминогенной ситуации в стране, – это целиком можно отнести на счет «прорабов» перестройки и агентов влияния, которые преднамеренно обостряли этнонациональные конфликты, разжигали

костер недоверия, следуя рекомендациям, которые в годы холодной войны активно пропагандировали апологеты Запада.

Что касается криминогенной обстановки: я жил с семьей в Москве не один год и бывал в разных ситуациях. Бывало, когда готовили крупные мероприятия, пленумы ЦК ВЛКСМ, съезды, участвовал в рабочих группах, приходилось задерживаться до 2-х и 3-х ночи, и никогда у меня не возникало опасений, как пройти к дому, что, не дай Бог, нападут, ограбят и т. п. А идти приходилось через Петровский парк к дому № 14 на Верхней Масловке. Потом, особенно в период градоначальства Гавриила Попова, криминогенная обстановка в Москве достигла пиковых уровней. Признаюсь, и меня в центре Москвы, почти у Красной площади, хотели ограбить, но на мое счастье рядом оказалась компания, напугавшая грабителей.

Но вернемся к работе в столице. И сегодня я с большой благодарностью вспоминаю многих друзей и соратников, с которыми мне приходилось трудиться в Москве на ниве пионерского и детского движения: Анатолия Попова, Анатолия Деркача, Юру Муратова, Нину Чеснокову, Галину Чубарову, Людмилу Салтыкову и многих других, с кем меня свела жизнь и работа. Анатолий Иванович Попов был моим близким другом и товарищем, – всегда доброжелательный, открытый, с обостренным чувством товарищества и братства, ответственности перед друзьями. Он для меня олицетворял образ настоящего русского человека. Таким для меня он был и в ранге заместителя председателя Центрального Совета пионерской организации, и зам. заведующего отделом ЦК КПСС, и первого заместителя руководителя аппарата Государственной Думы РФ, таким остается и теперь, будучи на заслуженном отдыхе.

Всегда считал я своим большим другом и соратником Анатолия Алексеевича Деркача, которого, кстати сказать, мы с А. В. Федуловой пригласили на работу в Москву из Ворошиловграда (Украина), где он был одним из молодых и талантливых ученых в области психологии и педагогики. Мы оказались правы, ибо он быстро освоился в московских научно-педагогических кругах и был крайне полезным в решении задач научного обеспечения детского и юношеского движения в стране. С его мнением считались и комсомольские и пионерские работники, и видные ученые-педагоги. Впоследствии Деркач защитил докторские диссертации по психологии и педагогике, открыл кафедры в Академии общественных наук при ЦК КПСС, а затем работал и первым проректором Академии Государственной службы при президенте РФ. До сих пор мы остаемся добрыми друзьями.

Не могу не вспомнить Юрия Ивановича Муратова. Несмотря на то, что он, как и все мы, был аппаратным работником в хорошем смысле слова, все же, в отличие от многих из нас, он выгодно выделялся аналитическим, я бы сказал, пронзительным умом. Он был по натуре мыслителем, который выделял по большому счету проблему, оставляя по ту сторону мелочи. С ним советовались, его привлекали к составлению аналитических материалов и когда он работал в ЦК ВЛКСМ – заведующим отделом

школьной молодежи, и когда работал консультантом отдела ЦК КПСС, но, к большому сожалению, его знания и умение анализировать и предвидеть использовались чиновниками на определенных этажах, чтобы держать при себе, не способствуя его выходу на более высокие этажи или самостоятельный участок, где бы он сам определял линию поведения. И это я отношу к издержкам аппаратного механизма.

В период работы в комсомоле в республике, а потом в Москве в ЦК ВЛКСМ у меня сложились очень теплые доверительные отношения с секретарем ЦК ВЛКСМ С. П. Павловым, В. А. Саюшевым, В. Т. Дувакиным, А. Х. Везириным, Г. П. Елисеевым, Л. К. Балясной, З. Г. Новожиловой, Т. А. Куценко, Б. К. Пуго.

С особой благодарностью я вспоминаю Б. Н. Пастухова, который, будучи первым секретарем ЦК ВЛКСМ, председателем Госкомитета СССР по печати, зам. министра иностранных дел РФ, послом Советского Союза в Афганистане, оказывал мне дружескую, братскую поддержку.

Безусловно, Пастухов был и есть знаковый человек, он много сделал для страны, для нашего Отечества и, думается, история это оценит и воздаст ему должное.

В феврале 1975 года мне в Москву позвонил сам Т. К. Мальбахов и предложил вернуться в Нальчик, на работу в обком КПСС, назвал конкретную должность – заведующий отделом пропаганды и агитации областного комитета. Я поблагодарил Тимбору Кубатиевича и попросил дать время для раздумий. Он же, к моему удивлению, легко согласился, но добавил: «Жду ответа завтра». Я, естественно, пошел к своему первому секретарю ЦК ВЛКСМ Е.М. Тяжельникову. Когда зашел в его кабинет, сразу понял – шеф обо всем знает. Не успел я сказать о цели своего визита, Тяжельников произнес: «Знаешь, Борис, нам не хотелось тебя отпускать, но мой друг Тимбора Кубатиевич очень сильно попросил, и я единственно что мог сделать – это взять отсрочку по времени, для встречи с тобой». Много добрых слов сказал Тяжельников в мой адрес, я был очень тронут, но понял: моя судьба решена и мне надо возвращаться в Нальчик.

Из дневника:

В 1974 году, зимой, руководством ЦК ВЛКСМ мне было поручено вручить красное знамя ЦК ВЛКСМ Ростовской областной комсомольской организации «за успехи в реализации закона «О сельском всеобуче». Я приехал, и как своего северокавказского земляка меня очень хорошо встретили секретари ростовского обкома ВЛКСМ Иван Афанасьев и Юрий Дергаусов. Они были дружески приветливы и внимательны. После вручения знамени предложили поехать в далекий рыбоводческой колхоз на берегу Дона, а дело было осенью, уже ударили первые легкие морозы.

Ехали очень долго, проселочными дорогами, и в одном месте наш «уазик» застрял и никакие двойные передачи не могли помочь выбраться из колеи, но наши кунаки нашли трактор на гусеничной тяге и мы, прицепившись за него, все-таки доехали до места. Не знаю, то ли от того,

что в дороге мы продрогли и проголодались, но ужин из запеченной по казачьему рецепту рыбы показался нам сверхвкусным и аппетитным.

Одним словом, в казачьем селе мы провели время очень красиво и уже поздно ночью вернулись в Ростов – полные приятные впечатлений.

Когда я зашел в свой просторный номер в ростовском «Интуристе», обратил внимание, как в старой русской сказке, – «здесь кто-то был». На столе – закуски и все, что полагается к ним по высшему разряду, а в большом бокале – свернутый лист бумаги, в котором сообщалось: «Были, ждали долго и ждем в ресторане, время не имеет значения», и в конце строчки – стихи Расула Гамзатова:

*«В горах рожденные мужчины
Живыми или мертвыми
Должны вернуться на вершины!»*

И далее – «лучше живым вернись»!

И – подписи партийных и советских работников из республики, находившихся в Ростове на двухнедельных курсах в ВПШ при ЦК КПСС. Я, естественно, спустился в ресторан и, к моему удивлению, увидел Куанча Джаппуева, Алика Маршенова, Анатолия Жигунова и других, уже под крепким «хмельком», – сидят и для них играет оркестр. В кабинете Тяжелникова почему-то вспомнилась встреча с ростовскими коллегами, с земляками из республики, теплые, братские чувства, проявленные ко мне и, естественно, тоска по земле кавказской. Это и предопределило мое решение уехать из Москвы (мы там себя чувствовали хорошо, как я уже говорил, жена, Нелля Ибрагимовна, устроилась на хорошую работу по специальности, дети ходили в садик прямо во дворе элитного дома на Верхней Масловке, кстати, на нашей лестничной площадке жила председатель Московской коллегии судей, сын ее – Андрей Макаров – еще был студентом, обращался ко мне почтительно и вежливо, теперь он депутат Госдумы РФ, председатель Комитета, правда, я его взглядов не разделяю и, более того, категорически отвергаю).

Надо сказать, коллеги по аппарату Центрального Совета провожали меня очень тепло. ЦК ВЛКСМ наградил Почетной грамотой, вручал лично Е. М. Тяжелников. Когда вернулся домой, на меня нашла такая грусть, было трудно объяснить. Вроде бы радость возвращения домой, в Нальчик, где ждали и мать, и многочисленные друзья и родственники, возвращение на партийную работу, по тому времени вполне заметная должность... но, тем не менее, завершился длительный этап в моей трудовой деятельности, да и вообще жизни, трудной и сложной, но овеянной романтикой молодости. И сегодня, по прошествии многих лет, я как «сладкую песню» своей юности и молодости вспоминаю дни работы в комсомоле и, вопреки всякого рода домыслам «доброжелателей», считаю: комсомол много сделал для страны и земли нашей, и в моей судьбе, как и в судьбах миллионов молодых людей, сыграл выдающуюся роль, за что мы будем ему вечно благодарны.

К 70-летию Лиуана Афаунова

Покой в душе от солнечного света,
От синевы небес, щедрот земли.
Прошу вас, люди, сберегите это,
Потомки наслаждаться чтоб могли

Величьем гор, луной над тихим краем,
Мерцаньем звезд вселенского огня,
Полей простором, дивным урожаем, —
Всем тем, что вечно радует меня.

Пусть чистота озер, лесов красоты
И дальше улаживают чей-то взор...
Мне по душе, как раз, наверно, в сотый
Степенный дед заводит разговор.

Как бабушка на всех готовит ужин,
Как трудится отец на зависть всем,
Как мать растит детей, и сад завьюжен
Цветеньем белым, и, как тайна, нем.

Люблю, когда веселой вереницей
К земле снежинки устремляют бег,
Люблю, когда поют о чем-то птицы,
И дождь люблю, как всякий человек.

Люблю мой край адыгский я до боли,
Очаг домашний и семейный кров.
Люблю, когда, как зарево над полем,
Над миром поднимается любовь.

Ради любви вращается планета,
Мне по душе на многое смотреть...
Прошу вас, люди, сохраните это,
Чтоб не пришлось в грядущем сожалеть.

Что значит – быть адыгом

Уважать язык далеких предков,
Вспоминая мудрые их сказы.
На пирах присутствуя нередко,
Тосты старших слушать раз за разом.
Наслаждаться в жизни каждым мигом...
Вот что означает – быть адыгом!

Или у подножья гор далеких
Ключевую зачерпнув водицу,
Горный воздух вновь почуять в легких,
А Эльбрусом сызмальства гордиться.
И стада пасти на склоне диком...
Вот что означает – быть адыгом!

Не смиряя дух неукротимый,
Мужеством крепчая год от года,
Соблюдая этикет старинный,
Совестью быть чистым пред народом,
Ощущать народ своим владыкой...
Вот что означает – быть адыгом.

Не искать для ссор и склок причины,
Лошадь оседлав, не прятать зора.
И дела, достойные мужчины,
Совершать, не ведая позора.
Наслаждаться горным эха криком...
Вот что означает – быть адыгом.

Помогая слабым и калекам,
Милосердье проявлять к заблудшим.
Жизнь прожить достойным человеком,
Уважая все людское в душах,
За советом обращаясь к книгам...
Вот что означает – быть адыгом.

Воспоминание

Я помню: ветер дерево свалил
Легко, как будто просто вырвал щепку.
А саженцы, что рядом с ним росли,
Остались без его защиты крепкой.
После того дрожат они всегда,
Как камыша колеблются тростинки.
Всем сердцем я прочувствовал тогда
Как одиноко плачут сиротинки.

Помню отца

Отца я помню. Он пришел с войны.
Он брал Берлин. Лишь то его спасло,
Что он одним желаньем был согрет
Скорей увидеть Родину свою.

Отца я помню. Не было ни дня,
Чтоб кто-нибудь его в чем упрекнул.
Трудился честно, как и воевал,
И у трудяг всегда в почете был.

Пришла пора покинуть бранный мир.
Он жизнь отдал народу своему...
На память свою душу всем раздал.
Отца я помню. Помню. Не забыл.

Наследье

Не умерла ли мать от жизни безмятежной?
Нет. И отец не умер от безделья.
Все силился понять я безнадежно,
В уме перебирая наблюденья:

Земными он благами не разжился,
И удовольствий в жизни было мало.
Быть может, мир с ума сошел, ошибся?..
И только с возрастом мне очевидно стало:

Рожден ты теми, чья судьба – трудиться,
Испытывая трудности лишений.
Трудись и ты, чтобы тобой гордиться
Могли потомки, в этом утешенье

Твое, твое наследье от природы,
Трудись не ради славы и богатства,
А чтобы во все будущие годы
Росло и крепло трудовое царство.

Перевод Дмитрия Лунина

К 60-летию Татьяны Баркизова

Родился в сел. Верхний Куркужин Кабардино-Балкарской республики в крестьянской семье. В 1967 г. окончил среднюю школу, откуда в 1969 г. призывается в ряды Советской Армии и служит до 1971 г. После армии возвращается в родное село и работает рабочим строительной бригады. С 1971–1998 гг. является сотрудником МВД КБР, демобилизовался в звании майора.

С 1981-го по 1987 г. – учится в литературном институте им. М. Горького в Москве и заканчивает его успешно.

С 1991 г. – член Союза писателей России.

Его стихи постоянно печатаются в журналах и газетах на кабардинском, балкарском и русском языках.

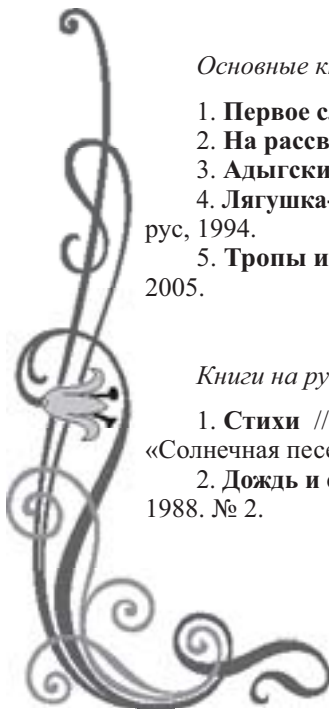

Основные книги на кабардинском языке:

1. **Первое слово.** Стихи. Нальчик: Эльбрус, 1974.
2. **На рассвете.** Стихи. Нальчик: Эльбрус, 1984.
3. **Адыгский мир.** Стихи. Нальчик: Эльбрус, 1990.
4. **Лягушка-космонавт.** Стихи для детей. Нальчик: Эльбрус, 1994.
5. **Тропы истории.** Стихи и поэмы. Нальчик: Эль-Фа, 2005.

Книги на русском языке:

1. **Стихи** // В коллективном сборнике песен для детей «Солнечная песенка». Нальчик: Эльбрус, 1983.
2. **Дождь и солнце. Гром гремит.** Стихи. Ж. «Эльбрус», 1988. № 2.

Ислам ТЕКУШЕВ

Ислам Текушев родился 20 ноября 1977 года в г. Нальчике, Кабардино-Балкария. По профессии социолог, по призванию журналист. С 2002-го по 2003 г. – редактор черкесского радио «Свобода», Прага, Чешская республика. С 2003 г. и по сей день – учредитель информационно-аналитического агентства «Medium-Orient». Учредитель и главный редактор информационного агентства «Caucasus Times». Руководитель проекта по изучению общественного мнения в горячих и кризисных регионах «Independent opinion». Автор книги «Северный Кавказ: взгляд изнутри».

УТРО

Дедушка Галим был типичным представителем кавказской семьи. Он был высок и статен. Взгляд у дедушки Галима был суров, но с добринкой. Лицо было длинным, с массивными скулами. Черные и густые брови треугольниками ложились на его лоб. Седые, почти белые волосы были зачесаны назад. Длинный, грушевидный нос придавал дедушке Галиму особый кавказский колорит. Ходил дедушка важно и уверенно.

Давид, волоча ноги, все еще представляя себе, какой прекрасный сон поутру он мог бы досмотреть, если бы не привередливый дедушка, подошел к умывальнику, сердито открыл кран, ровно настолько, насколько стакан воды можно было бы наполнить не раньше часа, протянул указательный палец к струе, так, чтобы намок только кончик пальца, намочил его, провел пальцем по длинным и густым мальчишечьим ресницам и с воодушевлением приступил к накладыванию зубной пасты «Чебурашка» на зубную щетку «Чебурашка».

Зубы Давид чистил от души. Давиду нравился мятно-сладкий вкус зубной пасты. Завершив процесс умывания, который занял чуть более трех минут, Давид направился к столу, где его ждали бабушкины лакумы, сыр, сметана, калмыцкий чай и дедушка Галим.

Давид не очень любил завтракать с дедушкой, но того требовал кавказский этикет, в который Давид был уже давно посвящен. К завтраку дедушка Галим подходил с такой же ответственностью, как и к умыванию.

– Не спеши, Давид, пережевывай еду тщательно, не играй кружкой, чай горячий, обожжешься. – Завершив утреннюю трапезу, дедушка Галим встал из-за стола, накинул плащ, надел шляпу и со словами: – Не хулигань, – направился в Чегемскую среднюю школу номер 1, где вот уже более сорока лет работал завучем и преподавал с неистовой любовью географию.

Дедушка Галим был сельским учителем. Будучи географом, он знал об этом мире все, но ни разу не был за пределами Советского Союза. На-

пример, дедушка Галим знал численность и этнический состав населения Гондураса, мог назвать наиболее часто встречающиеся полезные ископаемые в любой стране земного шара. Наугад, ткнув пальцем в небо, от него можно было услышать характеристику той или иной звезды, которая предательски исчезала под пристальным взглядом Давида, который так и пытался ее пробуравить, чтобы запомнить навсегда дедушкин рассказ.

Его знали и уважали в селе все: от мала до велика. Давид об этом знал и был очень горд этим.

Не доев до конца лакум, Давид бросил его на тарелку и, насвистывая мелодию собственного сочинения, направился на улицу, где его ждала соседская ребятня, с которой он планировал поближе познакомиться.

Знакомство с местной шпаной прошло без эксцессов. Давид сидел с деревянным автоматом в засаде, когда услышал голос мамы: «Давид, а ну, быстро домой!»

Давид и не заметил, как быстро пролетел день. Попрощавшись с новыми друзьями, Давид впереди мамы побежал домой, где его ждали дедушка Галим, бабушкины лакумы, сметана и жаркое, которое так любил маленький Давид.

ШКОЛА

Утром Давида разбудила мама. Давид уже знал, что он сегодня пойдет в школу, вчера вечером его об этом торжественно проинформировал дедушка Галим.

Давида умыли, надели школьную форму темно-синего цвета, с эмблемой на рукаве, и посадили за стол, где его уже ждали дедушка Галим, бабушкины лакумы, сыр, сметана и калмыцкий чай.

– Не спеши, Давид, пережевывай еду тщательно и не играй кружкой, чай горячий, обожжешься, – по уже сложившейся традиции сказал дедушка Давиду. Затем торжественно произнес: – Давид, сегодня у тебя начинается новая жизнь, ты научишься писать и читать. И знай, я сделаю из тебя человека, мерзавец, – заключил свою речь дедушка Галим, со вкусом запивая сказанное горячим чаем.

Дождавшись, когда Давид доест последний лакум, дедушка Галим встал из-за стола, накинул плащ, надел свою черную, немного потертую шляпу, взял Давида за руку, и они вместе направились в школу.

Дорога в дедушкину школу была покрыта гравием, она была извилистой и неровной. Давид бежал за дедушкой, перепрыгивая небольшие лужицы и свежий коровий помет, который с утра успели наложить неблагодарные животные по пути на пастбище.

– Не опережай меня, Давид, иди, немного отставая, держись слева от меня. Я старше тебя, и это не красиво, что скажут люди, – поучал Давида дедушка, успевая при этом здороваться с прохожими.

Давид не слышал дедушку, он считал лужицы. Когда почтенный дедушка с внуком подошли к школе, Давид насчитал 141 лужицу.

Дедушкина школа впечатлила Давида. Такого количества детей сразу

Давид не видел никогда. Школьный двор напоминал палитру художника. Необузданным потоком дети то заносились в школу, то выносились из нее.

– Здравствуйте, Галим Хажевич! Здравствуйте, Галим Хажевич! – посыпались на дедушку Давида со всех сторон приветствия.

Они зашли в класс, где уже сидели за партами тридцать таких же сорванцов, как Давид. Давида и дедушку встретила высокая черноволосая женщина.

– Здравствуй, Давид, я о тебе уже слышала, добро пожаловать в нашу школу, – сказала она. – Я – твоя учительница, меня зовут Мария Ибрагимовна.

Мария Ибрагимовна была высокой и худощавой женщиной лет тридцати пяти. Давиду показалось, что она ему чем-то напоминает маму. Мария действительно была похожа на маму Давида, и это не случайно. Она была родственницей Давида, но он об это тогда не знал. Вообще в селе Чегем, с населением чуть больше четырех тысяч человек, практически все кем-то доводилось друг другу, если и не были родственниками.

Давида посадили с некрасивой девочкой по имени Арина. Давид раньше имел опыт общения с девочками и знал, что все они плаксы и ябеды. А у этой на лице было написано, что ждать не придется долго.

В первый же день, как и предполагал Давид, Арина расплакалась.

– Давид, ты не должен обижать Арину, – сказала Мария Ибрагимовна маленькому Давиду, который в это момент выглядел абсолютно невинным и старался соответствовать этому образу. – Ты должен ее защищать, помогать ей, но никак не говорить, что у нее большой нос, – сказала учительница. – Не обижай Арину, будь джентльменом. Попроси у Ариночки прощения.

Давид не пошел бы на унижительную процедуру, если бы знал, что на второй день над ним попытается надругаться бабушка ябеды Арины – Харусат.

Была перемена, Давид гордо жевал коржик за пять копеек, приобретенный им в школьном буфете, в тот момент, когда пронзительный крик отвлек его от трапезы.

– Ах ты маленький негодяй, хабыршыбыр, ну-ка иди сюда, – прокричала старушка лет семидесяти, приближаясь к Давиду со скоростью гончей собаки. – Это у моей внучки большой нос?! Это у тебя сейчас будет большой нос!

Погоня продолжалась несколько минут. Бабушка Харусат, гоняясь за объектом мщения, сметала на своем пути школьные столы, стулья, одноклассников Давида. Когда старушка настигла Давида и ее корявые пальцы, как плоскогубцы, впилась в ухо Давида, в класс зашла учительница.

– Что здесь происходит? – возмущенно спросила Мария Ибрагимовна.

В этот день Давид, Арина и бабушка Харусат впервые побывали в кабинете завуча Чегемской средней школы номер один. Давид не узнал дедушку, он был каким-то неродным. Его взгляд был грозным и пронзительным. Смотрел он на Давида, словно следователь на подозреваемого в особо тяжком преступлении. После того как учительница Давида отрапортовала

о случившемся ЧП, Галим Хажевич со словами: «А с тобой, мерзавец, мы еще дома поговорим!» – выставил родного внука за дверь.

Дома Давида наказывали всей семьей. В процессе экзекуции принимали участие все: мама, бабушка, дедушка и даже кот Мухамед. Особую активность проявлял дедушка, который предложил запереть Давида в подвале, где темно и сыро. Тремя голосами «за» и одним «против» Давида поставили в угол, откуда он мог смотреть телевизор. Вместе с ним предательски, оглядываясь на деда, в угол отошел и кот Мухамед.

На следующий день Давида пересадили к красивой девочке Анжеле с большими зелеными глазами и длинными косичками. Рядом с Анжелой Давид понял, что имела в виду Мария Ибрагимовна, когда просила маленького Давида быть джентльменом.

Получив удовлетворение оттого, что наконец-то избавился от ябеды Арины, Давид с вдохновением приступил к учебе.

Учеба давалась ему легко. В отличие от большинства одноклассников Давид еще до школы знал русский язык и, следовательно, понимал все, что говорит учительница. Давид учился на пятерки, и дедушка, как полагал Давид, гордился им, а Давид гордился дедушкой, которого в школе боялись и уважали все, даже Мария Ибрагимовна. Так прошел учебный год, и наступило время заслуженного отдыха – каникулы.

ЛЕТО

До этого у Давида не было каникул, и он не знал, что с ними делать. Проснувшись, он спрыгнул с кровати, с трудом натянул старые шорты, которые ему уже были малы, и направился через кухню, наполненную ароматами бабушкиной стирки, в ванную комнату. Умывание уже не доставляло Давиду столько мучений, как раньше. Тщательно умывшись и посмотрев на себя в зеркало, Давид направился к кухне, где его ждали бабушкины лакумы, сыр, сметана и калмыцкий чай. Дедушки Галима за столом уже не было. Давид встал поздно, в это время дедушка уже поливал помидоры в огороде.

– Давид, позавтракай и иди помоги дедушке в огороде, – ласково обратилась к внуку бабушка Мусульмат. – Тебе не жалко дедушку, который ухаживает за помидорами один? А ведь есть их будет не только он! Ты же любишь салатик из помидоров со сметаной?!

Давид любил салатик из помидоров, особенно со сметаной, но он ненавидел копаться в огороде. Давиду было скучно, да и с соседского двора доносился возбужденный крик соседского мальчика Мыны, которого только что расстреляли во время игры в «войнушку».

Давид быстро допил чай, схватил с собой недоеденный лакум, сунул его в карман и побежал в сторону соседского двора, где минуту назад расстреляли бедного Мыну.

Мына сидел на камне и с завистью смотрел на тех, кто еще был жив и продолжал оказывать сопротивление. Мына состоял в германской армии и был оккупантом.

Вид у него был такой, как будто в него действительно попала вражеская пуля и вот-вот он покинет этот бранный мир со свинцом в груди и жаждой мести, как у классика.

Мына был не только соседом Давида, они учились вместе в одном классе. Мына – это кличка, на самом деле у мальчика было два имени. Бабушка Кулимхан называла для исключительной солидности единственного внука Арсеном, а все остальные в доме (мама Сакинат и две тетушки – Тамара и Асият) звали Мыну попроще: Мурат. Но кроме родных, включая и Давида, звали добродушного толстяка чаще Мыной, ибо это прозвище ему подходило больше, чем оба его имени.

Да, Мына был рыжеволосый толстяк, с голубыми глазами и слегка выпяченным, как у здешнего председателя колхоза, животиком. Походка у Мыны была соответствующей. Ему был должен весь мир.

– Эй, Мына! – крикнул с издевкой Давид. – Тебя опять убили?

Мына виновато посмотрел на Давида и фыркнул:

– Это не честно.

– Из-за таких, как ты, Мына, фрицы и проиграли нашим войну, – сказал Давид и по-дружески похлопал Мыну по плечу. – А кто у вас сегодня командир?

– Хасанбий, – сказал Мына, – указывая деревянным автоматом на сарай, где в засаде, окруженный упорными советскими солдатами, сидел немецкий генерал Хасанбий.

– Эй, Хасанбий, я вместо Мыны, – крикнул Давид, отнял у Мыны оружие, ибо ему оно сегодня уже не понадобится, и побежал воевать на стороне немцев.

Так прошел первый день каникул. Все последующие дни мало чем отличались от первого, правда, иногда Давиду приходилось помогать дедушке Галиму поливать помидоры, и тот в благодарность отпускал Давида с ребятами на речку.

Речка Чегем протекала в двух километрах от дома дедушки. Она брала начало с вершин Большого кавказского хребта, текла вниз по Чегемскому ущелью, протекала мимо сел Булунгу, Чегем, Лечинкай и впадала в бурный Терек. Давид любил купаться в ней. Давиду нравилось отдаваться ее воле и нестись с другими детьми вниз по течению на камере от старого трактора.

Давид получал неописуемое удовольствие оттого, что волны бурной реки поднимали камеру вверх вместе с шумной ватагой детей, и со страшной силой бросали юных экстремалов в речную пучину.

И сегодня Давид, Мына, Хасанбий, Хатрупа, и еще пара ребят с соседней улицы плыли вниз по течению, преодолевая, словно профессиональные рафтингисты, опасные пороги горной реки. Над головой Мына держал старое решето, и упоенно несясь на камере, смотрел на разгоряченное солнце в зените, чтобы в нужный миг протрубить ребятам, ату, всем по домам: на горизонте бабушка Кулимхан, которая дает разгон круче всякой тучи.

Дети держались друг за друга, не давая упасть кому-либо с камеры, и Давид поймал себя на мысли, что держится за Хатрупу, с которым он

вчера только подрался. Хатрупа жил во дворе напротив. У него были мама, папа, две старшие сестры и бабушка Гуаша, у которой были усы, как у школьного учителя Давида по труду. Хатрупу звали Мухамед. Но, как вы понимаете, имя пророка ему мало подходило, и его прозвали Хатрупа. «Хатрупа» так же, как и «Мына», ничего не означает и не несет какой-либо смысловой нагрузки, но почему-то оба эти прозвища очень подходили их обладателям.

Хатрупа был врожденным оппозиционером. У него на все было свое мнение, и оно всегда противоречило мнению остальных. Спорить с Хатрупой было абсолютно бесполезно и опасно. Когда у Хатрупы заканчивались аргументы, он отстаивал свою правду при помощи всего, что попадалось под руку. Противостояние миру сопровождалось нечеловеческими криками и обильным выделением слез. У Хатрупы болели глаза, и он был очень нервным. Но Давид уже привык к нему и старался не спорить, если речь не идет о собаках, автомобилях и прочих вещах, о которых у Давида было свое принципиальное мнение.

Процесс анализа отношений с Хатрупой был прерван падением Мыны с камеры. Приближалась бабушка Кулимхан. Уносимое водой решето плюхнулось где-то рядом. Кто, как не Мына, мог соскользнуть в воду, подумал Давид, с упреком глядя на пытающегося выбраться на берег и расплзающегося в речной гальке Мыну и отчаянно голосящую с крутого обрыва бабушку Кулимхан.

Проплыв уже без Мыны еще сотни две метров, ребята выбрались на берег, подобрали спасшегося Мыну и, гоня перед собой камеру, побежали обратно в сторону села, где каждого из них ждал ужин: жаркое, свежий салат из помидоров со сметаной и луком и горячий домашний хлеб.

Да, в те, восьмидесятые, годы все жили по шаблону, ели одно и то же, надевали одно и то же, говорили об одном и том же, думали об одном и том же и мечтали об одном и том же.

Дом Давида и образ жизни его семьи особо не могли отличаться от того, что их окружало. Дедушкин дом был классическим произведением советского времени. Со двора он был одноэтажным, похожим на все остальные дома в округе.

Только со стороны сада, где его не видно из-за деревьев, он незаметно переходил в двухэтажный коттедж, что иногда и позволяло любителю астрономических чудес дедушке Галиму выходить на небольшую лоджию втайне от бабушки Мусульмат, не разделявшей его увлечения небесными светилами, в часы, когда Морфей призывал всех к покою.

Выстраданное на учительскую зарплату замысловатое по тем временам здание не было оригинальным архитектурным прорывом дедушки Галима, знавшего архитектурные шедевры Корбюзье ничуть не хуже своих помидоров. Это был единственный выход спрятать от советской власти желание жить лучше, чем другие.

Дедушка Галим очень любил свой дом, который он построил собственными руками, не имея при этом специального строительного образования. Азбуку ремесла он в свое время унаследовал от своего отца, его отец – от своего, а дедушка Галим передаст его Давиду. Это закон.

Ануар КУЧИНАЕВ

ПОЭМА СКОРБИ *

4

Мольба и крик, рыдание и стон,
Озноб за нездоровым перегревом.
Пыхтит на полустанках эшелон –
Огромная змея с набитым чревом.

Несет в себе измотанных, больных,
Отчаявшихся в этих адских муках.
А кто-то навсегда уже затих,
Кто жив еще – у Бога на поруках.

Шипит змея, чешуйчатая сталь
Сверкает от полуденного солнца.
Начальник эшелона смотрит вдаль,
Наморщив лоб с буграми кроманьонца.

Дает сигнал, состав сбавляет ход
И сыплет искры тормозных колодок.
Остановился... В панике народ,
Немудрено – ни новостей, ни сводок...

Снаружи топот кованых сапог
Усердных слуг порядка и закона.
Дверь настезь, – кто бы думать мог, –
Звучит приказ: «Всем выйти из вагона!»

Мы вышли, кто не в силах – помогли.
Из всех вагонов гонят, напирая.
Стоим в степи, ни рядом, ни вдали –
Ни дерева, ни дома – ширь без края.

Вокруг состава выставлен заслон,
Злится ветер, вся земля в остуде,
Над нами – стая встрепанных ворон...
«Зачем мы здесь? Что будет с нами, люди?!» –

«А может, на расстрел нас привезли?..»
И женщины все вдруг запричитали:
«... Не видеть больше нам родной земли!»
Всех громче – голос, жесткий, как из стали:

* Продолжение (см. № 6, 2007).

«Молчать! – кричит в папaxe офицер. –
 Всем слушать! Я – начальник эшелона.
 Для проведения санитарных мер
 И это... так сказать, для моциона...

Приказываю справить всем нужду!
 Мужчины – вправо... Что там за гримаса?
 А женщины – налево! Все, я жду,
 На все про все даю вам четверть часа!»

Здесь, в поле, на виду у солдатни?..
 «Эй, шевелитесь, гонор свой умерьте!»
 Настали, видно, проклятые дни.
 А ведь позор для горцев хуже смерти...

5

Народ мой, не забыть тебе вовек,
 Не утолить обиды пересказом.
 ...Ко многому привыкнет человек,
 На то ему терпение и разум.

Терпи, народ, веками ты терпел,
 Все сокрушая стойкостью алана.
 Ты и на поле Кула уцелел,
 Не сломлен и армадой Тамерлана.

Пословицу сложил – разумным впрок:
 «Лишь терпеливый рано или поздно
 Добудет самый лакомый кусок».
 И ныне над тобой витает грозно

Дух истребления. Как его связать?
 Сыны твои на фронте. Аксакалам
 И слова не позволили сказать.
 Законники подобны черным скалам,

До них мольбы и стоны не дойдут.
 Напрасно будут женщины и дети
 Просить о снисхождении ханский кнут.
 Кто защитит тебя? А может, эти –

Что, прикрываясь словом «большевик»,
 Вели тебя, народ, к «высокой цели»?
 Где «активистов» возмущенный крик?
 И те, и эти – все забились в щели,

Наивно полагая, что для них
«Родная» власть не кнут готовит – пряник.
Ложь не прошла, их голос ныне тих,
И власть для них – с винтовкою охранник.

6

К исходу дня, протяжный дав гудок,
Наш «спецсостав» остановился снова.
Село большое... или городок?
Все смолкли, как в сетях у птицелова

Стихает обессиленный фазан.
Что ожидать нам, новых истязаний? –
Ко множеству других душевных ран.
В окошко виден ряд высоких зданий,

В них свет, а на перроне фонари.
Здесь станция, должно быть, узловая.
И много поездов... а кто внутри,
Такие же, как мы? Дымки взвивая,

Снует «кукушка», прицепив вагон,
Другой проворно тянет, – словно сенцы
Приставит к дому, – это эшелон,
Балкарцы едут в нем – переселенцы.

«Ну что, чай, подтянули ремешки? –
В вагон ввалилась выводная группа,
Командуют: – Вы, двое, взять мешки!
Еще двоим – посудину, для супа!

И чтобы живо!» – с тем солдаты в дверь,
А четверо подростков – вслед за ними.
Что в эти дни мучений и потерь
Подумать нам? Вернулись бы живыми.

Мальчишки возвратились через час,
С ведром баланды, жидкой, словно ситом
Процеживалось варево для нас;
И два мешка – в пайке том щедровитом –

Как камень крепких, черных сухарей;
И кипятков; и узелок рыбешки,
По виду их – сушеных пескарей.
Все это, аккуратно и до крошки,

Делили мы, достоинство храня,
Два сухаря на брата, чашка «супа»
Или, взамен, рыбешка: на два дня.
Собак кормил сытнее Карацупа.

Кто сразу все съедал, потом терпел,
Равно страдая, стар он или молод.
Еще через неделю свирепел
Среди переселенцев страшный голод.

И люди стали пухнуть, умирать.
В вагоне душно, грязь, и вши заели.
Как, чем помыться или постирать.
И день и ночь в одежде, без постели...

Потом пришла и новая беда –
Тиф обратил существование адом.
Во тьме и тесноте мы не всегда
Могли понять: живой ли? мертвый рядом?

Я помню, как метался мамин взгляд,
А все старанья были бесполезны,
Когда в моей сестре тифозный яд
Разлился белым пламенем болезни.

В стремительном, убийственном огне
То плакала она, то забывалась,
То бредила... А ночью и ко мне
Подкралась отупляющая вялость.

И скоро я не мог уж отличать
От яви жутких призраков недуга.
Кружилось все, я силился кричать,
Когда, все тело схватывая туго,

Горячий воздух ввысь меня тащил,
К чернильным тучам с рваными краями,
И – вниз швырял, и я, лишенный сил,
Барахтался в зловонной черной яме.

То мне казалось, что вагон жилой,
В ужасном шуме, грохоте и гаме,
Вдруг выезжал на лед, вертеться юлой
И продвигаясь к этой самой яме,

А из нее багровый дым и вонь.
Движение все быстрее, все безысходней...

Лед трескался, под ним пылал огонь.
Вагон валился в пекло преисподней.

7

Наплывами я все же узнавал
Родные лица, понимал, что еду,
Просил напиться... но опять провал,
Опять возврат к мучительному бреду.

В таком же состоянии сестра;
Все так же мама плакала, не зная,
Что делать ей; все так же доктора
К нам ни ногой; по-прежнему сыпная

Косила ссыльных. Люди, кто как мог,
Без врачей, друг другу помогали,
Не ожидая милости сапог.
Грохочущих подковами из стали.

В минуту просветленья до меня
Донесся тихий шорох разговора:
«Он очень плох, слабей день ото дня...»
И чей-то всхлип. «Уже, должно быть, скоро...»

На остановках, кутая носы,
Входили некто в форме. Проверяли.
«Еще один загнулся. Выноси!»
В глазах ни состраданья, ни печали:

Их партия рожала, а не мать.
Покойников бросали на перроне.
Присматривались. «И больных снимать,
Не оставлять заразу в эшелоне!»

8

И снова поезд скорость набирал,
И длился путь... Сквозь пелену тумана
Звучат слова: «...мы за рекой Урал»
Давали рыбу... Помню Адрахмана...

Он был смущен, – так школьник у доски
Сбивается, не выучив уроки...
А женщины, сжимая кулаки,
Бросали ему гневные упреки.

«Ты разве не со всеми вместе рос
В одном селе? Ты разве не мужчина?» –
«Да лучше б проглотил ты свой донос!» –
«Да поглотит доносчика пучина!»

«Что будет, если заберут детей?!
Запрут, больных, в каком-нибудь подвале!»
Он взгляд не отводил от их ногтей
И пятился, они не отставали.

«Ах, сукин сын, продажная душа! –
Вцепилась в Адрахмана, как тигрица,
Соседка наша, тетушка Эша. –
Что – жизнь, когда такое в ней творится!»

Была б возможность, он бы убежал,
Но – тесен мир с запорами стальными, –
И, чтобы оправдаться, убеждал:
«Они умрут, и вместе с остальными

Их выбросят на станции. А так –
В больницу поместят, дадут лекарства.
Ведь есть же люди и среди служаек,
Ведь мы трудились ради государства... –

Здесь обрывалась, как гнилая нить,
Речь нашего соседа Адрахмана.
... Уже не в силах что-то изменить,
Рыдала мать моя... Меж тем охрана

Наружу всех гнала – лишенных прав,
А потому – прикладами и матом.
Пожитки наши наземь побросав,
Каким-то заливали химикатом.

Затем вагон – снаружи и внутри –
Все той же химией травили едкой.
Затем, засов задвинув на двери,
Собрали всех за тупиковой веткой,

Где поджидало несколько машин,
В народе их называли – «душегубки»*...
Грузили всех, и женщин, и мужчин,
И увезли... Есть в памяти зарубки,

* Санитарные машины спецбригад по борьбе с инфекционными заболеваниями.

Живая боль – бессонный счет утрат.
...Вернувшиеся вскоре сообщили,
Что умер сын несчастной Халимат.
Очаг лихие ветры растащили –

Еще один земной огонь угас –
Единственная матери опора.
Все меньше слов надежды среди нас –
В унынии глухого разговора.

Когда же вновь измученных людей
Грузили в эшелон, меж звуков брани
Послышались подковы лошадей,
Впряженных двойкой в низенькие сани.

В санях сидели женщины, они –
В халатах белых – ангелами мнились.
Отвыкнув ждать добра за эти дни,
На всякий случай мы насторожились.

Но лица этих женщин так добры.
Они о чем-то с мамой говорили,
То на меня, то в сторону сестры
Бросая взгляды... Сани в снежной пыли

Стояли у вагона... На руках
Меня с сестрою в них переложили.
И – встормошил коней короткий взмах.
Мать в это время слезы ослепили,

И женщины, рыдая вместе с ней,
Держали то мольбой ее, то силой,
И руки отрывали от саней,
Что застучали по дороге стылой.

9

Я помню, хоть прошли десятки лет,
Как лошади с подхрипом задышали,
Бежала мама за санями вслед,
И по ветру летели крылья шали.

И крик ее, и безутешный плач
Не заживают в сердце и поныне...
Куда тащила сани пара кляч?
...Высокие дома, как на картине,

Стояли вдоль широкой мостовой,
Холмистой от сугробов... этот город
Какой-то странный... словно неживой,
В нем нет людей... их с улиц гонит холод?..

Одна из женщин, ехавших в санях,
Сказала: «Ничего не бойтесь, дети.
И мама к вам придет... потом, на днях...»
Я не забуду, сколь мне жить на свете,

Как я поверил добрым тем словам.
Но и смутился: женщина вторая,
Погладив нас: «Бог да поможет вам», –
Вдруг отвернулась, слезы утирая.

От лошадей валил белесый пар,
Мы въехали в широкий двор больницы.
С крыльца старик – наверно, санитар –
Спросил у женщин: «Кто у вас, сестрицы?»

Принесены в палату из саней
Поспешно – закружилась непогода,
Мы провели в больнице сорок дней,
И будет грех сказать, что без ухода.

Нас по утрам и доктор навещал,
И нянечки, и сестры были рядом.
В тепле, хоть за окном мороз трещал,
Мы поправлялись... часто грустным взглядом

Смотрел на дверь я... мама не пришла.
Наверное, со всеми – в том составе,
Подумалось, где днем и ночью мгла,
Где страшный сон неотличим от яви.

Когда же отступил от нас недуг, –
Как будто тихий перезвон капли
Вдруг заглушил визжанье злобных выюг, –
Меня с сестрой в обновки приодели,

Собрали на дорогу нам еды,
Ободрив, проводили до вокзала.
«Даст бог, родных отыщутся следы», –
Всплакнув, уже в вагоне нам сказала

Сестричка-проводная, она
Еще махала, стоя на перроне,
Но – в прошлое уже отнесена.
Мы – в душном, переполненном вагоне.

Как много незнакомых хмурых лиц.
Гражданские, солдаты, офицеры
В шинелях, со следами от петлиц,
На фронте их ни «тигры», ни «пантеры»),

Ни прочее фашистское зверье
Не одолело, но пронзило разом
Направленное сзади острие –
Правительственным названо указом.

По этому указу – знай пиши! –
Балкарцы, карачаевцы, чеченцы,
Крымчаки, месхетинцы, ингуши...
Где б ни были – уже переселенцы.

Студенты, гуртоправы, чабаны,
Артисты, председатели колхозов,
Калеки, что вчера пришли с войны,
Шахтеры, машинисты паровозов...

Все те, кого народная беда
Вдали от дома – позже – отыскала
И в Азию, собрав в спецпоезда,
Вдогонку соплеменникам толкала.

Здесь были и такие же, как мы,
Что по болезни от своих отстали –
От узников передвижной тюрьмы,
Ушедшей на восток, в пустые дали.

10

Рывком подался с места наш состав,
Скрипящий от предельного износа,
И, кое-как стоянку наверстав,
Стучал в глухой ночи во все колеса.

Вовсю сквозило от дощатых стен,
От холода не скрыться – всюду щели.
И день настал – тепла не дал взамен,
А мимо чередой огни летели,

Разъезды, телеграфные столбы,
Селенья, семафоры, полустанки,
Поля: до горизонта – ни избы,
А то вдруг – город, с черновой изнанки.

То реки, о которых кто бы знал,
С ажурными железными мостами,
То не понять – когда заснежит шквал –
Какими продвигаемся местами.

В вагоне тесно, наплывает с нар
Разноязыкий говор, холод – всюду,
И от дыханья – облачками – пар,
К теплу здесь относились бы как к чуду.

Невдалеке от нас, особняком,
Сидел, клонясь от тяжких мыслей к нарам,
Седой полковник... видно, что знаком
Не понаслышке с фронтовым пожаром:

На кителе горели ордена,
Чуть выше на груди – Звезда Героя.
На лбу, пересекая бровь, видна
Полоска шрама. Справа от него я

Вдруг с ужасом заметил костыли
И понял – что дано ему со славой,
И к горлу слезы комом поползли...
Был без ноги полковник наш, без правой.

Я затаился: мой невольный вскрик
Смутил меня... Полковник обернулся,
Совсем седой, но вовсе не старик,
Он как-то виновато улыбнулся,

Развел руками. «Да, малыш, война...
Она берет без спроса, что ей нужно.
Спасибо, уцелела хоть одна... –
Сосед наш приподнялся чуть натужно,

Задел неловко чей-то чемодан...
– Давай-ка лучше, – протянул мне руку, –
Знакомиться. Меня зовут Салман.
Пока я постигал войны науку,

В госпиталях израненный лежал,
Приспело «высочайшее веленье»...
Да что там говорить – ты слишком мал.
Вернулся, в общем, я в свое селенье.

Там – ни души, дома разорены,
Людей – сказали – в Азию угнали...
Теперь вот еду через полстраны –
Семью искать... – и, полные печали,

Прикрыл глаза усталый наш сосед.
Но тут же вскинул. – Все-таки я верю!..
Но вы-то кто? Какой беде вослед?
Какому дети помешали зверю?..» –

«Балкарцы мы, отстали от своих...
Сестренка вот, Райса... мы заболели...» –
Тут я совсем смутился и затих,
И на вопрос – «А вы сегодня ели?» –

Лишь покачал понурой головой.
«А ну-ка, Жора, покорми детишек, –
Сказал он адъютанту. – Где там твой
Припас дорожный. Кстати, здесь излишек

Свободных мест, возьми себе на вид
И детям отведи вот эти нары.
Мы рядом потеснимся, без обид.
А вы смелей, друзья мои балкары!..»

Потом я понял: лучшие места
Здесь люди сами отдали герою.
И наша встреча тоже неспроста –
Чтоб навсегда мы поняли с сестрою:

Людей хороших больше, чем плохих!
И верить в это я не перестану,
И благодарен каждому из них,
Как нашему попутчику Салману.

Переселенцы, те, что раньше нас
Проследовали по пути изгнания,
Неважно – день или ночной был час,
Пытались, прилагая все старанья,

Своих родных и близких отыскать.
Ведь кто на фронте был, кто на учебе,
На дальних кошах... И с надеждой мать
Встречала спецсостав: в его утробе

Быть может, сын томился или дочь...
На каждой остановке нас встречали.
Мы, как могли, старались им помочь
И сами имена родных кричали

В толпу несчастных; в тот момент вокзал
Казался мне болезненным кошмаром.
«Балкарцы есть?.. Кто слышал?.. Кто сказал?..»
Бессильный плач – когда старанья даром.

Все больше отдалялся наш Кавказ –
Зубчатых гор серебряные цепи.
Уже открылись, словно напоказ,
Казахские немереные степи.

Лишь изредка встречались города,
Селения в заснеженном просторе.
Как называть их? Станция «Беда»?
Вокзал «Обида», полустанок «Горе»?

Аллахом позабытые места,
И воздух, как в преддверье ада, серный.
Овец отары, прочего скота...
И вдруг – верблюдов, как шах, высокомерный.

На Чуйской мы, в вагонной тесноте,
Стояли ранним утром, ну а вечер
Нас повстречал уже в Алма-Ате.
Еще не объявлял о том диспетчер,

Еще перрона не достиг состав,
Как в наш вагон вошли три офицера.
Полковнику Салману честь отдав,
Товарищам, должно быть, для примера,

Один из них смущенно произнес:
«Прошу вас, документы предъявите, –
Взглянув – отдал. – Но есть еще вопрос.
Вот здесь приказ, вы сами посмотрите...»

Полковник взял бумагу, прочитал,
Недобро усмехнулся. «Воля ваша...» –
И вынул пистолет... сверкнул металл
И скрылся под шинелью «кызылбаша».

А тот, изъев полковничий «наган»,
Чеканил перед Жорой-адъютантом:
«И вам приказ, товарищ капитан,
Пойдете с нами... нет, не арестантом,

Вернетесь в свою часть, таков приказ».
И дядя Жора, ангел наш хранитель,
Взбодрив нас озорным прищуром глаз,
Затем и нашу тесную обитель

Обвел прощальным взглядом, лишь потом
Взглянул в глаза полковника Салмана.
...Молчанье служит иногда мостом
Для наших чувств, в которых нет обмана.

«Ну что ж, – сказал полковник, – нет косы
Острее, чем безжалостное время...
Возьми на память, – сняв с руки часы, –
Вручил их Жоре. – Дальше – ногу в стремя,

Как говорится, и – счастливый путь.
Служи, как подобает офицеру.
Привет ребятам нашим – не забудь.
И в справедливость сохраняй там веру...»

12

И эту веру – обретенный ген –
Несут в себе изгнанников потомки.
...А эшелон, как черный эмеген*,
Одним прыжком перелетал потоки,

Тьму рассекая, пожирая свет
И сотрясая землю на подъемах,
И ветры заметали его след.
Он страх селил в лачугах и хоромах,

Замеченных случайно на пути.
Молились изумленные селяне,

* Сказочный одноглазый великан.

Чтобы беду от близких отвести.
Но есть и в одноглазом великане

Усталость – долгий путь свое берет.
Все тише ход, все больше остановок.
Не рвется безоглядно он вперед,
Стоит, неповоротлив и неловок.

Стих в паровозной топке ураган.
...Так оказались мы, в конце апреля,
В казахском городке Талды-Курган.
Спустилась, как в долину после селя,

И слух наш придавила тишина.
Но – где-то часовой окликнул зычно
Другого, скоро – станция полна
Народом, – это нам уже привычно –

Здесь снова раздаются голоса,
Разносятся тревожные вопросы.
«Как звать тебя? Сестренку – не Райса?..
Тпу, машаллах! А где же ее косы?

Да-да, сыпная... бедам нет конца...
И эта власть... ни дна ей, ни покрывки!
Скажи, малыш, а как зовут отца?..
Эй, люди, здесь Юсупа ребятишки!» –

«Да тише ты, соседка, не кричи.
Дай мне сказать. Вы здесь одни в вагоне?
Тогда запоминайте: Белекчи,
Поселок это, в Кировском районе.

Там Бадина, да, мамина сестра.
При первой же возможности...» И снова
Кричит охранник: «Закрывай, пора!
Отправка скоро!» Власть была сурова,

Как и дорога в ад, мы плачем так,
Что сердце из груди бежать готово.
А часовой, бездушный, как чурбак,
Стоит, и ни слеза его, ни слово

Не трогают, хоть ты при нем умри,
Ему до нас нет никакого дела.
...Вагон трясло, поплыли фонари,
И станция, уйдя назад, пуста.

Оторванные от родной земли,
Отчаявшись дорогой в неизвестность,
Мы все ж остановились. В Текели *.
Бесплодная и всхолмленная местность,

Повсюду камни, всюду серый цвет.
Тоскует сердце: что нас ожидает?
На сером небе никаких помет.
Край света?.. Свежий воздух проникает

В распахнутую до предела дверь.
И – радость неожиданным накатом
(От встречи той волнуясь и теперь) –
Лицом к лицу столкнулся я с Ахматом **.

С ним – младшая сестренка – Асият,
Укрыться норовит за спину брата,
Но не скрывает удивленья взгляд.
Да, жизнь порой и к бедным щедровата.

Ахмат, ликуя, подбежал к Райсе
И сгреб ее в охапку. «Эх, сестренка,
Когда-нибудь, бог даст, и наши все
Найдутся...» И заплакала вдруг тонко

Малышка Асият, Райса ей вслед
Роняет слезы... А вокруг нас люди
Вздыхают тяжело. «Сколько еще бед
Судили нам несправедные судьи?..»

Под вечер на платформенный настил
С разбега закатился черный «виллис».
К машине комендант наш поспешил.
По наши души, стало быть, явились.

Пять-шесть военных, опросив конвой,
Не замечая нас, как будто стадо
Готовились отправить на убой,
Напротив стали. «Выровнять их надо!»

* Небольшой шахтерский городок (в шахтах добывали свинец).

** Ахмат и Асият – дети Мисировой Зарият, в замужестве Хочуевой, старшей сестры Салихат. Заболел в пути, они также были сняты со своего эшелона.

У коменданта старший офицер
Взял список и, задрал лицо воловье,
Картавя, словно сплющивая «эр»,
Пересчитал нас, будто поголовье...

Остался недоволен. Снова – счет.
И вновь – не то, что писано в бумаге.
И в третий раз вдоль строя он идет,
И злость его пружинит в каждом шаге.

Остановился. «Где еще один?
По перечню их восемьдесят девять.
Искать! – сжал кулаки приезжий чин. –
Вас что, учить, как это надо делать?!»

Обшарили в округе каждый куст,
За каждый камень трижды заглянули.
«Изменники, да будет дом ваш пуст!
Бандиты, не уйдете вы от пули!»

«...Мой дедушка в вагоне, он больной,
Заснул он крепко... – тихо вдруг сказала
Заплаканная девочка. – Со мной
Нет больше никого, кто был сначала...»

«Эй, что она несет? Переведи!» –
Насторожился кто-то из конвоя.
«В вагоне ее дед, там, позади...»
Конвойный, бранью все на свете кроя,

Рванул к хвосту состава, влез в вагон...
Там только тело старого Дадаша,
Душа летела на альпийский склон,
Где – вся уже в цвету – отчизна наша...

Перевод Л. Местича

Асламурза ГЕДГАФОВ

ПОДВИГИ ТЛОСТАНЧИ

Все сказки, как известно, – плоды размышлений талантливых сказочников – мудрых людей череды эпох, в которых на добро отвечает добром, а на зло – по справедливости.

Нижеследующая, на мой взгляд, удивительная сказка о подвигах горского мальчика Тлостанчи, в которой совершается справедливое возмездие за зло и насилие, – одна из них. Летом 2006 года эту сказку рассказал мне Мухамадин Желоков – известный и уважаемый в республике заслуженный и народный артист КБР и старейшина из села Аушигер, отдавший в прошлом много сил и труда становлению музыкального и драматического театров республики.

По утверждению Мухамадина, эта сказка пришла из глубины веков и живет в памяти адыгов, переходя из уст в уста.

Итак, в добрый путь в мир этой удивительной сказки.

Шарабач, неустанным трудом сколотив богатое состояние, жил счастливо со своей женой и тремя сыновьями. Сыновья подрастали, стараясь во всем походить на своего преуспевающего родителя, особенно трудом и отвагой, но отец не торопился проверять их в деле.

Великаны – извечные посягатели на человеческое добро, видя, что Шарабач не так уже могуч, как в молодости, а сыновья еще не созрели для дела, решили угнать один табун лошадей из четырех, содержавшихся на северной, южной, западной и восточной окраинах его обширного поместья, где также паслось и много крупного и мелкого рогатого скота.

Однажды утром, как обычно, объезжая свои владения, Шарабач обнаружил исчезновение табуна и табунщика с северной окраины. Когда опечаленный Шарабач, вернувшись домой, рассказал о случившемся, братья решили пуститься в погоню, уверенные в том, что настигнут грабителей, отобьют лошадей и вернут табун. Родители снабдили сыновей всем необходимым и проводили в путь, пожелав им удачи и скорого возвращения.

Проходили дни, месяцы, а братья все не возвращались...

Тем временем супругам на старости лет Аллах дал еще одного мальчика – Тлостанчи. Родители запеленали крепыша и уложили в колыбельку, затянув ее для безопасности лямками из буйволового кожи. Когда мальчик уснул, отец ушел осматривать свое имение, а мать пошла за ключевой водой.

Вскоре, проснувшись от шума ребят, играющих во дворе в альчики, Тлостанчи встрепенулся, встал, порвав при этом крепкие лямки колы-

бели, и вышел к ребятам. Ребята не захотели с ним играть, только один маленький плешивец согласился и в итоге выиграл у него все альчики и биты. Тлостанчи, уличив плешивца в нечестной игре, стал требовать возвращения альчиков. Когда же мошенник ответил отказом, Тлостанчи поймал его и стал возить по льду, разодрав в кровь всю кожу головы.

Плешивец взмолился о пощаде, а когда освободился от рук Тлостанчи и оказался на ногах, сказал: «Много сил и ума не надо, чтобы меня побить. А вот если ты такой герой, то почему до сих пор не нашел своих пропавших братьев?»

Мальчик не знал, что у него есть братья, поэтому попросил рассказать о них подробно.

– О них тебе может рассказать только твоя мать.

– Как я могу спросить и узнать об этом у нее?

– Притворись, что у тебя болит живот, и скажи ей, что боль пройдет, если ты поешь горячих поджаренных зерен пшеницы, овса или пшена с ее ладони. Как только она подаст зерна, ты зажми их в ее руке, и тогда она все расскажет...

Мать рассказала, что братья в глубоком каньоне, у которого нет ни входа, ни выхода. Год тому назад их туда забросил великан, за которым они погнались, чтобы отбить табун лошадей, угнанный с северной окраины имения.

Тлостанчи отпустил руку матери, а на исходе дня, когда отец возвращался из поездки по своим владениям, встретил его по всем правилам адыгского этикета: взяв узду и левый стремянный ремень седла, помог ему спешиться, расседлал и отвел скакуна в конюшню, поставил его в стойло и задал овса. Отец с гордостью смотрел на сына и думал: «Растет мой мальчик не по дням, а по часам...»

Жена подала ужин на круглом треножном столике, рассказала Шарбачу, что Тлостанчи выведал у нее о пропавших братьях, и попросила, чтобы он не выпускал младшего сына со двора. Мал еще...

Утром Тлостанчи с разрешения и благословения отца совершил недолгую прогулку на одном из лучших скакунов родного имения. Тем не менее, вернувшись с прогулки, он заявил отцу, что конь никудышный. На что отец ответил: «Да, сынок, есть у меня один подходящий конь, но он в подземной конюшне, вход которой завален огромным валуном. Его нам не отодвинуть!...»

Тлостанчи отбросил валун, как пушинку, и вошел в конюшню. Конь встал на дыбы, норовя вырваться из заточения, но молодой джигит, ухватившись за гриву, вскочил ему на спину, а конь, как молния, вылетел наружу. Он, стараясь скинуть седока, взвивался выше облаков, опускался на дно моря, но у него ничего не получалось: Тлостанчи сидел на нем неподвижно, как одно целое с ним. Наконец, конь, почувствовав, что его всадник не простачок, а доблестный муж, сказал: «Я, Тлостанчи, буду тебе настоящим другом и преданным конем». Вернувшись домой, Тлостанчи

заявил отцу: «Вот это настоящий кабардинский конь. На нем я поскачу выручать братьев из беды...»

«Я, дорогая моя старушка, – обратился к жене Шарабач, – уже стар и немощен, поэтому-то и стали угонять наши табуны. Нам без сыновей не выжить, милая. Супруга согласилась с ним. После того они снарядили в дорогу младшего сына и, пожелав удачи, проводили на поиски старших.

Тлостанчи скакал, спрашивая всех встречных, не видели ли трех молодых? Но вдруг раздался страшный окрик. Оглянувшись, увидел джигит, что за ним гонится великан, который загнал его братьев в каньон.

Юный всадник заскочил в лес, натянул свой аркан между двумя столетними чинарами на такой высоте, чтобы сам мог проскочить под ним, не нагибаясь, а великану этот уровень был по горло... Затем, сделав небольшой круг, окликнул великана и повел его за собой под аркан. Как и было задумано, аркан сбросил великана с коня, а Тлостанчи мгновенно связал оцепеневшего злодея и, положив поперек седла его же коня, спросил:

– Ну, великан, где мои братья?

– Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

– Или ты говоришь, где мои братья, или я снесу твою голову!

– Умоляю, не губи меня, я расскажу, где они.

– Говори, я слушаю.

– Они упали со скалы, разбились и их останки съели шакалы.

– Значит, и тебе быть съеденным теми же шакалами, – сказал Тлостанчи, собираясь убить великана, но тут великан взмолился о пощаде и рассказал всю правду.

Великан, когда они подъехали к каньону, рассказал, как увел табун и показал, где расправился с братьями. Тут же, в каньоне, Тлостанчи привязал великана к могучему дубу так, чтобы он никогда не мог освободиться. Потом отыскал своих замученных, заросших и голодных братьев. Двоих посадил на коня великана, а третьего взял к себе и радостно пустился в обратный путь.

В пути всадников застала ночь, решили они заночевать в лесной хижине. Тлостанчи сытно накормил братьев тем, что мать дала ему в дорогу, рассказал, что он их младший брат, что родители очень соскучились и с нетерпением и волнением ждут их возвращения домой.

Еще о многом говорили братья. А когда настало время отойти ко сну, Тлостанчи сказал: «Братья, я сплю очень крепко, поэтому если что-нибудь случится и нам придется действовать, то вот этим шилом уколите меня в голень у самой стопы, иначе вы меня не разбудите», – после чего с чувством исполненного долга и радостью, что спас своих старших братьев, спокойно заснул.

Здесь старшие братья, посоветовавшись, решили совершить чудовищное злодейство: избавиться от младшего, чтобы им, вернувшись домой, не было так стыдно перед людьми, что такой малыш, победив великана,

освободил их, троих взрослых мужиков, и что табун вернули не они, а он, малыш.

...Неблагодарные старшие братья, осуществляя свой черный замысел, вставили в дверную коробку хижины острую, как лезвие бритвы, саблю малыша и укололи его шилом. Тлостанчи, проснувшись, бросился во двор, чтобы действовать согласно обстановке, но, наткнувшись на саблю, лишился обеих ног. Старшие братья, осуществив свое злодеяние, спокойно сели на лошадей и уехали домой. Тлостанчи же, перевязав ноги выше ран крепкими ремешками задней луки седла, остановил кровь, снял саблю с коробки двери, наладил свое верное оружие – лук, наполнил стрелами колчан и начал, борясь за жизнь, охотиться на дичь, и лечить раны травами.

Однажды он, сидя на опушке леса в засаде, увидел и подозвал к себе человека, скакавшего мимо него на одной ноге, держа другую за поясом. Тлостанчи, поздоровавшись, спросил его: «А почему ты один? Почему скачешь и ходишь на одной ноге?» – «Дело в том, – ответил незнакомец, – что у меня трое братьев, быстрее которых я хожу и бегаю. Поэтому они из зависти и прогнали меня».

Тлостанчи тоже рассказал о своей судьбе, и новоиспеченные друзья стали жить в хижине вместе. Быстроногий загонял дичь, а безногий отстреливал...

Как-то, чтобы развеять скуку и отдохнуть, быстроногий отстегнул свою вторую ногу от пояса, посадил на свои плечи Тлостанчи, и друзья отправились, как на крыльях, осматривать окрестности – свои обширные охотничьи угодья.

У лесного озера они встретили одинокого человека, который сидел на берегу, втягивая в себя всю воду и выпуская ее обратно вместе с рыбешками.

Друзья остановились, поздоровались с человеком и спросили:

– Почему ты сидишь здесь один, можем ли мы чем-нибудь помочь?

– У меня три брата. Они стали завидовать мне из-за моей способности втягивать в себя озеро и прогнали. Теперь я одинок.

Они понравились друг другу и стали жить в хижине втроем...

Осматривая в очередной раз свои охотничьи угодья, друзья встретили человека, удерживающего голыми руками огромного визжащего секача – взрослого с сильными клыками кабана, превосходящего его самого в три-четыре раза по размерам и весу.

– Чудо! – сказали они и, остановившись возле него, поздоровались. Тот, отбросив задушенного секача в сторону, принял приветствие весьма благопристойно.

Когда они представились друг другу, человек этот рассказал, что у него три брата, которые прогнали его из-за того, что он превосходит их и в силе, и в ловкости. Так в лесной хижине появился четвертый друг.

Однажды, неожиданно-негаданно, до них дошел слух, что местный правитель выдает замуж свою дочь, но зятем может стать только тот, кто

собрать кольцо, которое было подвешено так высоко, что стрелы некоторых женихов даже не долетают до него.

Друзья, обменявшись мнениями, решили выиграть состязание и женить Тлостанчи – единственного холостяка среди них, на дочери правителя.

В назначенный час состязание началось. Женихи один за другим пытались сбить кольцо, но тщетно... Правитель устал смотреть на состязание, а жениха, достойного его дочери, все нет.

Тут, сидя на спине Быстрого, появился Тлостанчи и заявил о своем желании участвовать в этом споре. Толпа разразилась смехом. «Куда тебя нечистая несет?» – кричали ему. Но правитель дал добро.

Быстрый отошел на нужное расстояние, достал вторую ногу из-за пояса и ринулся к цели с Тлостанчи на спине, как молния. Тлостанчи пустил стрелу, которая сняла кольцо и вернулась к хозяину... Правитель принял кольцо из рук Тлостанчи и сказал:

– Я держу свое слово – моя дочь и половина состояния теперь твои, но у меня одна просьба: оставайтесь жить возле нас.

– Благодарю за щедрость, но я не могу бросить своих друзей, мы живем далеко в лесу.

Правитель сыграл веселую свадьбу и проводил молодых с богатым приданым.

Друзья перестроили свою лесную хижину, жену Тлостанчи назвали сестрой и зажили дружно и весело.

Время шло, жили, не ожидая никаких бед, но – что за напасть: жена Тлостанчи вдруг занемогла и начала таять на глазах. Друзья в тревоге спрашивали:

– Что с тобой, может, тебе здесь, в лесу, невесело, плохо, может, соскучилась и хочешь съездить к отцу?

– Здесь мне все мило, все хорошо, а почему хуюеу, понять не могу, – отвечала она.

Старая добрая знахарка, к которой обратились друзья за советом, сказала:

– Когда вы все уходите на охоту или по другим делам, к ней приходит злая волшебница и заставляет ее чистить свои волосы, а тем временем сама незаметно сосет у нее кровь.

Друзья решили изловить и наказать злую волшебницу. Быстрый спрятался в дупле, Водохлеб притаился у тропы, ведущей к хижине, Сильный сел под крыльцо, а Тлостанчи устроился на крыше хижины с луком и стрелами, но все приготовления оказались тщетными – злая волшебница почувствовала что-то недоброе и улетела молнией.

В другой раз друзья более тщательно подготовились к встрече со злодейкой. Как только волшебница явилась и приступила к своему чудовищному делу, Тлостанчи, который притаился внутри комнаты, сразу же закрыл дверь, но волшебница выскочила в окно. И тут же угодила в железные руки Силача. Он ее сдавливал так сильно, что она стала виз-

жать и умолять отпустить, заверяя, что жену Тлостанчи больше никогда тревожить не будет.

– Конечно! – сказал Силач, – ты больше никого не потревожить и ни у кого пить кровь не сможешь. Ты ведь убедилась, что вырваться из моих рук невозможно.

– Умоляю, пощади! Я вас всех вылечу, вы, как прежде, станете нормальными и здоровыми.

Друзья согласились, но сказали:

– Если ты действительно можешь вылечить нас, то начни с Тлостанчи.

– Мои слова никогда не расходятся с делом, – ответила она и велела, чтобы друзья по одному заходили в комнату, где она находилась в руках Сильного.

Тлостанчи занесли в комнату, а через минуту он вышел оттуда на своих ногах. Таким образом, злая волшебница вылечила всех и, как было договорено, уехала от них так далеко, что их пути больше никогда не могли пересечься.

К друзьям вернулась радость земной жизни. Тлостанчи со своей женой и друзьями погостил у правителя-тестя целый месяц, прибыв туда на фаэтоне, подаренном им же.

Правитель с богатыми дарами проводил Тлостанчи и дочку к сватам – родителям зятя, подарив и друзьям, сопровождавшим его в поездке, по прекрасному скакуну.

Когда распространился слух о том, что Тлостанчи с княжной и друзьями возвращаются домой, подъезжают к селу, во дворе Шарабача все еще продолжались пиршества, которые разыгрывались в честь благополучного возвращения трех его старших сыновей. Услышав эту новость, старшие братья стали спешно седлать лошадей, чтобы избежать позорного разоблачения, но их остановил Тлостанчи...

Шарабач сразу узнал своего младшего сына и, обнимая его, спросил у старших: «Вы же мне говорили, что Тлостанчи погиб, сорвавшись со скалы, и что вы его похоронили! Как это все понимать?»

Тут Тлостанчи поклонился отцу, обнял мать и сказал: «Отец, мой тесть-правитель шлет тебе привет и подарки, они в повозках, а братьев моих не суди строго. Всевышний им судья! Я на них зла не держу! Мы все живы, здоровы и вместе! А это – главное. Эти молодцы, отец, мои собратья по приключениям, пусть и они разделят с нами радость воссоединения.

Георгий ЯРОПОЛЬСКИЙ

В ПОГОНЕ ЗА ХИМЕРОЙ

Бессмыслица – искать решение, если оно и так есть. Речь идет о том, как поступать с задачей, которая решения не имеет.

А. Стругацкий, Б. Стругацкий

По гроб гоняться за химерой –
ну не завидный ли удел?
Я охватить хотел бы сферой
все то, чего никто не смел.

Пусть это неосуществимо
(ведь говорил же Гумилев:
«Осуждены идти все мимо...»),
ловлю, где бредом числят клев.

Бессмыслица – искать решенье,
когда оно в «Ответах...» есть.
Немыслимого постижение –
лишь в этом истинная честь.

Непроходимая дорога –
где не болото, там обрыв.
Я отыщу ль единорога?
Ведь всем известно: это – миф!

Над головой навис угрозой
неодолимый потолок...
Скрестить возможно ль жабу с розой,
а с лилией – чертополох?

И будет ли дано добиться
мне долгожданного от той,
что в жизнь мою, как та Жар-птица,
впорхнула, одарив мечтой?

Я прославляю благородство
всех тех, кто в стену бьется лбом:
коль с невозможным рад бороться,
тебе не сделаться рабом.

Триптих

1975

Мне заявили: «Яропольский,
в неполных восемнадцать лет
вы мрачно смотрите на свет:
все ждете вы каких-то бед –
в вас веры, оптимизма нет!
А это путь, простите, скользкий...»
Я стал обдумывать ответ –
затратил добрых тридцать лет.

2005

Ответа нет: он слишком ясен,
чтоб сформулировать его.
Увы, живое существо
щадить не хочет никого:

не помогли ни Рождество,
ни Воскресенье – полно басен!
Сулит ли наше естество
добра и правды торжество?

2035

Ох, до чего же это гнусно –
понять, что шесть десятков лет
нес дикий, окаянный бред!
Повсюду видеть черный цвет –
заслуги в этом, право, нет:
ведь стоит только оглянуться
вокруг – и различаешь свет.
И только в этом мой ответ.

Экзерсисы

Полетели мои инвестиции,
но не вверх – в направленье земли,
и синюшными синими птицами
кверху лапками в грязь полегли.

На кого я похож? На пропащего
укротителя диких зверей:
время – лев, и смыкается пасть его
на беспомощной шее моей.

Гнусным пойлом отравлен и варевом,
знаю я свой плаченный удел...
Но сегодня с тобой разговаривал –
и помстилось, что помолодел!

Жажда

Который год, гонимый жаждой
(такое может утомить!),
вперяюсь в очи встречной каждой,
тщась эту жажду утолить.

Я пью, но выпитого мало –
похмелье вместо забытья.
Когда б хоть как-то помогало
мгновенье собственно питья...

Еще сильнее власть у прозы,
и жажда требует: добавь!
Ведь я, безумец, пью их слезы –
какая горечь на губах!

Затворник

Стук дождя по грохочущей жести,
струи желтых ручьев за окном:
это глина – как видно, из мести –
расползлась... Вот и весь оком!

Я – затворник, но понял наверно:
одиночество – это не щит.
Где ж сегодня ты шлындаешь, стерва?
Телефон, как собака, молчит.

Будь ты проклята! Год меня мучишь:
сплошь улыбочки, ложь – паранджой...
Как ни бейся, тебя не научишь
пониманию боли чужой.

Как с тобой, слепоглухоневою,
изъясняться? Не вижу ни зги.
Чертов амок сплошной пеленою
мне окутал больные мозги...

Не осел я, чтоб, словно морковь,
что висит перед носом моим,
ты меня понуждала «любовью»
скарб везти твой к вершинам святым!

Сделал шаг – а морковь отдалилась,
лишь качнулась насмешливо в такт.
Неужели, скажи-ка на милость,
впрямь ко мне ты относишься так?

Нет, не верю! Причина не в этом.
Мне ль не знать, как душой ты чиста?
Мы одним омываемся светом,
но лежит между нами черта.

Меч холодный лежит между нами –
им не можем пока пренебречь...
Что ж, брожу лабиринтами-снами,
где в труху обращается меч!

Подключается воображение...
Как мила мне истома твоя!
Вновь и вновь я с тобою в сражение,
ты – основа основ бытия.

Пусть в мечтах, но мы все-таки вместе,
а раз так, одолеем вдвоем
стук дождя по грохочущей жести,
окаянный стерпев оком!

Динамо

О поэтических пристрастиях
судить по слогу? Слишком просто.
Порой куда видней в контрастах
все то, что душу гложет остро.

К кому хотелось бы мне в орден?
Что-что? Опять не угадали!
Не Рильке, не Айги, не Оден –
мне ближе Лермонтов с годами.

На севере, писал он, диком
стоит – представьте – одиноко...
Я от того же нервным тиком
терзаюсь, милые, жестоко.

И, паутиной схвачен цепкой,
живу ни валко и ни шатко.
Какой кретин воркует с целкой
на склоне пятого десятка?

Но знаю: с Данте было то же,
и Гете пережил такое.
Я не тащу ее на ложе,
лишь не оставила б в покое.

Вечнозеленая омела,
подобной коей до сих пор не
встречал, пускай вонзает смело
мне в душу ласковые корни.

Пусть крутит вновь и вновь динамо,
чтоб лампочка моя светилась,
чтоб я, прошедший Холмы Хлама,
познал хоть этакую милость.

Не раз мы душами сроднялись –
жаль, не до кровного родства...
Какой тут, блин, психоанализ,
когда пылает голова!

Тебе охота быть гламурной,
а я с бомжами водку пью,
но ни секунды жизни бурной
я б не сменял на фальшь твою.

Куда как приторно притворство,
медоточивы соловьи,
но это – корочка, короста,
которой чужды дни мои.

Осталось их не так уж много,
чтоб их на позы расточать.
Когда строка идет от Бога,
к чему роскошества печать?

Не милостыни лести сладкой
и не халвы похвал пустых,
но пониманья, пусть – украдкой,
ищи у слушателя, стих...

Бэла БЕСЛАНЕЕВА

Сказка об обменном сердце

Высоко в горах затерялся маленький аул. Нелегко жилось там людям. Тяжким трудом они добывали свой хлеб. Рано выпадал в горах глубокий снег, редко пробивало туманы солнце, ночи в горах были очень длинными, а дни слишком короткими. С отвесных склонов на аул часто сползали снежные лавины, унося с собой дома, скот, а зачастую и самих жителей в глубокие пропасти.

Но люди, жившие в горах, обладали удивительным мужеством. Они не унывали и в самые тяжелые времена. А вечерами, когда длинные языки костров летели в небо, над аулом разносилась старинная песня о добрых делах далеких предков. Но никто не мог сравниться в пении с двумя братьями – сыновьями пастуха. Заслышав их сильные голоса, спешили к костру сельчане, и все жизненные невзгоды уже не казались им такими тяжелыми.

Зима в тот год была особенно лютой. День и ночь гуляла по аулу вьюга, срывая крыши с сараев. Животные тщетно пытались найти какой-нибудь корм, падали на снег и больше не поднимались. В один из таких дней слег старый пастух. Долгими ночами слушал он заунывную песню ветра и натужно кашлял. Когда старик почувствовал, что ему уже не дожить до весны, позвал он своих сыновей и сказал: «Нет у меня ничего, что бы я мог вам оставить. Заботьтесь друг о друге, добывайте себе хлеб честным трудом. Чтите своих сельчан. И никогда не мечтайте о богатстве, оно никому еще не приносило счастья». Сказал и умер.

Какой бы длинной ни была зима, но когда-нибудь и она кончается. И вот надухла весна. Братья жили дружно, как и завещал им отец. Старший уходил на охоту, а младший оставался дома, занимался хозяйством. А вечерами, как и прежде, над аулом разносилась старинная песня.

Однажды, дожидаясь возвращения брата, младший решил развести в очаге огонь. Но дров оказалось мало, и огонь вскоре потух. Взяв топор, отправился младший брат в лес за дровами. Долго он шел по обрывистым тропкам, и невеселые мысли стали одолевать его. «Как хорошо быть богатым, не надо самому ходить за дровами. Чтоб богатым стать, я все готов отдать!..» Не успел он это подумать, как появилась перед ним старуха, увешанная дорогими украшениями.

– Ты звал меня? Я и есть то самое богатство, о котором ты мечтаешь. Давай с тобой меняться. Я дам тебе богатство, а ты мне – свое сердце.

«И в самом деле, зачем мне сердце?» – подумал младший брат и согласился. Отдал он старухе свое сердце и пошел домой. И стал с тех пор из года в год богатеть. Он уже не хотел оставаться в отцовском доме, а построил себе новый, большой и красивый, на удивление сельчанам. В самые неурожайные годы у него рождался богатый хлеб, а стадо увеличивалось с каждым днем. Но ничто не радовало его. И никто больше в ауле не слышал звонких песен младшего брата.

Как-то раз в аул пришла беда. Снежная лавина сползла с гор, оставив многие семьи без крова и пищи. И тогда пришел старший брат к младшему с просьбой помочь сельчанам. Но остался глух младший брат к просьбе старшего.

Делясь друг с другом последним куском хлеба, люди выстояли. Но недаром в народе говорят, что беда не приходит одна. Соседний хан решил поработить маленький горский народ. Весь аул встал на защиту своей свободы. Лишь один человек, младший сын пастуха, оставался ко всему безразличным. И тогда все сельчане отвернулись от него.

Весть о долгожданной победе облетела все дома. И, видя ликование народа, вспомнил младший брат слова, сказанные перед смертью отцом, что никому богатство еще не приносило счастья.

Не принесло и ему. Крепко задумался он над своей судьбой и пришел к такому решению: надо вернуть себе сердце.

Ушел из аула младший брат, решив не возвращаться, пока не обретет сердце. Вот он и блуждает по сей день по горам да по лесам, ищет человека, который бы согласился отдать ему свое сердце за его богатство. Да так и не находит.

Сказка о непокорившемся городе

Занесенные песком, лежат руины некогда оживленного города. Вдруг налетит ветер невесть из каких дальних краев, и потекут под его напором по земле пески, как тысячи ручейков воды. Прислушайся: в их тихом шорохе и скрипе ты услышишь историю о непокорившемся городе.

Было это в далекие времена. Одной необъятной страной правил жестокий и жадный хан. Никто не мог сравниться с ним богатством, не было ханским землям ни конца, ни края, но все было ему мало. Окруженный роскошью, сидел он в своем дворце и думал: на кого из своих соседей пойти войной. Много государств поработил грозный владыка, заставив их платить непосильную дань. Его трехсоттысячное войско катилось подобно огненной лаве, сметая все на своем пути. И возомнил хан, что нет ему равных по силе на всем белом свете.

Как-то раз заезжий купец рассказал всепобеждающему владыке о далеком чудесном городе. И потерял с той поры хан покой и сон. Виделись ему красивые рабыни, выносливые юноши, тучные стада овец, несчетные табуны лошадей.

И вновь двинулись ханские войска в поход. Через много дней и ночей подошли они к тому городу, и чарующие картины предстали их взору. По широким равнинам, петляя и извиваясь, текли прозрачные реки, в высокой траве мелькали гордые головы прекрасных лошадей. Привыкший к легким победам хан решил дать отдых уставшим воинам, а на рассвете захватить город. Глубокой ночью тревожные удары колоколов разбудили мирно спящих жителей. Это старый звонарь, увидел пылающие костры в стане неприятеля, понял, какая опасность грозит его городу. И весь народ от мала до велика принялся за работу. Проснулся утром хан и не поверил своим глазам: город был обнесен высокой, неприступной стеной. Но хан не привык отступать, и полетели стрелы на защитников крепости, но, не достигнув цели, они ударялись о камни и разбивались в щепки, а тяжелые ядра лишь искры высекали из толстых стен.

Осмотрев поредевшие ряды своего войска, решил хан взять город хитростью. Он приказал снять осаду и отойти. Отважные защитники бросились вдогонку за неприятелем, и, как и рассчитывал хан, оказались в западне. Завязалась кровопролитная битва. Мужественно дра-

лись защитники маленького города; никто из них не просил о пощаде, но слишком неравными были силы, и вскоре все поле вокруг покрылось алой кровью и горами поверженных тел. Ханское войско вошло в город, где оставались лишь старики, женщины и дети. Долго думал хан, как расправиться ему с непокорными. И повелел он замуровать в городскую стену всех оставшихся в живых. Под стоны обреченных праздновал хан свою очередную победу.

В самый разгар пиршества от стонов замурованных рухнула городская стена, похоронив под собой хана и все его войско.

Занесенные песком лежат руины некогда оживленного города. Поднимется ветер, сдвинет с мест сыпучие пески, поползут они по земле тысячами струй с тихим шорохом и скрипом. Прислушайся внимательно, и услышишь ты печальную, и светлую историю о непокорившемся городе.

Сказка об орле

На неприступных скалах, куда не ступает нога человека, в большом гнезде вывелся орленок. Высоко над ним расстилалось бездонное синее небо. Оно показалось орленку необъятным, и он поспешил спрятаться под крыло матери-орлицы. Под крылом было так тепло и надежно, что орленок набрался смелости и выглянул из-под крыла. Далеко-далеко внизу он увидел землю, всю во власти тумана. Орленок смотрел вниз, пока не стало смеркаться. Наступила ночь и звезды, раздвигая тьму, понесли навстречу всему живому свой мерцающий хрупкий свет. Как прекрасен был мир, окружающий орленка!

Мама-орлица рассказывала маленькому сыну о людях, об их силе и ловкости.

Пришло время, и орленок стал орлом, он расправил свои могучие крылья. Часами парил он над долиной, выслеживая добычу. Ни заяц, ни куница не могли укрыться от зорких глаз охотника. Среди множества звуков орел различал свист улара, бегущего по каменистым россыпям. Дни шли за днями. Бежали, пенились быстрые реки, каждую весну на горных склонах расцветали удивительные цветы. Орел любил спускаться к разрушенным могильникам, к развалинам старой башни, стены которой хранили следы былых сражений. Люди никогда не приходили сюда, забыв о них. Орел не был одинок, его друзьями стали звезды. Каждую ночь неведомая сила тянула орла ввысь, в царство гармонии и красоты.

Ничто не нарушало однообразия жизни. Однажды, вылетев на охоту, орел заметил кеклика, бившегося в траве, и стремительно бросился вниз.

Слишком поздно понял орел, что попал в ловушку. Он рвал крепкую сеть, пока силы не покинули его. Пришли люди, и орел стал пленником. Железные прутья клетки окружили его со всех сторон.

Обессиленный долгой борьбой, орел открыл глаза. Рядом с ним сидела странная птица, наряженная в яркое желто-зеленное оперение.

Попугай был суетлив, постоянно прихорашивался и кривлялся. Его неприятный, хриплый голос разносился по всей комнате.

– О чем ты так грустишь? – спросил он орла. – Погляди, как здесь хорошо и сытно. Неужели на твоей родине теплее, чем тут?

– Моя родина самая прекрасная! Там не всегда тепло, но там высокие горы, – ответил орел.

– Я сам жил на высоком дереве – в Австралии, – с гордостью объявил попугай.

– Но горы выше любых деревьев, – заметил орел.

– Разве что-нибудь может быть выше деревьев? – удивился попугай. – Это должно быть страшно!

– А ты когда-нибудь видел звезды?

– Нет, а на чем они растут? – любопытствовала неугомонная птица.

– Они появляются ночью, а с рассветом исчезают.

– Ночью надо спать! – наставительно сказал попугай и повис головой вниз.

Вечер принес орлу долгожданную прохладу. Звезды нашли своего друга и печально смотрели сквозь оконные стекла. Стало светать. К утру орел умер. А звезды – друзья орла – не захотели оставить его одного даже мертвого. И в ту же ночь забрали его с собой. И с тех пор летит он, распластав над нами звездные крылья. Если не веришь, посмотри на небо и ты обязательно увидишь созвездие Орла.

Побегитель Пяти Бед

Долго бродили по свету пять Человеческих Бед – Изгнание, Бесславию, Бедность, Тоска и Хворь. Там, где они появлялись, погибал скот, горели поля, люди уходили с насиженных мест, в опустевших домах раздавались лишь звуки ветра.

Бродили-бродили пять Человеческих Бед, и как-то раз встретились на перепутье четырех дорог. И стали друг перед другом хвастаться, кто из них больше горя людям принес.

«Многие лишились из-за меня своей родины», – сказала Изгнание. «Я приносила им голод», – заявила Бедность. «Даже сильные духом не выдерживали борьбы со мной», – усмехнулось Бесславию. «А я навевала на них грусть и отнимала последнюю надежду на лучшее будущее», – сказала Тоска. «Передо мной не устояли даже великие ханы. Разве я не самое большое горе для людей?» – спросила Хворь.

И повели они долгий разговор о слабости человеческой. «Все воспринимают нас, как неотвратимых, никто и никогда не оказал нам достойного сопротивления», – решили Беды-подружки, и стало им скучно.

В то время из далекой заморской страны возвращался купец. Мирно покачиваясь под палящим солнцем, лениво шел по пустыне караван верблюдов. Много товара продал купец, богатые подарки вез домой, где его ждали жена и сын.

Караван расположился на ночлег в том самом месте, где встретились Пять Человеческих Бед. Пока погонщики кормили уставших животных, Беды незаметно подкрались и спрятались среди нагруженных тюков. Едва рассвело, караван тронулся в путь. Уже к полудню горе постигло путников – неизвестная болезнь распространилась среди них. Оставляя умерших, караван шел, ни на минуту не останавливаясь, спешил к городу, но страшная весть опередила их.

Перепуганные жители запирались в своих домах. Слезы радости

выступили на глазах купца, когда он увидел долгожданные городские ворота. Но, к удивлению своему, не услышал радостных криков встречающей толпы. На опустевшей базарной площади одиноко стояли его жена и сын. Спустя неделю купец умер. Быстро опустели амбары у вдовы. Тогда послала она сына к соседям с просьбой одолжить немного муки. Но никто не открыл ему двери.

«Твой отец принес нам несчастье. Уходи отсюда!» – говорили люди. И решил тогда купеческий сын уйти из родного города. Простился он с плачущей матерью и пошел куда глаза глядят.

Много дней и ночей блуждал мальчик по незнакомым местам. Вконец обессиленный от холода и голода, он вышел к небольшому селению. С трудом добравшись до ближнего дома, он робко постучал в окно. Старая женщина открыла дверь и спросила мальчика, кто он такой и куда держит путь? Маленький изгнанник поведал ей свою печальную историю, и сердобольная женщина пожалела и приютила мальчика.

Незаметно проходили дни за днями, и мальчик прижился на новом месте. Но длинными вечерами тяжелым обручем сжимала его сердце Тоска. Сельчане очень скоро полюбили мальчика, потому что он был очень трудолюбивый, помогал и малому и старому, и бедному и слабому. Поэтому каждый старался его чем-нибудь отблагодарить. Бедность увидела, что человеческую доброту ей не победить, отвернулась от мальчика и пошла бродить по белу свету. Чем лучше жилось мальчику, тем чаще он вспоминал свою мать и покинутый дом. И решил он во что бы ни стало вернуться под отчий кров. И Тоска навсегда покинула его сердце. Прошел еще один год, мальчик возмужал, окреп и превратился в широкоплечего, красивого юношу. Невзгоды закалили его.

Однажды странник принес ему недобрую весть: коварный враг напал на его родную землю, хочет увести в неволю маленький народ.

Позабыв про обиды, мальчик поспешил в сторону, где над горизонтом было видно зарево пожара. Когда он дошел до своего родного города, печальная картина открылась его взору: в руины превратились прекрасные дворцы, пересохли каналы, вокруг простиралась необъятная выжженная степь. От дома к дому ходил никем не узнанный купеческий сын, призывая на битву с врагом всех, кто способен держать оружие в руках. В бой за свободу поднялся весь народ, и впереди, как и подобает настоящему воину, шел купеческий сын. Под ударами метких стрел падали поверженные враги, и, не выдержав натиска, отступил неприятель. Но вражеское копье пробило грудь смелого юноши, и упал он на родную землю. Окружили люди славного воина: «Скажи нам, кто ты? Откуда пришел?»

Назвал тогда юноша честное имя отца своего. И в тот же миг покинули его Бесславие и Изгнание. Они поплелись вслед отступающему войску. Бережно внесли люди носилки с раненым в дом к его старой матери. И седая мать припала к его груди, и перестала рана кровоточить. «Не для того так долго я ждала сына, чтобы умер он у меня на руках», – сказала мать. День и ночь не отходила она от постели больного, поила его ключевой водой и всякими снадобьями. Не смогла Хворь победить материнской любви и ушла искать более слабых. Юноша выздоровел и стал править городом. Хорошо при нем жилось людям. И в народе его прозвали Победителем Пяти Человеческих Бед!

Наталья МАЙЕР

Угмоните мыслей суету,
В сердцах покой и веру обретите
И, даже если жить невмоготу,
Свечу надежды, все-таки зажгите.

Простые истины

Простые истины «не укради», «не лги»...
Но, ах, как трудно избежать соблазна!
Прости нам, Боже, зависть и долги,
Прости нам устремленья к жизни праздной.

Прости нам, Господи, мирскую суету,
И гневные слова, и горькие обиды,
И грешных мыслей злую маету, –
Ведь все равно мы все к Тебе приидем...

Предстанем пред Тобой, настанет час.
Ты спросишь с нас за все – за все ответим.
Но молим, Господи, прости сейчас,
Прости, пока еще – на этом свете!

Маме

Прожила свою жизнь, как сумела.
Прожила свою жизнь, как смогла.
И роптать на судьбу ты не смела,
На себе все заботы несла.

Отлетела душа восвояси.
Отлетела душа на покой.
На погосте поп в старенькой рясе
Со святыми ей спел упокой.

Успокой, успокой свою душу.
Сердце больше на части не рви,
Уж никто твой покой не нарушит.
Не обманет надежды твои.

Чарующая осень

Как много пролетело зим и весен,
Но в памяти я бережно храню,
Ту яркую, чарующую осень,
Когда ты в первый раз сказал «люблю».

Твой голос для меня звучал, как песня,
Тревожно сердце билось в тишине.
И не было в тот миг тех слов чудесней!
Летели птицы стаей в вышине.

В ту осень я была такой счастливой
И так боялась счастье расплескать!
Я для тебя старалась быть красивой,
А о любви не смела рассказать.

Но осень золотая откружила
Багряною и желтою листвою.
Кудесница зима заморозила
И разлучила навсегда с тобой...

В студеный зимний вечер вьюга злая
Тропинку постаралась замести,
Но ты уходишь, глаз не поднимая,
Сказав мне на прощание «прости».

Простила я тебя, давно простила.
Обиды-льдинки в сердце не таю.
Но встречи ни одной не позабыла
И я тебя по-прежнему люблю.

Ожидание

Старый рюкзачок за плечи кинув,
Постою, прощаясь, на ветру...
Душный город навсегда отринув,
Я уйду тропею поутру.

Мне вольется в сердце звезд сиянье,
Силу даст журчанье ручейка,
Приглушит души моей страданье
Нежный взгляд стеного василька...

Солнце, реки, лес, поля и горы
Распахнут объятия свои.
Открывая новые просторы,
Доберусь до краешка земли.

Понимаю, этому не сбыться,
Как мечты мои ни хороши.
Пусть же в этих строчках отразится
Ожиданье трепетной души!

Роза АГОЕВА

Как небо и земля неразделимы,
Неразделима Кабарда с Балкарией.
В сердцах народов двух неповторимых
Звучит один мотив, подобно арии.

Как не бывать материи без духа,
Злу без Добра не быть, а Тьме без Света, –
Жить этим двум народам друг без друга –
Равно, что наложить на воздух вето.

Вы, сыновья Балкарии, как братья,
Дочь Кабарды встречали, как родную.
И вознесла хвалу Творцу опять я
За то, что даровал он жизнь земную...

Как небо и земля неразделимы,
Нас Родина одна объединила.
И дух народов двух непобедимый
В нас жив еще, и в этом наша сила.

И снова у Чегемских водопадов
Окажемся с тобою в мире грез.
Мой край родной! Души моей отрада!
Я не стыжусь нахлынувших вдруг слез!

Мой край родной, душой обнять готова
Я каждый выступ величавых гор!
О, Родина! Судьбы моей основа,
Я здесь, с тобой – всему наперекор!

Как мне воспеть твое великолепье?
Возможно ль это выразить в словах?
Как это смог в своих картинах Репин,
Сумев красу запечатлеть в веках.

Владимир ЗАРУБИН

Итак, подведение итога –
Позволим себе эту блажь –
Обычная, в общем, дорога
И скромный, по сути, багаж.

Трудился, не ведая правил,
Ни звезд, ни жар-птиц не хватал,
А честно и радостно плавил
Упрямый словесный металл.

И брел тяжело вдоль обочин,	Не мастер, но шитый не лыком,
С прицелом на долгий маршрут,	Не маршал, а лишь рядовой,
Поэзии чернорабочий,	С мечтою о счастье великом –
Влюбленный в свой каторжный труд.	Добраться до передовой.

Сонет юности

Далекая счастливая пора,
Когда ни мук душевных, ни болезней,
Когда зарядок было всех полезней
Таскать водицу, да по три ведра.

И раз в неделю, посреди двора,
Играючи, ведь сердцу так любезней,
Колоть дрова, которые железней
Тяжелого, как гиря, топора.

О, та пора, когда тянуло властно
В казавшийся необозримым путь,
Когда все начиналось так прекрасно,

И было ясно, что еще чуть-чуть –
И ахнет мир от мощи, так опасно
Переполюнявшей молодую грудь.

Вот и снегом покрылась моя голова,
Вот и сердце шалит, и сбивается память,
И уже не могу, засучив рукава,
По усталой машинке весь день барабанить.

Вот и время мое вместе с веком ушло,
И ложится на дно историческим слоем,

И не скоро в музейную тишь, под стекло,
И навряд ли урок его будет усвоен.

Вот и мне уж пора напоследок взглянуть
На вчерашнюю жизнь и, возможно, проститься,
Оставляя потомкам всеобщую муть,
Где, к стыду, и моя различима частица.

Александр Ключинову

Еще не друг, но все-таки коллега,
А в перспективе – новый русский друг,
Поэт, легко берущий без разбега
Любую высь, пера не зная мук.

В его стихах – и мужество и нега,
И россыпь звезд и многоцветный луг,
И до краев увязшая телега
Народной боли от своих же «слуг».

Еще не друг, но близок и понятен,
И уважаем за его слова,
За то, что нет на сердце «черных пятен»,

За то, что ярко мыслит голова,
За то, что нам, читателям, приятен
Взаимный пульс живого мастерства.

Не унижает преклоненье
Лишь перед женщиной, когда
С цветами на полуколоне
Покорно ждешь ее суда.

Веками в этом отношенье
Находит, как задумал Бог,
Спасенье или утешенье
Весь род мужской у женских ног.

И, как подарками – стихами
Надеясь вызвать интерес,
От одного ее дыханья
Впадая в жар своих телес...

И было б славно, если б ярко
И щедро он являл пример –
Не только на восьмое марта –
Любви и рыцарских манер.

Она же разума лишает,
Платочек душистый теребя,
И снисходительно решает –
Казнить иль миловать тебя.

Так будем же судьбой хранимы,
Чтоб человечеству сиял
Его прекрасной половины
Неуязвимый идеал.

Заур УМАРОВ

Памяти Мамы

Милая Мама! Родная моя,
Боль мне известна твоя,
Ты не жалела ни денег, ни сил...
Мир без тебя стал не мил.

Внучка твоя подрастает,
Вновь без тебя снег растает,
Вижу дочь и тебя вспоминаю,
Нежная Мама моя, я скучаю.

Дочь моя ласкова, нежна, добра,
Я от нее на всю жизнь без ума,
Это твое, моя Мать, повторенье,
Это природы родное творенье.

Твой я помню жестокий недуг,
Ты мой хороший и ласковый друг,
Я запомню твой взгляд навсегда,
Ты не умрешь для меня никогда.

Я не забуду тех сумрачных дней,
Когда ты не спала жестоких ночей.
Меня забирали в Афган, ты рыдала,
Вернулся домой, дата праздником стала.

На бумаге сегодня могу я сказать,
Ты – моя добрая, нежная Мать.
Никогда я тебя, моя Мать, не забуду,
Я всегда вспоминать тебя буду.

А внучка твоя уже взрослая стала,
И забыть ей тебя не пристало,
Живи в наших сердцах, моя милая Мать,
Внучка твоя моей Маме под стать!

Памяти друга

Амур! Был друг у нас с тобой,
Красивый, сильный, молодой.
Ну почему же был, он – есть.
Я не приемлю эту весть.

Я в смерть поверить не могу,
И не унять по нем тоску,
Перед глазами как живой,
Красивый, сильный, молодой.

А помнишь, как он нас встречал?
И как собрать всех нас мечтал,
Как жизнь любил и как он жил,
Он настоящим другом был.

В Афгане я его не знал,
Бок о бок с ним не воевал,
Но благодарен я тебе –
Узнать его позволил мне.

Как день, прошла вся жизнь его,
Как будто жили без него,
Как будто и не жил совсем,
Быть может, он приснился всем?

Быть может, возродится вновь,
И вновь отдаст свою любовь
Всем тем, кого любил так нежно,
Искренне любил, и безмятежно.

До сих пор поверить не могу,
Мы с ним недавно пировали на лугу,
Все это было как во сне,
Как будто он приснился мне.

Друг и брат он наш навек,
Жаль, недолог человека век,
Спи спокойно, Муаед,
Ты на земле оставил след.

Ты помнишь, как он нас встречал,
Каким гостеприимным он бывал?
И память вечная ему,
Так есть и быть так по сему!

Владимир БАБАРЫКИН

У памятника Кайсыну Кулиеву

«Салам», – Кайсыну говорю,
Застывшему на пьедестале.
Ему стихи свои дарю,
Что знаменитыми не стали.

Горит вечерняя заря
Над бронзовым сегодня взглядом.
Стою, судьбу благодаря,
За то, что жил с поэтом рядом.

За то, что он своим стихом
Чегем прославил и Россию.
Как он, я в детстве босиком
Резвился над речною синью,

Купал коней и стриг овец...
В узде держал свою натуру.
Как старший брат он, как мудрец,
Стихом нас звал в литературу.

Зеленые деньги

Теперь уж нет ни жалости, ни скорби,
В глазах людей лишь алчность, зло и месть...
И вы со мной, пожалуйста, не спорьте,
Я отразил лишь суть, какая есть.

Никто теперь не думает о чести,
Мечтают, как быстрее разбогатеть,
Чтоб не работать в жизни, не потеть,
Устроившись на теплом тихом месте.

Не ожидал такого в жизни я,
Чтоб Время, как приставленное дуло,
Огромную страну всю повернуло
На Запад, на заморские края.

Теперь и мы в плену зеленых денег,
Они, как черви, точат нам мозги,
А впереди не различить ни зги,
И чтоб подняться – не найти ступенек.

Лес детства

Десять лет и десять весен
Я прожил на похвалу:
Много слышал птичьих песен,
Постук дятлов по стволу.

Видел белок, перепелок
И фазаний шумный ток.
Меж зеленых пышных елок
На глаза попался волк.

Встретил белый гриб огромный
Под березовой грядой.
Из-под ног в кустарник темный
Прыгнул заяц молодой.

Над ручьем ягодник крупный
Под палящим солнцем зрел, –
Я такой чудесной клюквы
Никогда с тех пор не ел.

Из ручья воды напился,
Долго слушал водный плеск...
А потом всю жизнь мне снился
Этот чудный, дивный лес!

Новостроек гулкий бубен
Подминает лес во тьме.
Неужели мы погубим
Это чудо на земле?..

Светлана АЛХАСОВА,

выпускница кафедры

художественного перевода

Литературного института им. Горького

Воспоминания о Литинституте

Литературный институт им. Горького Союза писателей СССР – так назывался он в те годы.

Он – единственный, уникальный в своем роде вуз.

С гордостью вспоминается, что здесь учились Константин Паустовский, Георгий Бакланов, Юрий Бондарев, Егор Исаев, Евгений Евтушенко, Бэлла Ахмадулина и многие другие известные писатели. Учились здесь также наши известные прозаики и поэты, как старшего поколения, так и последующих. А какие преподаватели у нас были: А. А. Реформатский, М. А. Кумахов, В. Н. Дынник, В. П. Артамонов, Л. И. Качаева, С. П. Смирнов, В. А. Кедров, Юрий Трифонов, Евгений Долматовский, Лев Ошанин, Андрей Битов... Предмет «Кинематография» вел, будучи уже в преклонном возрасте, известный кинорежиссер Леонид Трауберг, да-да, тот самый, который вместе с великим Сергеем Эйзенштейном снимал «Трилогию о Максиме». Помню, как он предложил нам составить сценарий по «Незнакомке» А. Блока, и мы несколько занятий подряд «колдовали» и «пыхтели» над этим, и даже сделали «раскадровку» так называемого фильма! Пожалуй, ни в одном, самом цивилизованном европейском вузе никогда никто не уделял столько внимания и заботы нам, студентам этого вуза. С нами «нянчились», «носились»: а все ли у вас там хорошо, в общегитии? Не болеете ли? Хорошо ли кушаете, не голодны? Эти вопросы студентам задавали все, начиная с ректора и проректора и заканчивая преподавателями и лаборантами. Это была не учеба, а праздник, наполненный высокой духовной московской жизнью и счастьем личного душевного благополучия и комфорта. Помню, как первый наш ректор Владимир Федорович Пименов – бывший директор всех театров Москвы, за невероятно прямой спиной которого шептались, будто он носит особый корсет, – улыбаясь так, словно он на дипломатической встрече, вежливо подходил к каждому, стоявшему в коридоре студенту (а студентов он всех знал по фамилии), сам протягивал руку и участливо спрашивал: «А как Ваши дела? Как учеба? Как у Вас там дома?»

Аскер, Аскер Евтых... Писатель большого таланта и человек большой бескорыстной души: «Позвольте объясниться Вам в любви от всех нас, группы студентов из Кабарды и Черкесии. Да, Вы отказались получать зарплату за наше обучение и взамен арендовали печатную машинку у кафедры для нас, студентов, на все пять лет обучения. Вот уже скоро десять лет, как нет Вас с нами. Но я верю, что и там, на небесах, Вы видите и слышите нас. Помните, как в начале моего взрослого пути Вы писали

мне (Ваши письма храню по сей день как самое дорогое сокровище): «Очень хорошо, что начали работать. Зарплата не ахти, но все же первый шаг сделан. Потом наладится, не унывайте! Присматривайтесь к тамошней жизни, обдумывайте свое и если нацарапается, пришлите мне...», а потом советовали: «Побеждайте адыгским Иэдэб!»¹ Но жизнь, увы, оказалась намного суровее, чем мы ее себе представляли. Она беспощадно расправляется с нами, и даже наше адыгское Иэдэб, воспетое в прошлые века всеми европейскими учеными, порой оказывается бессильным перед напором жестокости, злобы, зависти, интриг...

А какие студенты с нами учились! Олеся Николаева – всегда веселая, остроумная, легкая: пышная копна рыжих волос, голубые глаза, румянец во все лицо, – она словно излучала яркий свет и была для нас, приехавших с далеких гор, воплощением настоящей москвички. А Саша Зуев – само воплощение интеллигентности и скромности. Этери – серьезная и умная, достойная представительница грузинского народа. А правнук декабриста Андрей Чернов, ставший ныне известным ученым! Андрей, помните, как Вы при каждой встрече приговаривали: «А-а, черкешенка-черешенка, привет!»

А наша любимая кафедра художественного перевода... Люциан Ипполитович Климович, с яркой, колоритной внешностью красивого льва, достойной первой звезды Голливуда, и с не менее достойной внешностью актрисы – благородная и человеческая Маргарита Ивановна Скворцова. Где Вы, Маргарита Ивановна, полурусская, полутатарка, полумосквичка, полусаратовка, красавица, умница, наполненная вся высокой и доброй энергетикой, отзывчивая, всегда внимательная, но строгая и требовательная, когда это необходимо!

Роберт Иванович Винонен, за внешне холодным и спокойным видом чистокровного финна которого кипели бурные и благородные душевные страсти и талант большого литературоведа. До конца своих дней я буду помнить то добро, которое Вы делали для меня на протяжении не только пяти студенческих лет, но и последующих четырех лет аспирантуры. Где бы еще специально к приезду заочной аспирантки в институте на кафедре собирали бы заседание совета?! Спасибо Вам, дорогие Юрий Озеров и Юлия Борисовна Чугунова! Буду помнить до конца дней своих уникальных людей, преподавателей: Дынник с ее неповторимым рассказом о ее первой встрече с Сергеем Есениным, Артамонова с его вечным поиском абсолютной и относительной истины, Качаеву с ее бесконечной преданностью русскому языку, Джимбинова с его влюбленностью в поэзию Аполлинера и песню «Мост Мирабо», Смирнова и Кедрова с их высоким философским пареньем к заоблачным и сакральным мотивам.

¹ Иэдэб – часть адыгского этикета, форма поведения, касающаяся, в основном, женщин. В русском языке нет адекватата, она включает в себя сразу несколько понятий: скромность, воспитанность, порядочность, толерантность, компромиссность, дипломатичность.

...Предмет «Театр» вела Вишневская, нет, не Галина, но поразительно похожая на нее всем: и лицом, и фигурой. Высокая, со статью императрицы, с сине-зелеными глазами и темно-каштановыми волосами, на редкость красивая женщина. Поговаривали, что она на самом деле родная старшая сестра великой певицы. Никто и никогда, наверное, не вел занятия таким образом, как вела их она: только мы брались за ручку, чтобы записывать лекцию, как она повелительным голосом приказывала: «Всем сейчас же положить ручки и слушать меня, смотрите мне прямо в глаза, я должна видеть ваши глаза, иначе я не стану вам ничего рассказывать! Запоминайте без записи, что я говорю!» Как-то, спустя несколько лет, будучи уже аспиранткой, я встретила Вишневскую в узком коридорчике основного корпуса Литинститута. Мне срочно нужно было напечатать какую-то бумагу, с этим были проблемы тогда, печатные машинки были наперечет. Завидев Вишневскую, я узнала ее и поздоровалась. А она, разглядев мое растерянное лицо, спросила, в чем дело. Я стала тихо и, видимо, жалобно рассказывать. Не дав мне договорить, она вдруг резко оборвала меня: «Это что за голос, это что за интонация?! Ну-ка, поднимите повыше голову и посмотрите на меня! Вот теперь рассказывайте!» Она заставила меня повторить то же самое, но уже другим голосом. «Ну, теперь-то получше, – сказала она, – а теперь пойдете, напечатаем Вашу бумагу!»

С тех пор прошло много лет. Жизнь часто ломает нас беспощадно, и не всегда есть силы, чтобы бороться. И часто вспоминая эту красивую женщину, Вишневскую, я выпрямляюсь, меняю голос, нахожу в себе силы... Спасибо Вам, дорогая! Спасибо вам всем, родные мои, всем, кто трудится в Литинституте на Тверском бульваре, 25!

Аминат АТАБИЕВА

Об авторе

Врач, много лет проработала в Республиканском кардиоцентре, Республиканской клинической больнице, с детства увлекается литературным творчеством. На ее стихи написаны песни и романы. Представляем некоторые из ее стихотворений, вошедших в книгу «А жизнь – мгновенье».

БЛАГОДАРЮ

Благодарю за дар чудесный:
За счастье думать и творить,
За радость видеть свод небесный,
Способность помнить и любить.

За первый громкий крик младенца,
Вступающего в новый мир,
За первое волненье сердца
И свадебный веселый пир.

За то, что мир и прост, и сложен:
Нам розы дарят аромат,
С торжественным волненьем можем
Созвездий созерцать парад.

За то, что миром разум правит,
Я то пою, а то грущу.
За все, что жизнь нам мудро дарит,
За все ее благодарю.

отцу

Все дальше день, когда с тобой простились,
Все ближе наша встреча за чертой.
Песчинки дней в часах песочных жизни
Неумолимо тают надо мной.

Блистая, ошибаясь, сомневаясь,
Листаем год за годом, торопя.

Как жившие до нас, и мы не знаем,
Зачем же были посланы сюда.

А жизнь – мгновенье, в ней печаль и радость –
Все мимолетно. Словно сон она.
Все дальше день, когда с тобой расстались,
Все ближе та, последняя, черта.

Как трудно сохранить тебя, любовь,
Чтоб сердце замирало, трепеща.
Все в мире бренном свой имеет кров,
Вместилище любви одно – душа.

И, видя, как обходятся с тобой,
Лишаются, воюя и спеша,
Мне громко крикнуть хочется порой:
«Остановитесь! Так болит душа!»

РАНЕНАЯ ПТИЦА

Любовь, как раненая птица,
Крылами бьется о стекло.
Живительной воды напиться
Сил не хватает у нее.

От наших ссор она устала
И потускнела от обид.
Я долго о любви мечтала,
И вот – не в силах сохранить.

В сердца стучится – те закрыты,
Стучится в души – те молчат.
В конце концов, живые крылья,
Разбив оковы, улетят.

А кто-то сердце ей откроет,
Осколки эти соберет,
Скрепив терпеньем и мечтою,
Бесценный миру дар вернет.

Помоги моей матери, Господи,
Дай ей жизни счастливой, безоблачной,
Ночи дай ей, прошу, безмятежные,
Дни заполни спокойствием, радостью.

Прожила моя мама нелегкую
Жизнь, трудом и заботами полную,
И войну детским сердцем извела,
И чужбину познала голодную.

Прожила с верой в сердце, безропотно
Испытанья встречала, не плакалась.
Хлеб горячий пекла для голодного,
От работы за спины не пряталась.

Помоги ж моей матери, Господи,
Дай ей жизни счастливой, безоблачной,
Ночи дай ей, прошу, безмятежные,
Дни заполни спокойствием, радостью.

Я – песчинка в безбрежном людском океане.
Помоги мне, Всесильный, собою остаться,
Чтобы с чистой душою могла я когда-то
С этой жизнью земною тихонько расстаться.

Чтобы люди мне в след не глядели с упреком
И проклятьями душу мою не терзали,
И потомки мои, сколько б ни было срока,
Лишь с любовью и грустью меня вспоминали.

**Батыр ас АЛАНСКИЙ,
Хасан ШАБАЕВ**

Ахмат Сумаев – человек дела

Очерк

Мы, помногу лет занимавшиеся журналистикой и литературной работой, видели в жизни многое, знали почти всех известных людей республики. Беседовали с ними, писали о них очерки, брали у них интервью. Нам, к примеру, и сегодня приятно встречаться с теми, о славных делах которых мы писали лет двадцать-тридцать тому назад. Это, скажем, и Герой Социалистического Труда, добрый и приятный во всех отношениях человек Шарафутдин Муллаев, прославивший республику рекордной проходкой горной породы на Тырнаузском горно-обогатительном комбинате, и врач-кардиолог Елизавета Батчаева, и Герой Социалистического Труда, широко известный не только в нашей республике и России, но и в целом мире, академик Михаил Залиханов. Мы хорошо помним и тех героев своих очерков, каждый из которых в свое время вложил весомый вклад во славу республики и нашего народа, но, к сожалению, не дожили до сегодняшнего дня. Это и Ибрагим Чабдаров, заслуженный летчик-испытатель СССР, прошедший сквозь пламя войны, испытавший не только сотни новых истребителей, но и горечь несправедливости, и радость победы света над тьмой; это и незабвенный Шакман Кучмезов, бывший зам. министра сельского хозяйства и первый секретарь Советского райкома КПСС, который, несмотря ни на что – ни на время, ни на обстоятельства, ни на должности – с юношеских лет, когда он стал работать бухгалтером в совхозе в Павлодарской области, и до последних своих дней (погиб в автокатастрофе), когда уже был большим начальником, всегда был ХОРОШИМ ЧЕЛОВЕКОМ, который постоянно стремился сделать так, чтобы людям было легче и радостнее жить и работать; это и депутат Верховного Совета СССР, прославленная станочница трикотажного комбината «Дружба» Шерифа Шунгарова, человек нелегкой, но интересной судьбы, которая тоже до последних дней своих боролась за правду, честь и достоинство человека, и многие другие.

В последние годы, когда никому неподвластное время внушило нам мысль, что мы уже устали от суетливой журналистской жизни, которая, мол, более подходит молодежи, и предоставило нам возможность заняться более спокойной – литературной работой, мы, действительно, увлеченные своим «взрослым» делом, теперь редко выезжаем в села, мало пишем о жизни и делах сегодняшних энергичных и беспокойных людей нашей республики – этих вечных двигателей прогресса.

Но иногда бывает так, что неожиданно встречаешься с одним из таких людей то ли на свадьбе, то ли на чьем-то дне рождения, то ли еще где-то, познакомишься, поговоришь, и после этого начинает «чесаться» журналистская память руки. И вправду – как удержаться, как не написать,

не рассказать вот об этом замечательном, энергичном человеке, который сумел организовать дело, сумел найти друзей и единомышленников, дать людям работу, достойную зарплату, в то самое время, как сотни таких же парней, как он, только и знают, что хныкать: мол, работу не найти, никому до нас и дела нет и т. д.

И чтобы сказать им: «А вы поменьше ленитесь, поменьше хнычьте, а скорее беритесь за дело, за работу, и тогда все будет в порядке – и жизнь станет интересной, и достаток придет, и уверенность!» – приходится вновь «тряхнуть стариной» – писать очерк, статью о таких энергичных, постоянно устремленных вперед людях. Так, несколько лет назад пришлось написать очерк о Хасыме Гызыеве и о его друзьях, сумевших наладить в Баксанском ущелье производство гипса. «Каббалкгипс» называется это производство. Более 300 человек трудится там сейчас, получая хорошую зарплату.

Вот и на этот раз нам захотелось рассказать еще об одном молодом и энергичном человеке, который тоже сумел наладить свое дело, дать работу многим людям. И дело его – не просто «купи-продай», как у многих сегодняшних «новых», а самое что ни на есть полезное и нужное дело – строительство. Многие жители нашей республики не раз видели по телевидению репортажи о том, как живут и служат пограничники в наших горах, как они обживаются, видели новые, крытые красной, зеленой металлочерепицей служебные и жилые помещения, только что построенные для них. И часто вместе с руководителем Федеральной службы безопасности Николаем Патрушевым и президентом нашей республики Арсеном Каноковым видели высокого молодого человека, чья строительная организация возводит эти красивые казармы, базы и дома. Это и был герой нашего очерка Ахмат Харунович Сумаев – Генеральный директор строительной фирмы «Ийман».

Сумаев
Ахмат Харунович

Если уж говорить правду, сперва, когда иногда приходилось с ним встречаться, не было у нас особого стремления сблизиться с ним, пообщаться, поинтересоваться тем, как идут у него дела и т. д. Хотя бы просто потому, что многие люди думают, что у людей бизнеса денег – куры не клюют, а потому без особого стеснения обращаются к ним за помощью, хотя и не всегда находятся в столь критическом положении, чтобы вымаливать что-то у других. Ну а мы, вроде бы всю жизнь гордившиеся своей независимостью и своей профессией, не хотели, чтобы молодой бизнесмен подумал, что мы хотим быть с ним, как говорится, на короткой ноге, чтобы потом в эгоистических целях воспользоваться этим. Так проходили годы – при встречах, разумеется, мы по-приятельски здоровались, но обходились формальными фразами о здоровье, о делах, не вдаваясь в подробности, как это принято у давних и добрых друзей. Но потом, встречаясь с ним еще и еще раз, слушая его высказывания как о сегодняшней жизни, так и об обычаях и многих аспектах исторического прошлого нашего народа,

мы были удивлены: откуда это у обычного инженера-строителя столь широкие познания в областях, таких далеких от его профессиональной деятельности – и в истории, и в литературе, и в культуре вообще? Ведь он совсем неожиданно для многих, может, при случае, читать наизусть как стихи Кязима Мечиева, Кайсына Кулиева, так и Михаила Лермонтова, Алима Кешокова. И это ведь не просто случайность, а верный признак того, что он серьезно любит литературу, много читает. Видно, неспроста он был одним из организаторов воссоздания Академии истории, культуры и бизнеса Кавказа при Министерстве иностранных дел и стал ее академиком и первым вице-президентом.

Да, конечно, строительство, бизнес – это его главное дело, но и его деятельность, отношение к культуре и истории как-то язык не поворачивается называть хобби – простым увлечением в свободное время, «отдушиной» от серьезных дел. Разве ради только развлечения он помогал односельчанам достраивать мечеть, потратив на это довольно солидную сумму, или же организовал звукозаписывающую студию «Ийман» и одноименный ансамбль песни, участники которого в 1994 г. были удостоены Главного приза международного фестиваля песни тюркоязычных народов, проходившего в столице Башкирии г. Уфе? Нет, конечно, культура, история народа, его благополучие – все это не хобби, не простое увлечение, а серьезное, очень даже важное дело жизни Ахмата Сумаева.

Вот поэтому-то и захотели мы рассказать вам, наши дорогие читатели, о нем, и этим показать – человек, неустанно идущий вперед, стремящийся к совершенству в своем деле, вполне может многое успеть в своей жизни, и даже осуществить свою мечту, какой бы несбыточной она ни казалась вначале.

Именно этим – неустанным стремлением к знаниям, к совершенству, упорным трудом достиг Ахмат Харунович всего того, что имеет – и хорошую строительную фирму, где с удовольствием работает он сам и десятки его сослуживцев и товарищей, и хорошее душевное состояние от того, что можешь и помогаешь многим односельчанам и знакомым, и в особенности молодым одаренным людям. Ведь во всем остальном он такой же, как и все: родился и вырос в обыкновенной большой горской семье, учился, как и все, после школы поступил в Нальчикский коммунально-строительный техникум и успешно закончил его, потом служил в армии. Все, кажется, как и у всех.

После армии он пошел работать в курортную строительную организацию. И вот с этого-то времени и стала сказываться в нем та могучая жизненная сила, которая в народе называется просто – хорошим воспитанием, трудолюбием, целеустремленностью, а ученые люди называют ее то постоянным стремлением к совершенству, то харизмой, а то и пассионарностью.

В последнее время, в связи с необыкновенной популярностью учения великого историка Льва Николаевича Гумилева слова «пассионарность», «пассионарный человек» стали очень модными. Согласно учению о пассионарности, пассионарные люди – это люди, которые для достижения поставленных перед собой целей стремятся использовать все возможно-

сти. И в этом смысле Ахмат Сумаев – человек с вполне определенными признаками пассионарности. Другой человек, привыкший довольствоваться малым успехом, достигнув определенного уровня благополучия, в дальнейшем становится безразличным к своей служебной карьере, он так и живет весь свой век, довольный собой и ни о чем особо не мечтая. А человек пассионарный не может жить спокойно, он вечно в поиске путей осуществления вечных своих мечтаний, он делает свою работу гораздо лучше других и хочет продвигаться по службе. А как же – он ведь человек! Какой же человек не стремится вперед и выше!

И Ахмат, как и всякий пассионарный человек, и дело свое делал хорошо, и набирался знаний, и по службе стремительно продвигался. Сперва он был простым рабочим, потом бригадиром, а вскоре и мастером. Был назван «лучшим молодым специалистом», стал депутатом. И в это же время, продолжая работать, окончил университет и стал инженером с высшим образованием. И был назначен начальником 10-го стройуправления треста «Каббалкгражданстрой». Строил жилые дома, поликлиники, детские садики. А потом его перевели заместителем управляющего трестом.

На этой ответственной должности и застал его политико-экономический ураган, усиленный действиями амбициозных, но совершенно не профессиональных политиков и экономистов, типа Горбачева, Павлова, Щербицкого, Ельцина, Гайдара, Бурбулиса, который разрушил до основания не только величающуюся в мир империю под названием СССР, но и всю его мощную экономику. Прервались экономические связи между бывшими союзными республиками, ставшими самостоятельными государствами, из-за этого остановились заводы и фабрики, разорились колхозы и совхозы, остались без работы строительные организации. Казнокрадство и коррупция стали нормой жизни чиновников всех рангов.

И в это время, когда растерялись и не знали, что же теперь делать, не только простые люди, но и государственные мужи, сумели найти нормальный, приносящий пользу не только одному бизнесмену-организатору, но и многим людям, выход из кризиса только люди пассионарные – люди необычайно активные и целеустремленно ищущие дороги к лучшей организованной и более благополучной жизни. А Ахмат Харунович Сумаев был именно таким человеком. Он тогда пришел к мысли, что человек во все времена строил и впредь будет строить несмотря ни на что – будет улучшать свое жилье, будет строить производственные, общественные помещения и т. д. Значит, строители будут нужны всегда. Они нужны и сейчас, в это трудное время, потому что жизнь не остановить, а живущим нужны дома, склады, производственные помещения, поликлиники... И он организывает свою небольшую строительную фирму под названием «Ийман» – «Вера».

И вот уже много лет его фирма строит и растет сама. Теперь ее знают многие организации и частные предприниматели, которые развиваются и нуждаются в помощи ответственной и серьезной строительной фирмы. Так, фирма «Ийман» только за последние два-три года построила или капитально отремонтировала десятки объектов, в том числе настоящие городки пограничников в Черекском, Хуламо-Безенгийском и Баксанском

Президент КБР Арсен Каноков и глава администрации Черекского района Махти Темиржанов осматривают построенный городок пограничников в Черекском ущелье

ущельях, и Культурно-образовательный центр «Букинист» в Нальчике возле кинотеатра «Восток».

И во всех случаях заказчики были довольны качеством выполненных фирмой «Ийман» работ. Недаром при завершении строительства и приеме в эксплуатацию военного городка для пограничников в Черекском ущелье президент нашей республики Арсен Каноков, очень довольный увиденным, сказал: «Спасибо тебе большое, Ахмат, ты при жизни построил себе хороший памятник!»

Сейчас фирма завершает последние отделочные работы на строительстве современного клуба в сел. Кенже.

При наших не таких уж частых встречах мы каждый раз пытались вести беседу так, чтобы побольше услышать о нем самом, о его делах и проблемах, но каждый раз нам это так и не удавалось – он как-то незаметно переводил ход беседы на других и начинал говорить о своих родителях, о братьях и сестрах, о племянниках. И мы тогда поняли, что у нас ничего не получится, так как сам Ахмат абсолютно уверен в том, что незыблемая, надежная основа всему, в том числе, конечно же, и его делам – это отец и мать, которые сумели воспитать своих детей на основе горской морали и педагогики, вобравшей в себя тысячелетнюю мудрость народа. А в основе народной горской морали и педагогики, как известно, лежит почтительное отношение к родителям, уважение старших и трудолюбие. Отец и мать Ахмата – Харун и Тагий учили своих детей горской морали и обычаям не столько словами, сколько своей жизнью и делами...

Харун Сумаев, отец Ахмата, участник и Финской, и Великой Отечественной войн, после демобилизации нашел своих родных не в родной Балкарии, а в Средней Азии, в Кызыл-Кие, в шахтерском городке Кирги-

зии. Все трое братьев – Харун, Рамазан и Магомет были шахтерами, и все трое не раз награждались Почетными грамотами, обычными в то время высшими наградами для спецпереселенцев. И когда вернулись на родную землю, на Кавказ, Харун работал так же добросовестно, как и всегда. Он был бригадиром, и людей в свой коллектив набирал сам – умелых, мастеров на все руки, трудолюбивых. Это брат Рамазан, Абукой Казаков, тоже бывший кызылкийский шахтер, Азамат Теппеев, Хасанбий Глашев и др. Бригада Харуна в те годы славилась на всю республику. Она строила турбазы «Чегет» «Чегем», санатории «Нальчик» и «Туркменистан». И в то же время Харун помогал строиться и многим своим односельчанам, никому не отказывал, когда его просили прийти на изеу – ведь тогда многие все еще жили во временках и продолжали обустраиваться у себя на родине. Об этом – о том, каким человеком был Харун (да пребудет его душа в Раю), говорит и такой случай в Хасанье, в родном его селении, в 1965 г. Возле школы сверху по центральной улице спускалась тяжело нагруженная дровами арба, и вдруг, гремя пустым кузовом, промчалась мимо машина. Лошади испугались и понесли, не слушаясь аробщика. А внизу, совсем недалеко, растекаясь по всей улице, расходилась ребятня после занятий в школе. Если эта пароконная арба на всем ходу врежется в толпу детишек, трагедии, конечно же, было не избежать, и Харун кинулся к лошадям и схватился за узду, пытаясь остановить их. Но лошади были так испуганы, разгорячены, что Харуну не удалось их удержать, и они свалили Харуна под ноги, понеслись дальше. Но и Харун не выпустил из рук узду, и ло-

Директор ФСБ России Николай Патрушев, президент КБР Арсен Каноков и начальник регионального пограничного управления по ЮФО генерал-полковник Николай Лисинский во время открытия военного городка в Черекском ущелье

шади, в конце концов, остановились. Семь месяцев пролежал в больнице Харун, пока срастались кости в поломанных местах, да залечивались раны, но ни разу не закралось в его душу сомнение по поводу того, правильно ли он поступил тогда, так опрометчиво кинувшись к этой проклятой арбе. Харун был уверен – иначе и нельзя было, хотя, конечно, жаль, что не удалось все это без боли, без больницы. Ведь сперва врачи даже хотели ампутировать ногу, кость которой была страшно раздроблена, но потом удалось-таки миновать эту напасть, вылечили и так, сохранив ногу.

– И мать моя повидала на своем веку многое, – рассказывает Ахмат с грустью в глазах. – Когда войска НКВД расстреливали жителей селения Сауту, она, пятнадцатилетняя девушка, сама видела, как убивали ее мать и остальных родственников. А потом сколько горя хлебнула в ссылке. Об этом вообще не надо и говорить.

Он, Ахмат Харунович, вообще не любит говорить о пережитых трудностях, старается перевести беседу на более приятные темы – о том, как удалась жизнь у братьев и сестер, как идут дела у племянников и т. д. Тогда лицо его светлеет, глаза лучатся.

– Я очень рад, что мои сестры сумели связать свои судьбы с хорошими людьми, – рассказывает Ахмат Харунович. – Старшую сестру звать Галиной. Так ее назвала мать фронтового друга отца, Владимира, с которым они вместе ходили в разведку, и здесь, после войны, не забывали друг друга. Так вот, Галя была первой выпускницей Хасаньинской школы, удостоенной золотой медали после нашего возвращения на родину. И физико-математический факультет нашего университета закончила с красным дипломом. В течение всех пяти лет была Ленинской стипендиаткой. Преподаватели предлагали ей поступить в аспирантуру, она и сама этого хотела, но в это время случилось горе – умер отец, и после этого она так и не смогла решиться на этот нелегкий шаг в жизни – после получения высшего образования не работать, а продолжать еще учиться. Два года учила детей математике в сел. Бабугент, и вот уже более 30 лет преподает в Нальчикском коммунально-строительном техникуме. У Жангоразовых Мустафы и Галины трое взрослых детей: Ибрагим – экономист, Мадина и Алий – студенты.

Судьба второй дочери Харуна Аминат тоже очень интересна. После окончания школы она вдруг завила, что собирается в Киргизию, в г. Фрунзе, чтобы там поступить в медицинский институт. Родители – и Харун, и Тагий – не очень-то хотели отпускать дочь в такую даль, но все-таки решили не препятствовать ей, раз она этой мечтой так загорелась.

Поехала, поступила в институт. И студенты, и преподаватели уважали ее за трудолюбие, горскую скромность и достоинство. На последних курсах многие из ее друзей и приятелей намеревались стать ее верным спутником жизни, и выбор был за ней. Она выбрала Мелиса Байтикова. Сейчас они живут в Бишкеке. Аминат Харуновна работает в своем родном институте, заведует кафедрой, а Мелис, известный ученый и талантливый хирург, имеет свою клинику, где и работает. Их старший сын Улан тоже хирург, работает и живет в Калининграде, он гражданин и Киргизии, и России. Батыр закончил МГИМО и работает в Министерстве иностранных дел Киргизии. Дочь Мадина только что закончила школу.

– И две младшие мои сестры, слава богу, попали в хорошие семьи, живут ладно, растят детей, – говорит Ахмат Харунович. – Нажабат замужем за Салихом Шаваевым, их старшая дочь Саида студентка, а младшая Аида и сын Залим еще школьники. Наша самая младшая – Асият, она не помнит отца, а потому мы все стараемся ее баловать. Она замужем за Асланом Гуртуевым. Он строитель, мастер на все руки, хороший парень. И у них тоже трое детей.

И о братьях своих охотно рассказывает Ахмат Харунович, все они – и Алий, и Алим, и Азнор, работают и живут нормально, как и подобает людям, приученным не лодырничать, а надежно делать то, что предназначено тебе судьбой, жизнью.

Сам Ахмат Харунович и его супруга Мадина так и живут – стараются хорошо и в свое время делать все, что надо. И детей своих учат жить так же, а их у них пятеро. Старшая дочь Танзиля замужем, растит двоих детей. Старший сын Ислам после получения соответствующего образования пошел по стопам отца – он строитель, организовал свою небольшую фирму. Тахир и Диана – студенты, как говорится, грызут гранит науки в КБГУ. Тахир, как и все мужчины в доме, будет строителем, а Диана – юристом. Мадина – самая младшая в семье, ей всего пять лет и она все еще ходит в детский сад.

Не так давно известный ученый Владимир Александрович Захаров, автор фундаментального исследования о жизни и творчестве Михаила Лермонтова, ученый секретарь президиума Академии культуры, науки и бизнеса Кавказа побывал с рабочей поездкой на Северном Кавказе. Одному из нас удалось с ним встретиться и побеседовать. И когда речь коснулась Ахмата Харуновича, он сказал:

– Я давно увлекаюсь историей, культурой, обычаями народов Кавказа, бываю не только у вас, на Северном Кавказе, но и в Азербайджане, в Грузии и Армении. Благодаря этому мне посчастливилось встретиться со многими интересными, знаменитыми людьми, учеными.

И свою первую встречу с Ахматом Харуновичем Сумаевым я помню хорошо. Он прекрасно знает историю и культуру своего народа. Сперва я был уверен, что он ученый историк, но потом выяснилось, что он инженер-строитель. Мы, ученые из нашей Академии, до сих пор не можем окончательно свыкнуться с тем, что он не историк, не ученый. И всегда, когда собираемся, спрашиваем друг у друга: «Ахмат приехал?», «Кто видел Сумаева?». Все его любят, все хотят с ним побеседовать, побыть с ним. Когда мы в прошлом году проводили в Пятигорске дни Лермонтова, ученые с большим увлечением слушали выступление Ахмата Сумаева о роли Кавказа в судьбе и творчестве великого русского поэта. И еще то, что мы ценим в нем – это то, что он всегда верен данному слову. Я, например, могу доверить ему любое трудное дело. Знаю – он не подведет.

Завершая наш рассказ об одном из наших современников, которые не любят много говорить о сегодняшней трудной жизни, а делают, и не мало, для того, чтобы эта жизнь была в радость всем живущим, хотим сказать: «Люди полагаются на вас, верят вам. Так пусть же и судьба будет к вам благосклонна – пусть она позволяет вам исполнять все ваши хорошие дела и мечты!»

МУЖЧИНА

*Ахмату Сумаеву – брату и другу,
вице-президенту Академии Кавказа*

Говорят, что нет мужчин.
А Мечиев? А Кайсын?
Есть мужчины, были, есть
Там, где совесть, там, где честь.
Говорят, что нет мужчин,
Днем с огнем их не сыскать.
Но я знаю – есть один,
Есть один – мой брат Ахмат.
Собери людей сколь надо –
Сто их, двести иль один.
Если нету там Ахмата,
Значит, нету там мужчин.
Этика – твоя награда.
Щедр и весел ты всегда.
Ты и младший, когда надо,
Когда надо – тамада.
Между нами сердца струны,
Нервы жизни – верь не верь,
Ты – достойный сын Харуна,
Ты – балкарский Бий-Нёгер.
Сердце бьется неустанно,
Добрых дел твоих не счесть.
У тебя на первом плане –
Мудрость, мужество и честь.
Потому в вопросах чести, –
Говорю от всей души, –
Мы всегда с тобою вместе,
Твои братья ингуши!

Фатима ХАСАНОВА

Михаилу Шуевичу Мамхегову

* * *

Мамхегов Михаил Шуевич родился 14 июля 1936 г. в пос. Терек Терского района Кабардино-Балкарской АССР, кабардинец. В 1944 г. поступил в первый класс Терской средней школы и окончил в 1953 г. девять классов этой школы.

С 1953 г. в связи с переездом родителей в г. Нальчик обучался в средней школе № 5, где и закончил десятый класс в 1954 г., в этом же году поступил в Кубанский институт сельскохозяйственного производства и получил специальность инженера-механика в 1959 г. С августа по декабрь 1959 г. – инженер-инспектор по Гостехнадзору при Мало-Кабардинской РТС. В декабре 1959 г. решением бюро Терского райкома КПСС направлен в колхоз «Красный Терек» Терского района, главным инженером-механиком колхоза. В июле 1962 г. переведен в Кабардино-Балкарское объединение «Сельхозтехника» старшим инженером по эксплуатации МТП республики, а в декабре 1962 г. решением бюро Кабардино-Балкарского обкома КПСС направлен управляющим Терским районным объединением «Сельхозтехника».

В январе 1965 г. избран вторым секретарем Терского районного комитета КПСС. В октябре 1966 г. назначен председателем Кабардино-Балкарского республиканского объединения «Сельхозтехника». В сентябре 1974 г. избран первым секретарем Терского РК КПСС. В апреле 1977 г. назначен заместителем председателя Совета министров Кабардино-Балкарской АССР.

В январе 1984 г. избран секретарем, а в декабре 1985 г. вторым секретарем Кабардино-Балкарского обкома КПСС. В ноябре 1988 г. назначен председателем Совета министров Кабардино-Балкарской АССР. В сентябре 1991 г. оставил работу. С ноября 1991 г. директор представительства международной экономической ассоциации «Акваресурс» в г. Нальчике.

С апреля 1992 г. – генеральный директор объединения «Каббалк-молпром», а с 1994-го по 1997 гг. – генеральный директор акционерного общества «Каббалкмолпром», член Совета директоров «Росмясомолпрома». В июле 1976 г. поступил в заочную партийную школу при ЦК КПСС и досрочно в 1978 г. окончил с отличием.

Избирался депутатом сельского, районного, а с 1975 г. – депутат Верховного Совета КБАССР. С 1993-го по 1997 гг. депутат Совета представителей парламента КБР, председатель комиссии Совета представителей

по вопросам экономической реформы, собственности, бюджету, банкам и финансам, налоговой политике и таможенному регулированию, член комитета по межнациональным отношениям; член бюро Совета представителей и Координационного Совета парламента КБР; член Национального банковского совета КБР; член комиссии кабинета министров (правительства) КБР по перспективным вопросам развития КБР; член комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку при кабинете министров КБР.

С 14 декабря 1997-го по декабрь 2003 г. – депутат Совета республики парламента КБР; сопредседатель комитета по межнациональным отношениям парламента КБР; с 1990-го по 1993 г. – народный депутат РСФСР; с 1984-го по 1988 г. – избирался председателем Верховного Совета КБАССР.

Награжден орденом Трудового Красного Знамени и двумя орденами «Знак Почета», медалью «За трудовую доблесть», «За доблестный труд», «60 лет Вооруженных сил СССР». Награжден также в 1981 г. Почетной грамотой Президиума Верховного Совета КБАССР и в 1986 г. – Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

9 марта 1996 г. присвоено звание «Заслуженный работник сельского хозяйства Российской Федерации».

В 1998 г. избран почетным членом Адыгской (Черкесской) Международной академии наук (АМАН), кандидат сельскохозяйственных наук.

* * *

Я часто ездила с мамой в гости в Чегем к Михаилу Мамхегову, и он всегда встречал нас приветливо, со своей широкой, открытой улыбкой, которую невозможно забыть.

*Я его сердце сравню с розой,
Она цветет внутри всегда,
Не увядает и в морозы
И согревает в холода.*

Невозможно словами выразить то духовное, возвышенное качество человечности, он был всегда готов поддержать, особенно трепетно относился к пожилым людям, к детям. Бывали случаи, старики обращались к нему с просьбой, вопросы всегда разрешались.

Это касалось не только жителей Кабардино-Балкарии, тому доказательство – письмо из Сирии от Гъассан Нухь, где в частности написано: «Вы еще живете среди нас, причем в наших сердцах. Все наши адыги в Сирии очень уважают Вас, и они до сих пор вспоминают Вас всегда, Ваши добрые слова. 03.10. 1989 г. »

Михаил очень гордился своим огромным фруктовым садом, который он вырастил сам и ухаживал за ним. Летом, когда к нему приезжали гости, он просил снять обувь и водил по сочной, зеленой траве и с удовольствием

показывал новые сорта. Не было такого случая, чтобы, придя домой, он не осмотрел каждую почку в саду.

Он был простым, уважительным, обожал свою мать Кэтаун, Шу Нагович – его отец, очень строго соблюдал национальные обычаи, был глубоко порядочным человеком.

В Михаиле сочетались нежность и мягкость матери, строгость и порядочность отца.

*Он оправдал отца надежды,
Он в жизни очень мудрым стал,
И в свои годы он, как прежде,
Свой нрав и честь не потерял.*

Михаил имел очень много друзей, которые находились во многих концах мира. А. В. Швыдыко – работник посольства пишет из краев Юга Африки: «Огромное спасибо за душевность, щедрую душу и заботу о нас, хотя бы еще разок встретиться где-нибудь у журчащего ручья»:

*И кто с ним встретился однажды,
Его не может позабыть.
Да! Он поистине отважный,
Он продолжает в сердце жить.*

10 июня 1991 года Михаил Шувич был приглашен на торжественное заседание Съезда народных депутатов РСФСР, посвященное вступлению в должность первого президента РСФСР – Бориса Николаевича Ельцина.

О Михаиле можно писать бесконечно, о его несомненных заслугах, множественных наградах.

На фасаде дома, где он жил, прикреплен мемориальная доска почетного гражданина г. Нальчика – Михаила Шувича, где часто можно увидеть охапки ярких живых цветов, которые еще раз подчеркивают, что он живет в людских сердцах.

*Пусть подражает ему каждый,
Желая стать таким, как он.
Пусть все поймут его однажды,
Пусть берегут его с огнем!*

Из писем, адресованных Михаилу Шувичу:

...Хочу Вам сообщить, что Вы еще живете среди нас, причем в наших сердцах. Все наши адыгги в Сирии очень уважают Вас, и они до сих пор вспоминают Вас всегда. Вспоминают Ваши добрые слова, каждый раз, когда имеют встречу с вашими туристами, которые приезжают к нам постоянно.

*Гъассан Нухъ,
Сирия, член правления Хасы*

* * *

...Мы часто вспоминаем нашу побывку у Вас, столь трудную поездку в сплошной туман, разудалую компанию с твоим добрым другом, пешую ночную прогулку по городу и многое другое. Огромное спасибо за те часы, за душевность, шедрую душу и заботу о нас. Так и хочется побывать вновь в Ваших прекрасных краях, и в Нальчике, и в горах, и в кукурузе, садах, виноградниках, просто среди добрых тружеников.

Мы желаем тебе, дорогой Михаил Шувевич, в год лошади твердо держаться в седле продолжающейся перестройки, чтобы хватило твоей мудрости, опыта и человечности во всех зигзагах, на всех поворотах для принятия правильных, реальных и результативных решений. Мы же живем (деваться некуда) в условиях по сути дела гражданской войны, в стране полная разруха, голод, нищета, массы беженцев, безработных, активный бандитизм и т. п. Даже в столице перебои со светом и водой от диверсий и уничтожения очагов производства.

Я работаю в посольстве советником-посланником, работа в общем бумажная, меньше с людьми. Но важная, нелегкая и ответственная.

Это так далеко от дома. Здесь мы встречаем самолеты, которые делают последнюю посадку перед Антарктидой. Очень скучаем за Родиной. Надеемся, что у Вас все в семье благополучно и настанет час, когда мы еще хотя бы разок встретимся где-нибудь у журчащего ручья на природе.

Крепко жмем Вам руки, тебе Михаил Шувевич, твоей прекрасной семье, желаем Вам всего самого светлого, доброго, желанного.

Всегда признательные –

А. и В. Швыдько

Салим ИСКАКОВ

Однажды близкий друг спросил поэта:

– Что ты любишь больше всего на свете?

Муса Джалиль, подумав, ответил:

– Больше всего люблю детей.

– Почему?

– Потому, – последовал ответ, – что дети для меня не просто ребяташки. Они олицетворяют любовь к жизни, отчему дому, семье... Они – продолжение нашей жизни во времени. Как же их не любить!

МУСА ДЖАЛИЛЬ

02 (15) февраля 1906 года – 25 августа 1944 года

Легендарная личность, Герой Советского Союза. Родился в малоизвестной деревушке Мустафино, оренбургской области. Признанный активист среди молодежи села. Природа наградила его божественным даром – видеть мир прекрасным и мысли свои излагать поэтическим словом. Уже в те годы в местной печати появляются его первые стихи. Разные – юмористические и сатирические, а позже и более серьезные – о жизни своей семьи, соседей.

Будучи студентом МГУ, он уже руководил татарской театральной студии при Московской консерватории. После известных постановок «Алтынчач», имевших огромный успех, студия переводится в г. Казань и на базе этой студии создается музыкально-драматический театр, где Муса Джалиль назначается руководителем литсовета. Пути господни неисповедимы: Мусу Джалиля, совсем молодого человека, переводят в Москву и избирают председателем Союза писателей татарского народа, в то время, когда широко были известны талантливые Махуд Максуд, Ахмед Файзи, Латыф Хамиди, Гази Кашшаф, Хасан Туфан, Ахмет Исхак, Сибгат

Хакин и многие другие. Все они были первыми гостями в квартире Мусы в Столешниковом переулке, площадью в 12 м². Кто бы ни приезжал из Казани, считал своим долгом навестить Джалиля.

Вскоре началась война. В одной из боевых операций начального периода войны, значительная группа солдат, в которой был и Муса Джалиль в звании политрука, попала в плен. Концлагеря, тюрьмы. Еще до того как Муса Джалиль попал в тюрьму в г. Берлине, организовал в лагере подпольную группу из числа татар (их было двенадцать). К Мусе в лагерь пришел муфтий и требовал от него, чтобы Муса и его сподвижники написали обращение ко всем военнопленным из татар с призывом вступить в армию генерала Власова. Несколько его сподвижников для вида согласились сделать это, однако в подпольных листовках, которые они выпускали в лагере, призывали к обратному. Однако в группе из двенадцати татар появился тринадцатый. И он оказался предателем. Группу перевели из концлагеря в Берлинскую тюрьму, где в ожидании своей судьбы пробыли в одной камере с бельгийским антифашистом Тиммермансом, который в конечном итоге и сохранил «Моабитскую тетрадь». Затем их отправили в Дрезден, где состоялся суд, и их приговорили к смертной казни.

Немцы – народ пунктуальный. Когда приговоренных возвратили в Берлинскую тюрьму, Муса обратился к Тиммермансу с просьбой переправить вместе с его описанными вещами и его записи, составившие целую толстую тетрадь.

Католический священник Юрытко, всеми способами помогавший смертникам, подарил Тиммермансу, как католику, крест, и Тиммерманс, зная, как строго проводят досмотр вещей, отправляемых родственникам осужденного, привязал к кресту эти тетради, объяснив, что это его дневники. Имущество Тиммерманса, согласно инвентаризационной описи, добралось до его матери, а та переправила эти записи к дальним родственникам, где они и дождалась конца войны. Затем, после войны, Тиммерманс передал их в Советское посольство.

6 марта 1956 года в «Литературной газете» появились стихи Мусы Джалиля, сохраненные еще в 1943 г. Талгаром Гимрановым с периода пребывания в концлагере. Поиски продолжаются.

Константин Симонов, будучи на международном фестивале в маленьком курортном городке Киокке, огласил благодарственное письмо Амины Джалиль в адрес Андре Тиммерманса. С помощью академика бельгийской Академии наук Роже Бодару Симонов нашел человека, спасшего тетрадь с записями гениального татарского поэта. Во время бесед К. Симонова и А. Тиммерманса выяснилось многое о пребывании Мусы Джалиля в Берлинской тюрьме.

Поскольку дрезденский суд приговорил всех членов татарской подпольной группы к смерти, их всех перевели в спецтюрьму для смертников в Шпандау.

В тюрьме Шпандау Джалиль оказался в одной камере с поэтом Булатовым, итальянским антифашистом Ланфреддини, а также со священниками Цебендалем и Юрытко, хорошо знавшими Джалиля.

Друзья Мусы Джалиля Шайхи Мансур и Газы Кашшаф после войны через посольства, консульства, через Цебендаля разыскали Ланфреддини. И он поведал миру о времени пребывания Мусы Джалиля в тюрьме Шпандау. По воскресеньям в полдень по его просьбе Мусу переводили в соседнюю камеру, где находились татары. Возвращался счастливый и долго обсуждал новости с Булатовым на родном языке. Ланфреддини по воскресеньям разрешали встречаться с соотечественниками из других камер. Там находились и татары. Они передавали записки для Мусы, и их содержание становилось предметом длительных бесед между Джалилем и Булатовым.

Джалиль продолжал писать. Католический священник Юрытко приносил им книги из библиотеки, и на полях страниц, между строк, он писал свои стихи. А потом пришлось уничтожить все это, чтобы не подводить своих друзей-сокамерников.

Так пропали многие его стихи...

25.08.45. 12 ч. 06 мин. – 12 ч. 35 мин. Это время, когда все свершилось.

Оставшимся пока в живых священник Юрытко сказал, что казненные татары ушли из жизни с улыбкой.

Они ушли из жизни с улыбкой, истинные сыны России, с гордостью за свою страну, свой народ, с верой в победу, и не подняли оружие против своих братьев, противостоявших лютым иноземцам-завоевателям.

Ушли из жизни с улыбкой, с верой, что пришедший на их родную землю с мечом, от того же меча и погибнет.

*Памятник Мусе Джалилю.
г. Казань*

Формула таланта Феликса Хараева

За свою жизнь пришлось мне вдоволь поездить по бойким и глухим местам моей малой родины. Куда только не заводила судьба тележурналиста и любопытство, присущее моей беспокойной профессии, командный призыв «сверху» или зовущий к приключениям голос неумоимого сердца. Вроде бы и ширирь, и вглубь увидела немало, и все же признаюсь: впервые открылся передо мной человек, какого никогда не знала, умное и одухотворенное лицо которого я запомнила и отличила от всех иных, как и многие мои собратья по ремеслу, полюбившие снимать его за «избранность» мыслей и действий.

Бесстрастная камера в руках моих коллег фиксировала мгновения жизни Феликса Хараева то в гуще людей, то далеко в горах, то на берегу безбрежного океана. Поражал он своей несхожестью с общим выражением лица руководителей партийного типа того времени. Было непонятно, как он мог выжить, прорасти сквозь трясины застоя, человек независимый мысли, с огромным духовным потенциалом, которому были чужды тщеславие и амбициозность здешних партийных бонз. И сейчас я уверена, что Феликс Хараев вписывается в группу опытных и смелых людей, лидеров Кабардино-Балкарии, способных решать государственные дела. За плечами его было блестящее столичное образова-

ние: в молодости он заканчивал аспирантуру в Институте комплексных транспортных проблем при Госплане СССР, был широко начитан и открыт для новаций. В общем, талантливых лидеров в республике в начале 60-х было не так уж и много, чтобы не заметить, каким даром обладал Феликс Хараев. Не удивительно, что спустя десятки лет со времени карьерного роста, будучи уже ректором созданного им же Кабардино-Балкарского Института Бизнеса, он все так же относится к своему таланту, как к чему-то мессианскому. Человек, абсолютно лишенный корысти и тщеславия, он всегда стремился к людям и к настоящему делу, чтобы защитить свои демократические представления о жизни. А сколько их на моей памяти – вельможных, напыщенных, преисполненных важностью своего исключительного «статуса» начальника, – руководили, указывали, проводили линию «сверху», учили народ «уму-разуму» и были стойким символом посредственного и нелюдимого руководителя! Когда-то шумные и грозные, рапортовали они перед объективами кинокамер о своих громких достижениях. Где они теперь, и чем откликнулись их судьбы для людей?

За Феликсом Хараевым – длинный и благодарный шлейф воспоминаний.

наний тысяч людей, с которыми сводила его неугомонная судьба. Многие встретились с ним, когда он только начинал работать в системе автомобильного транспорта республики. И запомнили его крепко и на всю жизнь. «Это был подтянутый, эlegantный человек, – вспоминает Чамал Безиров. – Полный энергии, превосходный рассказчик, ироничный к себе, и к другим. Я думал, что со временем многое забудется, сотрется из памяти. Но нет, все всплывает, если не из архивных недр кинофонда, то с пожелтевших фотографий, а главное – из потаенных уголков всепомнящего сердца. Мое восхищение научно-техническим прогрессом, его возможностями и размахом, во многом объясняется тем, что я был очевидцем того, как за 40 лет на базе «Каббалкавтотранса» Феликсу Хараеву при его уникальных методах управления удалось создать 39 транспортных предприятий с мощными станциями техобслуживания и другими вспомогательными организациями. Он сумел объединить вокруг своей идеи более 10 тысяч человек. Это было началом транспортной индустрии в республике».

К тому времени на базе «Каббалкавтотранса» Хараев открывает проектно-технологическое бюро, которое совершенствует транспортную логистику и техническое обслуживание. Специальное конструкторское бюро опытного завода включает в себя более тысячи человек, занимающихся разработками в области автоматизации управления транспортного движения. Специалистами СКБ была разработана и внедрена первая в СССР система автоматизации транспортной логистики «Нэжан», которую использовали потом на всех предприятиях отрасли. Но заслуженный триумф состоялся на выставке достижений советской науки и техники в далекой Гаване (Куба), где система была продемонстрирована как образец высокой технологии и высоко оценена зарубежными специалистами.

Самое удивительное в том, что по ряду важнейших показателей среди родственных предприятий огромной советской страны, «Каббалкавтотранс» уверенно занимал ведущее место. Романтику тех лет и ореол Феликса Хараева как лидера нельзя обесценить никакими пересчетами и ревизионными домыслами. Она была исполнена глубокой веры в подлинность настоящего дела и длилась поразительно долго, пока существовала сама индустрия Хараева в том в виде, в котором она была спроектирована и налажена. Работали люди добротой и на совесть. И проделали важную, неоченимую работу в интересах республики, чтобы изменить качество и уровень транспортной сферы. Конечно же, при всей импозантности замыслов без тонкого взаимодействия с людьми, без воспитания хороших специалистов, без рациональности и расчетливости, так характерных для Феликса Ахмедовича, индустрия «Каббалкавтотранса» была бы обречена на показной успех. На деле, несмотря на исторические потрясения на рубеже двух веков и радикальную переориентацию страны на капитализм, «Каббалкавтотранс» оказался жизнестойким производственным конгломератом, эффективно работающим и сегодня на рынке транспортных услуг.

Стремление к просвещению – это то, что касается самого Хараева, его культа, как руководителя. Именно поэтому в «Каббалкавтотрансе»

царил тот здоровый критический подход к делу, что и обеспечивало внутри отрасли продвижение прогрессивных идей, которых так не хватало всей экономике республики. Наградой за научное беспокойство и инновационный поиск Хараева и его специалистов в области автоматизации управления транспортом стали 50 авторских свидетельств.

В деятельности этого человека, может быть, внешне не столь эффективного, броского, сколько выразительного в мыслях и действиях, всегда существовал богатейший спектр мыслей и чувств, взлетов и неудач, приключений, поисков истины. Конечно, трудно раскрыть эту внутреннюю жизнь духа, не упрощая ее, не вульгаризируя ее в соответствии с общепринятыми стандартами, суметь сделать ее понятной и близкой сегодняшним людям. Важно помнить о том, что Феликс Хараев трудился в большом 10-тысячном коллективе, где он совершал тончайшую часть работы, связанную с гигантской проблемой управления несколькими десятками предприятий. Но, вспоминая коллектив в целом, мы улавливаем в нем грани таланта его руководителя.

Хараев, безусловно, – боец, избранный, как говорится, богом и людьми, чтобы наводить порядок в окружающей среде, стремящийся создать новое, одолевающий старые догмы, человек, живущий в завтрашнем дне. Копаюсь в старых папках, заполненных фотографиями и газетными вырезками, перебирая в бобинах метры киноплёнки, я нахожу все новые свидетельства памяти и отдаю должное тому, что «Каббалкавтотранс» сумел в свое время позаботиться о людях и взять на себя главные, социальные заботы времени. Готовность человека отнестись к душевным нуждам людей, была и тогда редким чувством ответственности власти. Хараев соединил свое слово с делом. Были спроектированы и построены десятки многоэтажных жилых домов, ведомственная поликлиника со стационаром, оснащенная новейшим медицинским оборудованием, центры здоровья на всех предприятиях объединения, пансионат на термальных источниках, сеть детских учреждений... Для организации ремонтных и строительных работ в «Каббалкавтотрансе» запустили в действие собственное строительно-монтажное управление и кирпичный завод. Продовольственную программу – первоочередную задачу – полностью обеспечивало подсобное хозяйство.

В понимании Феликса Хараева нет и не было ничего более важного, более нравственного, чем забота о том, чтобы накормить работающего человека, предоставить ему жилье и возможность учиться дальше, чтобы взрослое поколение своим примером могло воспитывать достойных детей. О каких идеалах и проектах будущего мог он говорить с людьми, когда у работающего коллектива обнаружился бы дефицит потребительских благ? И он, понимая это, обеспечивал материальный достаток людям, чтобы они могли быть выше сытости в своих запросах.

Другим важным направлением в повседневной деятельности Феликса Хараева было и остается формирование личности человека, поощрение стремления к самообразованию, профессиональной компетентности и карьерному росту. Дело не только в несовершенстве образования. Ему, как

никому другому, хорошо известно, совершенству – нет предела. И образование, как изначальная консервативная структура, всегда будет отставать от общего развития других структур общества. Отчетливо понимая, что существо образовательной проблемы упирается в неразрывную связь образования и сознания, Феликс Хараев одним из первых в России разрабатывает и внедряет на практике систему непрерывного образования.

При «Каббалкавтотрансе» для повышения квалификации и переподготовки кадров были открыты «Школа управления» и дискуссионный клуб «Катарсис», стали применяться ролевые и деловые игры, чтобы расширить горизонты узкоспецифического образования.

Такой метод представлялся универсальным. Для широты кругозора приглашались даже ученые-преподаватели из Москвы, Санкт-Петербурга, Эстонии.

В самом деле, если бы можно было сосчитать, скольким людям помогла тогда устоять и укрепиться в знаниях «Хараевская Школа», вернуть им уверенность в знаниях, а, следовательно, разобравшись, вникнуть в происходящие в жизни страны противоречивые процессы, мы могли бы говорить о реализовавшемся грандиозном социальном проекте. Но, увы, никто в республике не измерил и не оценил масштаб происшедшего события.

Зная Феликса Ахмедовича много лет, я поражаюсь не стихающей, а как бы растущей смелости и широте его творящего таланта. В 1991 г. на основании авторской программы Феликса Хараева и под его непосредственным руководством было создано подведомственное «Каббалкавтотрансу» учебно-воспитательное учреждение «Авторский университет». Один за другим вводил он в круг этого понятия все новые образовательные учреждения: сад-школа «Насып», Гимназия «Радуга», Детская школа искусств № 1, Школа культурного наследия, Спортивная школа, Республиканская спортивно-юношеская школа, Политехнический лицей.

Считается, что Хараев создал «Авторский университет», единственный на Северном Кавказе, в контексте своих демократических убеждений, а также в контексте национальной культуры своего народа. И отсюда вытекает принципиальный вывод для современников. Сегодняшняя интенсивная деятельность культурных и образовательных учреждений в республике во многом стала возможной благодаря их экстенсивной образованности и широкому спектру знаний, которые они получили в свое время на базе «Авторского университета». Сколько звезд и звездочек зажглось на культурном небосклоне Кабардино-Балкарии и сколько мастеров народного прикладного творчества прославили традиции своих предков! Авторитет самого Феликса Хараева воспринимается всеми уже не как управленца, а как научный и моральный авторитет нации. К тому же Хараев вводит в обращение среди интеллигенции философскую триаду – термин о взаимосвязи «духа, души и будущности». Выходит в свет его книга с таким же названием. Он насыщает эти понятия примерами заботы о сохранении культурной среды, нужной для человека «духовной атмосферы», без чего невозможно нравственное и интеллектуальное развитие личности.

Многие сегодня вспоминают, как много сил пришлось потратить Феликсу Ахмедовичу, отстаивая необходимость самой идеи «Авторского университета». Такого рода открытия и подвижническая деятельность могут происходить лишь на пути к правде, когда человек не уклоняется от самых острых проблем бытия и стремится решить их своими силами. Такова сила убеждений Хараева, которая имеет свойство материализовываться. Впрочем, согласиться нужно с тем, что инновационная программа Феликса Хараева как раз отражает развиваемые сегодня отечественной педагогикой взгляды на процесс обучения и воспитания молодежи. Какое предвидение потребностей общества задолго до того, как оно само почувствует необходимость в переменах! Это было настоящим исследованием ученого, и как исследователь узнает результаты лишь в конце работы, так и авторская программа Хараева была высоко оценена видными учеными России и одобрена на Всемирном конгрессе по продуктивному обучению в мае 1999 г. в Германии, удостоившись международной премии.

Чем я руководствовалась, выбирая из множества людей, событий и сюжетов именно ту тему, которую я впоследствии назову «темой таланта»? С появлением «Авторского университета» вокруг «Каббалкавтотранса» с годами аккумулировался центр культурного наследия. Устойчивая сердцевина его сегодня находится в Институте Бизнеса, поскольку там и проходят важнейшие культурные события – межрегиональные и республиканские фестивали, гала-концерты молодежи под эгидой ректора Хараева. Во многом именно эти культурные события и характеризуют нравственные изменения и этническую историю развития нашего народа, так как сохраняет и отражает его в своем творчестве самая одаренная молодежь республики. Траектория же культурного движения, созданного под крылом «Каббалкавтотранса», чрезвычайно любопытна. Сначала был организован фольклорный ансамбль «Бжамий» как отголосок народной музыки, затем наметился Центр возрождения национальных музыкальных инструментов и развития национальных ремесел, следом на подмостки международных фестивалей выплеснулся живописнейшим мастерством фольклорный ансамбль «Ашамаз», наконец, хореографический ансамбль братьев Абидовых удивил всех своим появлением на сцене.

Наряду с этим «Каббалкавтотранс» занимался строительством здания Фонда культуры, базы детского отдыха, пансионатов. Как никто другой, Феликс Хараев умел приблизить культуру и духовность к повседневной жизни, умел доказать необходимость поэзии, всех жанров искусства в обычном иссушающем душу мире чистогана, расчетов, машин и производственных показателей. Для людей, думающих над смыслом своей будничной и монотонной работы, смыслом своего существования в этом мире, погруженных в борьбу за план, за деньги, за квартиру, за лучший быт, – «окно в мир духовности», распахнутое Хараевым, рождало – вместо уныния и зависти – жажду творчества и вдохновение. Перебирая цепь времен и событий, что нас соединяет в пределах небольшой республики, я могу сказать, что Феликс Хараев сумел и возвысить, и облагородить то дело, к которому он прикасался умом и сердцем, где бы он ни находил-

ся. Он никогда не причислял себя к привилегированным чиновникам от партии, оставаясь, прежде всего, творцом в любой должности, будь то гендиректором «Каббалкавтотранса», мэром г. Нальчика или же депутатом Верховного Совета РСФСР.

Видя в нем воплощение идеалов творческого человека, я совсем не удивилась, когда из-под пера Хараева стали выходить одна за другой книги – плоды его долгих раздумий над судьбой отечественной экономики или философские эссе: «Мысли в пути», «Русь, куда же ты несешься?», «Стремящийся разум», «Ахиллесова пята экономики», «Человек, рыночная экономика, прогресс» и др.

Напряженно мыслящий и ищущий, он никогда не ограничивал пределы своих поисков одной сферой знаний или деятельности. Феликс Хараев был всегда как бы шире одного понятия и представления, одного поприща. Его научные работы, какой бы темы они ни касались, все больше были нацелены на защиту гуманитарных наук в век технократической экспансии. Можно это объяснить и тем, что у кандидата технических наук преобладающим является голос доктора философских наук, который ставит на первое место ценность человеческой жизни. И в этом будет своя правда. Найти ее, значит – уметь откликнуться пониманием, состраданием, любовью, радостью к людям. Феликс Хараев, как никто другой, сердцем чувствует понятное и нужное людям, умеет увидеть улыбку другого человека, услышать песню или же шутку. В его юморе нет темных тонов. Это юмор человека, умеющего видеть и отбирать смешное «из жизни». Хотя обобщать не следует, скажу, исходя из того, что видела своими глазами и прочувствовала сама: люди от него заряжаются энергией надежды и созидания. Он не умел и не умеет отказывать в общении людям, в многочисленных просьбах со стороны, и люди пользуются этим, чтобы оказать рядом с ним, «подзарядиться» его неиссякаемым жизнелюбием.

Ныне, спустя десятилетия, разыскивая, что же осталось от того удивления и замирания, когда «хараевские университеты» впервые распахнулись перед удивленным и жаждающим новизны и знаний народом Кабардино-Балкарии, я обнаруживаю, – тепло и свет от этого замечательного человека в сердцах неисчислимого числа людей. Сколько счастья и пользы он принес своим согражданам... Сегодня Феликс Ахмедович Хараев – профессор, ректор Кабардино-Балкарского Института Бизнеса, академик Российской академии социального образования, Международной кадровой академии. Все, что он сделал для республики, мы помним и ценим, сам он о своих заслугах скромно умалчивает, избегая слов благодарности. Для меня же Феликс Хараев также интересен и дорог, как и 40 лет назад, впрочем, как и для студентов КБИБ, которые спешат к нему на лекции каждое утро в ожидании откровений.

Кутас ПАРАНУК,

*доктор филологии, профессор кафедры литературы
и журналистики Адыгейского госуниверситета*

Характер мифологизма романа Х. Бештокова «Каменный век»

Парадигма неомифологизма в современном адыгском романе, особенно четко обозначившаяся в последние два десятилетия, связана в первую очередь с именами Х. Бештокова, Н. Куека, Ю. Чуяко, Д. Кошубаева, творчество которых характеризуются наличием широкого спектра мифопоэтических приемов, мифологем, мифоструктур, архетипов, воздействующих активно как на содержательную сторону романов, так и на их структуру.

Роман-миф «Каменный век» Х. Бештокова, опубликованный в 1985 г. на кабардинском языке, является поистине эпохальным для адыгских литератур. К сожалению, роман до сих пор не переведен на русский язык, что в известной степени объясняется полифоничностью звучания, сложной, многозначной семантикой текста, написанного белыми стихами. Мы же в своей работе воспользуемся авторским подстрочником, опубликованным в журнале «Литературная Кабардино-Балкария» (2005).

Х. Бештоков сам определил жанр своего произведения – роман-миф. Обращенность автора к мифу была заявлена как в одном из эпиграфов, апеллирующих к древнегреческому мифу о Фаэтоне, так и эпохе, взятой в качестве объекта художественного живописания. Х. Бештоков возвращается к далекой эпохе каменного века и предпринимает попытку художественного воспроизведения облика человека на ранней ступени развития общества, его образа жизни, мироощущения и мировосприятия. Содержание романа свидетельствует о том, что его написанию предшествовала кропотливая работа по ознакомлению с научной информацией о данном периоде. Подтверждением тому являются и слова А. Гутова, который отмечает: «Он дотошно изучил практически всю доступную научную литературу о ранней стадии развития человеческого общества. Прочитаны десятки книг: от древних мифов до новейших монографических исследований. На это изучение ушел не один год труда. Но только благодаря усилиям этого поэта удалось проникнуть во многие детали быта, нравов далекого времени, уловить тончайшие нюансы характера мировосприятия человека ранней стадии цивилизации и все это гармонично соотнести с современным сознанием, отразить через эту призму боль и заботы нашего отнюдь не каменного, но, кажется, все более окаменевающего века»[2; 59].

А. Гутов вполне правомерно называет эту поэму «эпохальной для кабардинской литературы». Ю. Тхагазитов в середине 90-х гг. отмечает,

что «Каменный век» «остается пока высшим проявлением новой художественности, реализующей функции мифа на уровне современной литературы» [4; 59].

Целый каскад ярких мифо-метафорических образов «обрушивается» на читателя буквально с первых страниц романа, рисующего удивительный, завораживающий мифологизированный мир первопредков: «Горная река впадает в утреннюю зарю»; «Туча глотает звезды, вцепившись когтями и оттаскивая одну за другой»; «Тело у леса трепещет»; «Пролетает «высокая буря, // Встряхивая жесткими крыльями»; «Солнце падает в обморок»; «Румяные звезды в полночь // Собрались и присели на подоле неба».

В качестве основных приемов мифологизирования автор использует те, которые связаны с самыми древними мифологическими представлениями – тотемизм, фетишизм, анимизм. Известно, что фетишизм и анимизм соотносятся с древнейшей «хтонической» мифологией, когда все «окружающее материализуется и одушевляется» [3; 327]. Для мифомышления характерна тотальная космологизированность. В романе одушевляется буквально все: камни, деревья, пески, ветры, солнце, звезды, луна, река. Эти мифологемы огня, воды, реки, земли, деревьев не носят нарочитый, искусственно созданный характер, они органично переплавлены в мифологической стихии, царящей в контексте романа. Органичное перетекание одних стихий в другие символизирует круговорот времени, событий и явлений, единство микрокосмоса и макрокосмоса в мифомышлении. Возвращение к истокам зарождения человеческой цивилизации и воспроизведение быта и нравов, мироощущения человека на ранней ступени развития, когда мир воспринимался на уровне «коллективного бессознательного», предстает в романе не экзотической ретроспекцией, а выливается в яркое по художественно-эстетической исполненности и эмпирически глубокое по содержанию повествование.

Сюжет романа на первый взгляд предельно прост: на заре человечества два племени – дорей и эминей – ведут нескончаемые междоусобные войны, осложняющие и без того непростое существование людей в борьбе за выживание среди грозных стихий природы. Роман и начинается с того, что эминей неожиданно нападают на племя дореев, неся с собой смерть, разрушение. Отметим сразу, что подбор имен и названий в романе, по всей вероятности, не случаен, к примеру, эминей – производное от слова «емын», что в адыгских языках означает «чума». Вполне возможно, что название племени дореев перекликается с дорейцами, принимавшими участие в походе древних греков на Трою.

Продвижение врагов по земле дореев несет тотальную агрессию ко всему живому. Яркое и выразительно описывается образ вождя эминеев, в описании которого переплетаются реалистическое и мифологическое начала. Пышущий гневом и изливающий яд ненависти на все окружающее пространство вождь сравнивается то с камнем, то с огнем, то со змеей:

он «смугл, худощав и крепок, как камень», «закален в горячей злости», носит в «тесной груди» сердце, подобное змеиному жалю. «Мутной волчьей злобой» одержимы и все эмиinei, вооруженные копьями со «змееголовыми наконечниками» и безжалостно расправляющиеся с дорейями. Неожиданно напавшие эмиinei перекрывают все пути для отступления дореев, оказавшихся запертыми в своей долине. И обреченные «белобородые» старцы «ступают в белые волны реки», в «животе реки» исчезают женщины, дети, которых враги кидают вслед за ними.

Параллельно с человеческой трагедией автор в ярких, художественно убедительных картинах изображает колоссальную трансформацию, происходящую в пространстве с приходом врага. Эмиinei транслируют тотальную агрессию вокруг себя: «замер, не дышит сосновый лес»; «сотни песен-плачей поет песок», «ломается чинара»; «бук падает навзничь»; «весь лес начинает убегать в сторону гор»; «красно небо»; «тучи красны»; «звезды убегающие красны»; «заря... стынет, холодея», «солнце падает в обморок по ту сторону гор»; река превращается в «кладбище дореев».

Отношение героев к пространству как вполне одушевленному, маркируется в романе вполне отчетливо. Примечательно, что вождь эмиineeв стремится расправиться не только со всеми дорейями, но и с их пространством: он приказывает своим воинам «промыть» пещеру дореев и сжечь все вокруг: «лес, кусты, и травы, и склоны этой земли».

Из слов главного героя романа Ану мы узнаем, что эмиinei давно донимают дореев:

*Разве могли враги наши присесть и покушать,
Предварительно не присадив на колья
Наших – дорейских детей?
Разве могли заснуть враги наши,
Заранее не потащив к себе в землянку
Наших девушек и женщин? [1; 88]*

Однако в ходе дальнейшего повествования становится очевидным, что жестокость эмиineeв по отношению к дорейям небеспочвенна. Об этом свидетельствуют воспоминания вождя эмиineeв из детства и ретроспективный рассказ о зверствах дореев по отношению к эмиинеям. Эпизод из романа, изображающий картину надругательства дореев над матерью вождя эмиineeв, является одним из самых ярких и впечатляющих по своей выразительности и психологической экспрессии:

*И сегодня он помнит:
Насаженные на острия кольев,
Торчали головы отцов...
Дорейцы вытаскивают из пещеры
Содрогаящуюся мать вождя... [1 ; 62]*

Х. Бештоков создает в романе мифообраз войны, мифологический по форме и одновременно реалистический по ее античеловеческой сути, передающий ее бессмысленность, жестокость. Примечательно, что, изображая военные действия между эминьями и дорьями, автор сосредоточивается не на конкретных участниках событий, а на орудиях войны: копьях, ножах, топорах. Они одушевляются и становятся главными участниками событий, предпринимающими самостоятельные действия, и при этом совершенно не уточняется, в чьих руках они действуют:

*Летают копья,
Врезаясь в слабые места врага.
И когда их острия грызут кости,
Подпрыгивают ручки копий от удовольствия [1 ; 64].*

Эминей безжалостно перебивают всех дореев, чудом остается жив только один юноша Ану, которому удастся переплыть через реку, ставшую кладбищем для дореев. Дальнейшее повествование в романе и сюжетику сводятся к мифологеме пути этого героя. Х. Бештоков живо и выразительно передает через образ Ану мироощущение и мировосприятие древнего человека, только начинающего пытливо всматриваться в окружающий мир и познавать его. В этом образе отобразились древние поверья, бесконечные страхи человека на ранней стадии развития перед грозными и пока еще не распознанными силами природы. Оказавшийся на перепутье молодой человек решает идти вверх, к истоку реки, откуда пришел когда-то Черный бык – «вечный хранитель всех душ дореев». Примечательно, что возраст героя обозначается через запах: от него «исходит запах ребенка». Оказавшийся в полном одиночестве, герой ночует в лесу, взобравшись на верхушку дерева и привязав себя веревкой к нему. Ему снятся яркие сновидения про счастливую жизнь среди дореев, про мать, отца, приносившего с охоты «чудесное мясо косули», про Черного быка – тотема дореев. Ану, оказавшегося на чужом, не знакомом ему пространстве, мучают страхи, он встречает неведомых ему животных и существ. Весьма примечательной для выражения идеи романа оказывается встреча с Псомордым, неким промежуточным существом между собакой и обезьяной, с тремя ушами и единственным глазом на лбу. Это забавное миролюбивое существо упрекает Ану в агрессии, которая, по его мнению, является причиной всех его несчастий. Для него Ану – олицетворение всего человечества, погрязшего в войнах и междоусобицах: «Вы, люди, пошли не своим путем», – говорит ему Псомордый. Напомнив Ану про бесконечные войны между дорьями и эминьями, Псомордый приводит в пример им деревья, которые миролюбивы: «не дерутся», «не жрут мяса». Псомордый приглашает Ану к себе в лес, где живут его родичи, чтобы «спасти плоть», но герой отказывается вести животный образ жизни. Он получает еще одно приглашение: месяц приходит к нему в гости,

осторожно ступает на ветку дерева и предлагает последовать за ним на небеса. Но Ану отказывается и от этого приглашения и в итоге остается совершенно одинок в глухом лесу (символ «чужого», «неосвоенного», хаотичного пространства). Натерпевшегося страхов и лишений героя встречает женщина Рану и приводит в свою пещеру, где она живет вместе с Гучу. Далее следует ретроспективный рассказ о незадачливой судьбе этих молодых людей из племени Орла, изгнанных за нарушение табу на инцест. Племя Рода Орла явно противопоставляется в романе воинственным племенам эминеев и дореев. В описании их жизни чувствуется особый порядок мироустройства. Это племя мирное, живет изолированно на прекрасной земле:

*Среди трав, что растут
В долине детей Орла,
Нет ни одной не целебной травы.
Вода там – сестра света,
В их земле зерно рождает в один день.
Там у деревьев женственная кожа,
А женщины стройны, как молодые деревца [1 ; 97].*

Таким образом, гармоничность, приверженность законам своего сообщества присущи людям из племени Орла, здесь жизнь протекает «в берегах порядка», царит радость, люди мирно трудятся, почитают своих тотемных предков (Орла). Они послушны общепринятым запретам: женщины и мужчины живут врозь – в разных долинах, недопустим сексуальный контакт между родственниками (кроме одного дня в году – дня Орла, когда имеет место инициация, освящение ритуалов). Нарушающие табу на инцест подвергаются жестким наказаниям. Так случилось и с молодыми людьми Гучу и Рану, являвшимися родственниками. Гучу, имевший один раз сексуальный контакт со своей племянницей Рану в день Орла, как-то в обычный день встречает девушку, купающуюся в «светлом источнике», и, соблазненный ее красотой, повторяет попытку овладеть ею. За нарушение табу молодых изгоняют из племени. Теперь они вынуждены жить в глухом лесу и лишь изредка вдыхают дым, несущий запахи былой родины. Гучу и Рану приютили незнакомого скитальца, не выясняя ничего о его прошлом. Но вскоре происходят события, радикально меняющие судьбы героев: Гучу на охоте смертельно поражает Черного быка, и Ану, мстя за своего тотема, убивает Гучу. Дальнейший жизненный путь Ану предстоит пройти совместно с Рану.

Надо отметить, что образная система в романе сведена к минимуму: основных героев всего трое: Анну – центральный герой, а также Рану и Гучу. Второстепенные персонажи – вождь эминеев и Псомордый, мифологическое существо, представляющее собой плод авторского мифотворчества. И вместе с тем Х. Бештокову удалось талантливейшим образом

воспроизвести через столь ограниченный контингент героев характер эпохи и суть человеческих взаимоотношений.

Примечательно, каким образом в романе отображены мифологические представления древних о душе: «душа бессмертна», «Душа утонувшего в реке // Превращается в рыбу. // Упавшего с горы душа – Под землей томиться остается» [1 ;73]. О местонахождении души и способах ее освобождения, выхода в контексте романа представлены разные варианты: может «вылететь через ноздри» или: тучи пытаются «вытянуть из людей души // Через их затылки» [1; 79]. Наивное мышление древних людей, формы их прологического, мистического мышления (по Леви-Брюлю) выражены в описании ритуала жертвоприношения, который Ану устраивает убитому им Гучу, чтобы «задобрить» его душу. Известно, что на данном этапе развития мышление древних людей прологично, так как оно безразлично к логическим противоречиям, к причинно-следственным связям с точки зрения концептуальной логики.

И все же образ главного героя в изображении автора не лишен зачаточных форм рефлексии. Гибель тотема (символ идеологии дореев) Ану воспринимает как негативный знак, герой опять в поисках и размышлениях о характере своих дальнейших действий. В финале романа мы видим Ану, взобравшегося вместе с Рану на верхушку самого высокого дерева, чтобы оглядеть окрестности. Их «колеблет атакующий ветер» (ветер традиционный символ, ассоциирующийся с переменами).

*Далеко глядит Ану,
Ища путь,
По которому можно бы направить
Свою и ее жизнь [1 ; 115].*

Говоря о сути этого романа, критики чаще всего указывали на его антивоенную направленность. На подобное толкование настраивал и один из эпиграфов, предворяющих роман: «Не торопись, опусти оружие, // Я тоже человек». Действительно, строки из поэмы А. Шогенцукова «Камбот и Ляца» изначально ориентировали читателя на пацифистское звучание. И все же нам кажется, что автор в них глубже и острее обозначил еще одну проблему – судьба и предназначение человека не только в обычном, тривиальном понимании, но и в антропософском смысле: человек как вид эволюции. Ведь известно, к примеру, что в природе ни один вид не уничтожает себе подобных. И только человек поднимает оружие на подобное себе существо. В связи с этим основная идея романа приобретают более глубокий и обобщенный смысл: что есть человек, как вид эволюции? Автора прежде всего интересовал человек, вернее – человечество, каким оно было в самую отдаленную, «каменную» эпоху детства человеческого общества: изначально ли были в нем заложены те пороки, которые заставляют сегодня, по выражению А. Гутова, «окаменевать» сердца

наших современников, или это приобретения более поздних времен? Примечательно, что человек в контексте романа (через начатки рефлексий Ану, его диалоги с Псомордым, месяцем) противопоставляется то камню, который «не знает слез, крови, печали»; то деревьям, которые «не дерутся между собой», то животным.

Теперь вернемся ко второму эпиграфу романа, апеллирующему к древнегреческому мифу о Фаэтоне и конкретизирующему идею романа. Примечательно, что в нем Гелиос – Бог Солнца, дает наставления своему сыну: «не подниматься слишком высоко», но и не опускаться слишком низко». Путь, заповеданный Гелиосом, есть срединный путь. Автор этим эпиграфом изначально подчеркнул значимость мифологемы пути героя, олицетворяющего все человечество, и недвусмысленно указал на путь золотой середины, который суждено пройти человеку – промежуточному существу между животным и богами. Недаром Ану отказывается следовать за Псомордым, олицетворением животного мира. Примечательно также и то, что в финале романа мы видим Ану на верхушке дерева (сама пространственная ориентация уже символична – герой выбирает высокую точку, чтобы «далеко смотреть»). Символично, что рядом с ним Рану – женщина из рода Орла. Орел в мировой мифологии, как известно, является символом небесной, солнечной силы, огня и бессмертия, то есть в этом уже обозначена ее приверженность вертикали. И оба героя твердо намерены выбраться как можно скорее из леса, символизирующего аллегории жизненных катастроф и заблуждений.

Как нам кажется, в образе Ану и мифологеме его жизненного пути символически отображена мифологема эволюционного пути всего человечества, находящегося в самом начале своей истории, и перспективы его дальнейшего развития – это и есть, по нашему мнению, магистральная идея романа Х. Бештокова. Отметим также, что финал романа открытый, герой еще в юном возрасте, а значит, соответственно явлению юниората, он еще способен на инициацию, для чего ему предстоит пройти через испытания, лишения – все то, через что суждено пройти всему человечеству по пути познания истины.

При этом автор окунается в мир древних представлений, ощущений, восприятий талантливо, глубоко, с завидным знанием и чувствованием художественно исследуемого материала. В романе широко отображены принципы мироустройства древних людей, особенности человеческих взаимоотношений в родоплеменном сообществе, широко и многогранно изображается специфика наивного примитивного мышления людей на раннем этапе развития человечества. Особенности мифомышления отобразились в описании ритуалов жертвоприношений и празднеств, посвященных тотемным животным: Черному быку и Орлу, в проводах души убитого человека или животного, в следовании общепринятым законам и нравственным устоям, исполнении табу. Даны картины мирной жизни дореев и племени Орла, их созидательного и жизнерадостного

труда, первобытной радости от созерцания изобилия яств и вкушения плотских удовольствий. Х. Бештокову удается художественно воспроизвести тот полный загадочности и неизъяснимого очарования мир древнего человека, для которого все было живым, одухотворенным, то ласковым и прекрасным, то грозным и беспощадным.

Созданный в романе пространственно-временной континуум насквозь космизирован, все здесь оживотворено, пространство живет и дышит, олицетворяя единый космический организм. Вместе с тем, отдельные локусы пространства неоднородны, к примеру, пространства тотемных животных – Черного быка и детей племени Орла – описаны в позитивных тонах, они нормированы и гармоничны. И, наоборот, пространство воинственных дореев и эминеев представляет собой хаотичное, ненормированное, нестабильное пространство. Категория времени не только мифологизируется в романе, автор создает мифообраз самого времени. К примеру, день – одушевленное существо, которое выпускается в небо раз в год вместе с орлом на празднествах, посвященных тотемному Орлу. «День Орла торжествует, ликует», «мнет луг». В романе реализованы такие категории времени, как обратимое время, «необратимое время», «запретное время», время абстрактное, мифологизированное.

В модели мира, изображенной в романе, «просматривается» архетипическая структура мифопоэтической модели мира: градация ее представлена в виде мира людей, живущих на земле, души умирающих уходят в «далекую (мифическую) страну». Мир высших существ в романе представлен тотемными животными (Черный бык, Орел), которым поклонялись древние люди на изображаемом этапе развития человечества. Вместе с тем в контексте отмечаются отдельные отголоски более поздних элементов мифомышления, к примеру, пещера дореев сравнивается с каменным адом. Такой органический симбиоз мифологического и литературно-художественного сознания обеспечивает неповторимый «бештоковский» мифопоэтический мир романа.

Следует также отметить, что поэтика мифологизирования Х. Бештокова во многом перекликается с постмодернистской. В частности, это проявляется в трагически-ироничном парафразе традиционных архетипов и мотивов, в парадоксальном построении фраз и создании причудливых образов и ситуаций:

*Река течет в небо.
Деревья купаются, стоя по колено
В воде.
Рыбы сидят на ветках,
Беседуя, загорая на солнце [1 ; 84].*

Яркой мифопоэтической окрашенностью характеризуются строки, описывающие сцены битвы ножей, подобных самостоятельным мифическим существам:

*Разговаривают ножи
Свободно, глубоко,
От души изъясняются с костями.
Снимают головы,
Круглые головы,
Наполненные грязной злостью [1; 65].*

Прием одушевления, связанный с анимистическими представлениями древних, является всеобъемлющим, выражающим тотальную мифологизацию в романе. В мифопоэтическом мире романа Х. Бештокова одушевляются не только деревья, реки, стихии природы, солнце, месяц, звезды, но и такие абстрактные понятия, как чувство страха, радости, время, день. К примеру, злость Ану «дышит возле губ»; герой «злость взгляда своего закидывает на деревья»; «дореет радость неустанно летает в долине»; Рану «подставляет под свет свою тоску»; сон «охотится за веками Ану»; «злая болезнь облизывается» и т. д.

Все вышеизложенное позволяет заключить, что роман Х. Бештокова «Каменный век» был своеобразным художественным «прорывом» к неомифологизму не только для кабардинской, но и для всех адыгских литератур. Произведение стало образцом смелого мифотворчества, с одной стороны, опиравшегося на мифопоэтические традиции, с другой – прокладывающего совершенно новые пути в литературно-художественной системе.

Литература

1. *Бештоков Х. К.* Каменный век: роман-миф / Х. К. Бештоков // Литературная Кабардино-Балкария. 2005. №5.
2. *Гутов А. М.* Вступительная статья к роману-мифу Х. К. Бештокова «Каменный век» // Литературная Кабардино-Балкария. 2005. № 5.
3. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М., 1991.
4. *Тхагазитов Ю. М.* Вступительная статья к роману-мифу Х. К. Бештокова «Каменный век» // Литературная Кабардино-Балкария. 2005. № 5.

Людмила МАРЕМКУЛОВА**«Театр – мой дом родной»**

Людмила Султановна Шереметова родилась в 1953 г. в с. Кахун Урванского района КБР. В 1970 г. по окончании средней школы поступила в Московское театральное училище им. Щукина (Кабардинская студия, руководитель проф. Калиновский). В 1975 г. по окончании театрального училища Людмила Шереметова вернулась из Москвы на родину и с тех пор работает актрисой Кабардинского драматического театра им. А. Шогенцукова. Мастер сцены. В 1997 г. Людмиле Шереметовой присвоено звание заслуженной артистки Карачаево-Черкесской Республики.

За тридцать три года неустанного служения театральному искусству Л. С. Шереметовой сыграно более ста ролей – как главных, так и второстепенного плана. В репертуаре театра – спектакли зарубежной, отечественной, национальной драматургии. Благодаря тому что Людмила Шереметова от природы наделена пластичностью и даром перевоплощения, ею были созданы на сцене образы как героинь, так и острохарактерных персонажей. На многие годы остались в истории Кабардинского театра сыгранные актрисой роли в таких замечательных спектаклях, как «Ипполит» (Еврипид, Корифейка), «Камбот и Ляца» (А. Шогенцуков, Ляца), «Кукарача» (Думбадзе, Ревака), «Лекарь поневоле» (Мольер), «Свободная тема» (Чхеидзе, Кетино), «Женихи да невесты» (А. Шортанов, Цоца), «Шесть старых дев» (Иоселиани – все шесть ролей попеременно), «Смотрите, кто пришел» (Арро, Лариса), «Тыргатао» (Б. Утижев, Адиса) и многие другие.

Во всех публикациях, посвященных спектаклям Кабардинского театра им. А. Шогенцукова, отмечается высокое актерское мастерство актрисы Людмилы Шереметовой, ее талантливое решение образных задач, всегда неожиданные краски в создании образа, вдумчивое и психологически обоснованное решение задачи, поставленной режиссером. Людмила Шереметова всегда учится как у своих коллег, так и у больших актеров России. И поэтому каждая роль, над которой она работает, имеет свою краску, свое звучание, а значит, надолго запоминается зрителю. Людмила Шереметова старается не отступать от тех «заповедей», которыми учил их профессор Калиновский.

В настоящее время, сыграв огромное количество характерных, лирических, комедийных ролей, как на сцене театра, так и на выездах и гастролях, Людмила Шереметова также талантливо играет и драматические роли. Ее творческий диапазон с годами только расширяется, что говорит о больших возможностях актрисы. Свидетельством тому является то, что актриса достигла в своем творчестве такого уровня, когда можно говорить об особой, шереметовской манере игры. И при этом актрисе удается с неизменным успехом воплощать любые роли – комедийные, драматические, острохарактерные. Примером тому роль Марии Павловны по пьесе С. Кайтова «Сердце матери», роль Пьера по пьесе А. Николаи

«Немного нежности», роль матери в постановке по новелле З. Налоева «Черные глаза Афины», роль графини Голсуэлс по пьесе Г. Горина «Кин IV» и другие.

В этом году состоялся премьерный показ спектакля «Убей меня, голубчик!» по пьесе турецкого драматурга Азиза Несина (Диха), где актриса показала как тонкий психологизм в решении роли, так и очень талантливую игру. В СМИ республики была отмечена интересная работа Людмилы Шереметовой.

В настоящее время в репертуарном плане Кабардинского драматического театра им. А. Шогенцукова числится четырнадцать спектаклей, в двенадцати из которых занята актриса Людмила Шереметова

«Если играть на сцене те интриги, которые сейчас у нас происходят, ни один человек не поверит. Я убедилась в том, что вся наша жизнь – театр, и мы все в ней актеры. В обычной жизни, вне сцены, я не смогла бы ничего сыграть, то есть я такая, как есть, – не люблю интриги, ложь, сплетни и неопрятность во всем: в быту, в работе, в общении с близкими. Не люблю, когда человек лжет, обманывает и при этом позиционирует себя как необычайного правдолюбца и честнягу. Это раздражает. Все в театре знают, что я всегда открыта, говорю то, что думаю. Не в моих правилах плести что-то за спиной. И даже если иногда меня втягивают в какие-либо перипетии, вскорости все становится достоянием гласности. От меня же самой. Я считаю, что нет ничего прекраснее, чем умение жить с открытым забралом, то есть так, что не болит совесть за придуманное плохое слово, которым можешь ненароком оскорбить или обидеть ближнего, или что-либо такое...»

Пути господни неисповедимы. И этими путями – внутренними и внешними стали для заслуженной актрисы КЧР, мастера сцены Кабардинского театра им. А. Шогенцукова Людмилы Шереметовой любовь к искусству, любовь к театру, хотя в то время, когда она поступала в театральное училище, вряд ли понимала, что это такое – любовь к искусству. Она участвовала в художественной самодеятельности в школе, но хотела быть хирургом. Отец этого выбора не одобрял, и благодаря ему она стала актрисой, окончив в Москве театральное училище им. Щукина, пришла в театр.

Несмотря на то что отец Людмилы работал бухгалтером, он был эрудированным, интеллектуально развитым человеком, настоящим джентльменом, настоящим черкесом, был честным и порядочным человеком. Ее мама не была настолько образована: после седьмого класса поехала на курсы трактористок и во время войны работала на тракторе. Ей уже 85 лет, но она до сих пор помнит свою работу на тракторе и уверена в том, что и сейчас могла бы пахать и сеять.

«Мои родители, когда учились в школе, играли в постановке «Камбот и Ляца» по пьесе Али Шогенцукова, которую сами ставили; папа играл Камбота, мама – Ляцу. Они по натуре были веселые, общительные... Может быть, моя фамилия сказывается – Шеремет. В книге историка С. Бейтуганова, посвященной кабардинским фамилиям, есть такая пого-

ворка: «Ты что, Шеремет, чтобы иметь право шутить!». Бродский, который преподавал в училище, говорил, что граф Шереметьев с Кавказа, и подарил мне о нем книгу. Отец приехал в Москву тогда, когда реставрировали имение Шереметьевых и когда узнали его фамилию, его завели в музей и подарили личный альбом Шереметьева. Таковы мои корни», – рассказывает Л. Шереметова. И маленькая Люда мечтала стать гармонисткой, а так как о мечте знали все – и мама, и папа, то когда отец прочитал в республиканской газете объявление о наборе в театральную студию, то тут же принял решение: его младшая дочь будет актрисой! Отборочный тур проходил в Доме советов; в то время министром культуры республики был К. К. Эфендиев, который и организовал обучение театральной студии в Москве. Отбирал будущих студийцев Леонид Владимирович Калиновский, профессор театрального училища им. Щукина. Конкурс был огромный – 25 человек на место. Людмила окончила экспериментальный класс, в котором с первого по десятый все преподавание велось только на кабардинском языке; русский изучали как иностранный. Естественно, она разговаривала на русском языке безграмотно, но кабардинский – свой родной язык, на котором мыслит до сих пор – знала гораздо лучше многих, окончивших русскоязычную школу. Да еще так красочно исполнила все номера, которые знала! Л. В. Калиновский сразу «положил глаз» на Шереметову как на будущую характерную актрису...

Москва для Людмилы становится городом юности, городом, в котором она встретила настоящих людей – профессиональных, искренних, интересных, относящихся к молодежи уважительно, независимо от национальности и наличия акцента. У студийцев были такие замечательные педагоги, что они всегда чувствовали себя как дома. Если кто-то получал тройку, то это расценивалось как большая неприятность для самого педагога. И студенты учили до тех пор, пока не получали хорошую оценку. Кабардинская национальная студия зарекомендовала себя как добросовестная, заинтересованная в учебе; среди них были и ленинские стипендиаты, и те, которые окончили вуз с красным дипломом. И в том, что студийцы учились с большим интересом, заслуга всех: министра культуры К. К. Эфендиева, который ежегодно приезжал в Москву и интересовался успехами, и Л. В. Калиновский, который был для них как родной отец, и замечательная плеяда педагогов знаменитой «Щуки».

С самого начала Калиновский говорил, что из Людмилы Шереметовой выйдет хорошая характерная актриса. Он определил не только ее профессию, но и амплуа, хотя иногда другие педагоги говорили о том, что по фактуре она могла бы быть героиней. И первая роль по актерскому мастерству была оценена на пятерку. После третьего курса ставили самостоятельные отрывки, и в первой ее роли она должна была играть старушку. Сказали, что роль удалась, ею был явлен вполне достоверный образ пожилой женщины, хотя «старушке» было всего 19 лет. Дальше – больше... Доброжелательность педагога очень важна, когда учишься, тем более сценическому искусству. Нельзя, чтобы педагог из-за акцента, незнания студентом фактического материала или особенностей внешности,

обидел студента или, что еще хуже, оскорбил его. Думаю, что именно в этой профессии доброжелательность педагогов, коллег позволяет играть, делать роли более интересными, объемными.

Школу актерского мастерства Людмила получила основательную, по-настоящему глубокую. Думаю, оттого и волнуется всегда, когда выходит играть. На сцене или перед микрофоном в студии, все равно присутствует большая ответственность за то, чему учили, ответственность перед профессионалами, которые по-настоящему хотели из юношей и девушек с далекого Кавказа «вылепить» настоящих актеров. Людей, преданных театру, сцене и всему, что связано с таким искусством, как актерская игра.

«Для меня существует языковой барьер, хотя могла бы работать на любой площадке страны. Кабардинский театр ждал нас и никто из нас даже и не думал по окончании училища принять какие-то иные предложения. Надо сказать, что многих из нас приглашали в московские театры, но мы все вместе вернулись в родную республику, где нас действительно ждали. Только Кабардинский театр и только дома – это нам на протяжении пяти лет говорили и Калиновский, и Эфендиев, за что по сей день им благодарна», – вспоминает актриса.

По окончании училища студийцы, за которыми до сих пор закрепились имя «молодые», привезли с собой восемь дипломных спектаклей. Это такие, как «Ипполит» Еврипида в постановке Шлезингера, «Старший сын» Вампилова, постановка Калиновского, «Двери хлопают» Мишель Фермо, дипломный спектакль Р. Фирова, «Глубокая разведка» Кронина в постановке Калиновского, «Вечер французских водевилей», постановка Кольцова – ведущего актера театра им. Вахтангова и др., «Мещане» М. Горького, постановка Бурова и др.

Республика приняла их очень хорошо. И в этом немалая заслуга министра культуры КБАССР Килостана Касимовича Эфендиева. Не только любители театра, но и вся творческая интеллигенция республики и по сей день помнят те аншлаги, тот накал «театральных» страстей, когда по много раз смотрели один и тот же спектакль. Именно они, шукинцы, на мой взгляд, сделали театральное искусство таким популярным среди населения. Ведь они играли не только в театре, но и почти ежедневно выезжали в Дома культуры республики. И играли, играли, играли...

Если республика приняла «молодых» «на ура», то в самом театре все было несколько иначе. Собственно, другого и быть не могло. Однородно однозначного восторга не было, но такие старейшины кабардинского театра, как Мухарбий Сонов, Тима Жигунов, Али Тухужев, Куна Дышекова приняли студийцев очень хорошо. «У них было чему поучиться, они были правдивы. Даже в Москве я не видела таких глубоких, фактурных актеров как Мухарбий Сонов или Куна Дышекова. Они проживали роли на сцене. Я очень счастлива, что застала их, работала с ними на сцене», – говорит Людмила Шереметова. На самом деле этому поколению безмерно повезло

не только тогда, когда попали в знаменитую «Щуку», но и тогда, когда начали играть на сцене с талантливыми старшими. Хотя... тогда, когда они вернулись домой, им было по столько, сколько сейчас им, тогдашним молодым. К сожалению, сегодняшние времена не способствуют обучению талантливой молодежи в столичных театральных вузах. Чтобы была студия и национальная театральная культура была на высоком уровне...

Научившись в Москве техническим приемам, здесь, дома, можно было научиться проживанию роли на сцене, отношению к роли, глубине понимания того, что актер делает на сцене. Техника приходит с годами, но не раньше. Их учили актерскому мастерству, как правильно играть по школе Станиславского. Когда они приехали и увидели, как «старрики», для которых театр был родным домом, правдиво и по-настоящему играли, а потому переживали за все и могли подсказывать, направлять, то почувствовали себя как дома. «Для моего поколения также театр стал родным домом. Для меня театр родной дом, я больше времени провожу в театре, чем дома. Меня все оскорбляет – от небрежного снега у входа в театр до каких-то небрежностей в игре партнеров. Я отношусь к театру как к храму. И это не громкие слова. На самом деле театр – это и есть моя вера, это то, что составляет основу моего внутреннего мира. Я не знаю, почему так, но у меня такая любовь к театру. Конечно, я устаю, когда много дней подряд играю. Но через несколько дней снова хочется играть, просто пойти в театр. Я не могу, как многие, месяцами, если они не заняты, не ходить в театр. Наверное, в мою кровь «въелся» запах театральных подмостков и свет прожектора, и без этого кровь в моих жилах будет другого состава, другой группы. Так вот, моя группа крови определяется театром.

Мне не хватает зрительского общения, не хватает моих коллег. Тех, с которыми мы вместе уже 38 лет вместе, практически стали братьями и сестрами».

Мысленно перейдем из зрительного зала на сцену. Что чувствует актриса, когда выходит на сцену? «Сначала волнение. Когда вижу зрительские глаза, то успокаиваюсь, я у себя дома. Я получаю удовольствие от общения со зрителем. На меня давит толпа на базаре, где-либо, когда большое скопление людей. Другое ощущение, когда в зале зрители. Когда со сцены смотрю на своих зрителей, чувствую себя как рыба в воде.

Те роли, о которых мечтала, не состоялись. Играла Ляцу в «Камботе и Ляце» Али Шогенцукова, играла Адису в «Тыргатао». Эти роли играла с удовольствием. Я мечтала всю жизнь сыграть Медею, Тыргатао. В этих персонажах все – красивая, умная, жестокая. Со всеми неординарностями глубокой и противоречивой личности».

«Характерная актриса» – это ампула закрепились за Людмилой Шереметовой на все время, начиная со студенчества. И сегодня, когда можно говорить о высокой профессиональной зрелости, сегодня, когда сыграно такое большое количество ролей, актриса осуществила свою мечту – создала новый образ, который не был острохарактерным. И это произошло

благодаря режиссеру Роману Добагову, который любит пластичных актеров; таких, из которых можно «лепить», а потому дал Л. Шереметовой роль графини Голсуэлс в «Кине Четвертом» Г. Горина. «Этот персонаж мне очень понравился – вздорная интриганка, и при этом обаятельная, аристократичная, светская львица. Мне было очень тяжело делать эту роль, когда мимика не «работает», ибо за внешней холодностью скрывается все: интриги, зависть, мелочность и т. д. Я не комиковала. Режиссер отточил в роли все, до каждого взгляда, жеста». Роль была сыграна настолько неожиданно гротескно, но при этом мягкий гротеск, что захватывало дыхание. На самом деле эта роль напоминает вышивку «ришелье», настолько тонко, изысканно и вместе с тем емко создает актриса образ. Московские критики отметили, что графиня Голсуэлс предвосхитила все увиденное доселе...

Создание образа – сложный, по-настоящему творческий процесс. Этот процесс зависит от многого – задания режиссера, «уготованности» актера к восприятию задумки режиссера, мастерства перевоплощения, вернее, построения образа и так далее. В творчестве актрисы Людмилы Шереметовой наступил такой период, когда для любой роли, которую ей дает режиссер, она становится «чистым листом». И затем, как художник на холст, начинает накладывать новые краски, ощущения, восприятия. Которые возникают в ее душе от размышления, погружения в ситуацию. Отсюда и возможность построения нового образа на основании своей методики. Актриса научилась строить образ из внутреннего ощущения во внешние проявления. Например, в спектакле «Немного нежности» созданный ею образ начинается с семяющей походки странной, суетливой женщины. В облике ее героини есть что-то от человека, лишенного критичного отношения к себе. И именно такая семяющая походка, спина, которая говорит о тяжести внутреннего ощущения героини, да еще и манипуляции с красной ленточкой (перевязывается то якобы больное колено, то голова) делают образ недалеким, дробным, по-настоящему семяющим.

Это еще одна роль, в которой актриса Шереметова создает неповторимый образ. В создании образа, кроме режиссера, большое значение имеет неустанные наблюдения актрисы, из которых и «лепится» образ. Это когда независимо от желания, сознания, актриса общается с людьми, смотрит на прохожих и уже не прикладывает усилий для того, чтобы запомнить яркие персонажи. Например, в спектакле по пьесе Николаи «Немного нежности» Людмилой Шереметовой создан очень интересный, щемяще нежный и вместе с тем идущий по тонкой грани между гротеском и трагедией, образ одинокой женщины. Ярко, неповторимо создан этот образ актрисой. Она не только перевоплощается, но и в настоящее время такова, как ее героиня. Несмотря на одинаковую участь обитателей «золотой клетки», у нее нет сострадания к своим новым друзьям. Отнюдь! Подобострастие и вместе с тем склочность, зависть, которая скрывается под сиюминутной лестью, и так далее. Все эти противоположные человеческие страсти,

когда у персонажа нет ни любви, ни ненависти, когда жизненный путь почти начертан в небесах, трудно сохранить самообладание, расстаться с мечтой и свыкнуться с тем, что пансионат для одиноких – это твоя последняя пристань. И актрисе Шереметовой не только удалось найти внешний абрис образа, но и наполнить всей гаммой противоречивых, но уживающихся в одном человеке чувств и мыслей.

«Очень хочу сыграть роль в спектакле «Зерно риса». Образ женщины, судьба которой сложная, трагичная, меня привлекает с годами больше, чем просто веселый, юмористический персонаж. Не потому, что играть легче, а потому, что с годами появляется потребность в том, чтобы донести до зрителя все те глубокие страсти, которые бушуют в душе по-настоящему неординарной личности. Конечно, мир не черно-белое полотно. И эта мысль становится истиной, когда приходит зрелость и глубина чувствования образа, когда потребностью души является игра именно на таком уровне, когда можно ответить на многие вопросы мироздания. Это когда нет просто правды и лжи, а есть страсти, которые управляют этим миром. Вообще, люблю играть такие роли, в которых трагедия и комедия переплетены и составляют некое единое целое. Это ближе к жизни и глубже, чем просто смех или нескончаемые слезы».

Комедию играть сложнее, чем трагедию. Надо так перевоплотиться, чтобы зритель не мог бы отвлечься от того, что происходит на сцене. Юмор надо донести не пошло, а тонко, эстетично.

Не было такого, чтобы актриса могла сказать: «Наконец, я сыграла свою главную роль и теперь могу не играть вообще!» Она мечтает сыграть роль Тыргатао в пьесе Б. Утижева «Тыргатао». Именно жизненный опыт, когда все «любви», которыми страдает сердце Тыргатао, прочувствованы, прожиты, отчасти понятны. Это и любовь к мужу, и любовь к Отчизне, сыну, отцу... Все это переплетается в мощный сгусток космических страстей, и сыграть эти страсти можно только очень глубоко воспринимающему мир человеку. Здесь есть о чем говорить, и я знаю, как это надо говорить, играть. Я созрела для этой роли не только по соответствию возрасту героини, но и по внутреннему психологическому состоянию сегодня. Я сыграла бы воинственную и вместе с тем нежную, любящую и отца, и Родину, и мужа, и сына мужественную амазонку. Привлекает именно то, что Тыргатао любит всех, но по-разному. Не буду говорить дальнейших ходов, ибо эту роль мне никто не давал. Это так, моя разогнавшаяся фантазия...», – говорит Л. Шереметова.

«Я не стыжусь никакой работы, нет ничего более унижительного, чем откровенное тунеядство» – эта фраза и есть жизненное кредо актрисы. И какую бы роль она ни играла, как бы ни строила свои взаимоотношения с коллегами, друзьями, близкими, желание, вернее – потребность души в неустанном труде и честности, правдивости ко всему составляет основу Людмилы Шереметовой как актрисы и как человека. Наверное, в этом и заключается смысл жизни для любого человека, а для творческого – особенно.

Лейла ГЕМУЕВА

Ретроспектива мифотворчества

Одной из соломинок в эпоху застоя, которая вытащила на поверхность, не дав утонуть национальным культурам, было обращение писателей к языческой, мифотворческой традиции. Традиция пульсировала в крови, оставалось только прислушаться и вытащить ее из своих жил, дабы не дать пропасть особенностям национального самосознания, национальной культуры.

Понятно, в «психушки» и лагеря мало кому хотелось, но молча созерцать и соглашаться с абсурдом, царящим в литературе и жизни, не было никакой возможности. Несколько перефразировав В. Дрозда, скажем: мир их разочаровал и они конструировали его заново. Вот эта жажда изменить мир, выпрыгнуть из реальности «окостеневшей системы», рутинного «социума» и была толчком к мифотворчеству.

Творили его «всем миром» поэты и прозаики, принадлежащие разным «обоймам», непохожим племенам. Сюда можно отнести всю насквозь пронизанную фольклорной стихией украинскую литературу. Живописного, сдержанно-эмоционального Ч. Айтматова; пишущего «вечного молдаванина» – трогательного И. Друце; мечущегося между Цмакутом и столицей Г. Матевосяна; неожиданного, парадоксального О. Сулейменова; радикально осмысливающего связь Человек-Земля-Вселенная» Э. Межелайтиса; «лабораторного» Э. Ветемаа; ассоциативно философичного О. Чиладзе и других.

Немного подрастерявшаяся перед этим феерическим шквалом мифотворчества, тогдашняя критика усмотрела в нем «фольклорную стилизацию; и вопрошала: а где же творческая индивидуальность писателей, создающих мифы? Что же это за новый тип художественного видения? То ли притча, то ли сказка, то ли сон наяву, то ли, как теперь стало модно говорить, парабола», – волновался Л. Аннинский, всегда чутко и хорошо реагирующий на успехи национальных литератур. И только немногие, не заикленные на «полнокровном реализме» соглашались, что «поэтика мифа, использованная творчески, обогащает изображение современного мира» (В. Кубилюс).

Правда, русской литературе повезло меньше, и здесь я сошлюсь на В. Кожина, который считает, что для русской литературы отечественная мифология во многом остается книгой за семью печатями (Литературная учеба, 1978. № 1).

Еще меньше повезло в этом плане балкарской литературе, хотя, казалось бы, у нее шансов на успех экспериментов в мифотворчестве было больше, чем у любых других национальных литератур. Почему? Потому что ментальность балкарцев закодирована на язычество. Центробежные силы вначале христианства, а затем и ислама все-таки не смогли преодолеть приоритеты языческого мировоззрения, но безусловно, существенно обогатили духовную культуру балкарцев.

Опыты балкарской литературы в мифотворчестве можно отнести к тридцатым годам нашего столетия, когда пошла рекрутизация в литературу, но они были пресечены диктатом пресловутого соцреализма, который декларативно-репрессивными методами внедрялся в самую психологию и эстетику творчества. Причем эти опыты не осознавались как мифотворчество и лишь косвенно, как будет видно ниже, связывались с проблемами социально-духовного характера, присущими эпохе застоя. Скорее их можно отнести к «литературной учебе», «пробе пера». Яркий пример тому – поэма Азрета Будаева «Мараучуну хапары» («Рассказ охотника», 1936 г.).

Незамысловатый романтический сюжет заимствован из балкарских и карачаевских волшебных сказок. Но не в реминисценциях здесь дело (количество сюжетов в мировой литературе весьма ограничено). Для предметного разговора вкратце напомним его.

Стосемилетний старик-охотник рассказывает о своем необыкновенном юношеском приключении. Как-то он, бедный охотник, пошел с тремя товарищами на охоту в горы. Тут к ним навстречу выскочило мифическое «нечто». Товарищи, отскочив в разные стороны, открыли ему путь к нападению. Описание схватки и победы охотника. Затем, блуждая, он попадает в некую страну, затерянную в дебрях. Здесь же встречается с таинственным властелином этих мест. В крепости, куда его привели как гостя, он видит бездыханные тела своих недавних спутников. Здесь же он встречается с дочерью хозяина, Зайнаф, девушкой необыкновенной красоты. Они влюбляются друг в друга. Но когда Коркмаз обратился с вопросом, почему убили его товарищей, разгневанный хозяин велит своим рабам бросить его в темницу.

Зайнаф освобождает возлюбленного, и подробно рассказывает, как выбраться из этих мест, но сама не бежит с ним. Распрощавшись, Коркмаз добирается домой, подстрелив по пути тура. Таубий (князь) отбирает его добычу. В заключительной части поэмы, старик говорит, что только благодаря колхозу и трудодням ему удалось поставить на ноги детей и все они живут сытно, богато и счастливо.

Могу свидетельствовать: эта поэма была необычайно популярна в народе. Даже я, 4–5-летняя девочка, еще не умеющая читать и писать, с удовольствием декламировала «Мараучуну хапары» полностью, наизусть. Меня особенно восхищало двустишье:

*Тиймегенге тиймейме Кто не трогает (меня), того не трогаю,
Тийгенни сау имейме. А кто тронет, того живым не отущу.*

Правда, в поздней редакции это звучит несколько иначе:

*Келмегенге тиймейме Кто не приходит, того не трогаю,
Келгенни сау имейме А кто придет, того живым не отущу.*

Разница существенная: норма поведения, вошедшая в кодекс чести балкарцев, подменяется бредом полоумного (ниже станет понятно, кем и почему).

Почему же так повезло этой поэме (к сожалению, далеко не всем вещам А. Будаева)? Согласитесь, высшее признание для поэта, когда его произведение читают «всем миром». Можно не сомневаться, что несмотря на величину и масштаб таланта К. Кулиева «Горскую поэму о Ленине» мало кто знал наизусть. Попробуем разобраться, в чем тут дело.

Во-первых, в легко запоминающихся рифмах силлаботоники. В колоритном, образном языке, это язык самого народа, более того, язык, жырчы (сказителя) веками всем внятный, родной и любимый. Будаев пишет поэму, как бы ни единого слова не добавляя от себя. Он никак не оценивает героев, не комментирует их действия и поступки. Он просто с удивлением и интересом выслушал старика и это удивление до последней крупинки донес до нас, читателей. Все это, конечно, можно сказать о любом понравившемся произведении и при этом не ошибиться. Но здесь случай другой – поэма по-своему уникальна, и стоит особняком во всей балкарской литературе. Я почти уверенно могу сказать: не будь 1-го съезда писателей в 1936 г. (а все знают, что там произошло), концовка поэмы имела бы другое звучание.

Секрет этого произведения в том, что он пограничный между мифологическим и историческим мышлением.

Немного отвлечемся в поисках обоснования своей версии. Что такое мифологическое мышление?

«Главными предпосылками своеобразной мифологической «логики» являлось, во-первых, то, что первобытный человек не выделял себя из окружающей природной и социальной среды...

Мифологическое мышление выражается в не отчетливом разделении субъекта и объекта, предмета и знака, вещи и ее атрибутов, единичного и множественного, пространственных и временных отношений, начала и принципа, то есть происхождения и сущности» (Мифологический словарь М., 1990. С. 634).

Первые признаки кристаллизации исторического мышления мы найдем в эпических жанрах балкарцев и карачаевцев, где все же сохранены отдельные черты мифа: Дебет и Сатанай – культурные герои, посланцы Тейри, учат Нартов ремеслам; Ерюзбек – борется с эмегенами (хтоническими чудовищами); Сосрук добывает для Нартов огонь и т. д.

«В эпосе история не наслаивается на миф, а только рассказывается по мифологическому канону, и постепенно, по мере того как от этого канона остается одна только сюжетная схема, четче обнаруживается истинное назначение эпической поэзии. Только в таком смысле можно говорить о замещении мифологических образов историческими, ибо, по существу, в эпосе с самого начала мифологический герой трактуется исторически». (Гринцер П. А. Древнеиндийский эпос М., 1974. С. 290). Здесь только надо пояснить, что историческая трактовка в эпоху становления балкарских и карачаевских традиций – далеко не одно и то же, что под этим понимается сегодня, когда все происходящее в жизни народа, его правила, обычаи, обряды, идеалы и т.д. как бы вписывались в заранее известные схемы.

По мере приближения к новому времени героическое прошлое не

успевает уплотниться, чтобы по законам эпоса, вобрав в себя более мелкие повествования, стать собственно эпосом. Тем не менее, несмотря на краткость «эпической дистанции» тексты строятся уже по принципу мифологизации истории. Это очень хорошо видно в героических песнях и балладах «Ачей улу Ачемез», «Къаншоубий бла Гошаякъ» и т. д., и в жанровой модификации «песни набегов» – «Сарыбий бла Къарабий», «Чепеллеу», «Малкъар Босияты Дюгер Бединаты» и т. д.

Сюжетные коллизии, действия персонажей, детали, пейзаж, манера изложения интересующей нас поэмы А. Будаева полностью и без натяжек (за исключением последней части) вписывается в традиционную для балкарцев и карачаевцев мифопоэтическую конструкцию. Здесь надо оговориться – «Мараучуну хапары» не стилизация под миф, как это может показаться с точки зрения сегодняшнего дня, таких изощренностей советская литература в момент своего становления не видела, – а способ мышления, мироощущения вполне зрелого таланта.

Одна из особенностей мифопоэтических текстов – размытость границ между именем собственным и нарицательным. В балкарской и карачаевской традиции (и традициях некоторых народностей Северного Кавказа) эта установка принципиально обострена: имена собственные тщательно скрываются и заменяются нарицательными или уменьшительно-ласкательными, и не только собственные, но и названия животных (волка, например), явления и т. д. В поэме старик ни разу не произнес своего настоящего имени. Таинственному господину мифической страны он представился как Мараучу (Охотник), тот назвал его Къоркъмаз (Бесстрашный), а себя он называет Сыйлыхан (Почтенный хан).

Сам рассказ охотника тоже начинается с конкретики: Бир жол ууда... (Как-то раз на охоте...), но тут же слово, казалось бы, случайно подобранное в рифму «туманда» (в тумане) сразу придает рассказу атмосферу таинственности, ожидания неадекватных ситуаций (в самом деле, мало ли что может произойти на охоте, да еще в тумане).

Другой важный элемент для мифопоэтической традиции – восход и закат солнца, он ассоциируется с ежегодным его уходом, конец лета, малых и больших циклов; граница ночи-зимы, вот та переломная пора, где силы Хаоса непредсказуемы. Здесь: лес – туман – блуждание – неопределенность – страх. Совсем другое дело: вершина горы – свет – обзор – перспектива – спасение.

Но посмотрите, как идеологическая цензура того времени, заложником которого стал писатель, ослабила само произведение. Стройная фабула, в которой все элементы соразмерны, конфликты идеально точно выверены в соотношении к целому и органично подведены к кульминации, – вдруг обрываются. Вместо подготавливаемой кульминации – пустая отговорка: хозяину не понравился вопрос гостя и он решил его убить. И только-то ? И он сдуру нарушает закон гостеприимства? Ведь на Кавказе, даже если у тебя репутация самого распоследнего чудака, гость – особа священная. И здесь, как мне кажется, основное событие, послужившее причиной конфликта, выкинуто из текста цензором. Едва заметная перетасовка сюжетообразующих элементов поэмы (помните:

кто не приходит – того не трогаю, а кто придет, того живым не отпущу) переориентировала ее на абсолютное зло. Ведь ничто живое не нападает без причины, а тем более человек, сумевший прожить 120 лет, имеющий столько же рабов, да еще и умницу-дочь. Так же тщательно он, цензор, вычищал и любые чувственно-конкретные персонификации, за исключением стержневого «нечто». Тем не менее энергетика мифа пронизывает всю поэму, хотя нет ни слова об Апсаты, злых или добрых духах – их присутствие ощущается постоянно.

О заключительной части поэмы «Мараучуну хапары» мы можем лишь сказать, что она списана из газетной пропаганды того времени, в угоду власти, которой нужны были визуально-чувственные образы своей правоты, и она их получала. А если соединить обе части, что, собственно мы и имеем, то можно сказать: для обеих частей нет общего знаменателя – идеала-любви или идеала-спасения, они подменяются фикцией – идеологией, колхозами и трудовнями.

В процессе распада мифопоэтического мышления, – а это было в первую очередь связано с приходом христианства, а затем и ислама на Северный Кавказ, – традиция балкарцев и карачаевцев безусловно корректировалась, что не могло не отразиться в памятниках устного народного творчества. Раз появившиеся сюжеты продолжали жить, но не могли не изменяться в зависимости от событий, происходящих в жизни этнической общности, как-то: социальных, идеологических, политических, экономических, военных; в зависимости, наконец, от мастерства, и даже, если хотите, пристрастий народного сказителя. Посмотрите, какое событие – появление огнестрельного оружия! Оно тут же находит свое место в эпосе; Ерюзмека сажают в жерло пушки, заправляют 40 арбами пороха и выстреливают в небо, для того, чтобы тот достиг небесного дворца Краснобородого Фука. Более архаичный вариант – воздушный шар – тоже остается, как одна из версий сказания.

С приходом мировых религий элементы социального и духовного наследия балкарцев и карачаевцев не могли не переосмысливаться в иной системе координат, а именно, – приобщенности к ценностям мировой истории и культуры. В связи с этим мне хочется удивиться, почему у нас нет письменных памятников культуры?! Известно, что «первая волна» христианства приходится на X–XI вв. В Чегемском, Безенгийском, Черекском ущельях Балкарии располагались до полутора десятков христианских церквей (Мизиев И. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII–XVIII вв. Нальчик, 1991. С. 105). И здесь мы можем наблюдать любопытное явление, – не взаимное исключение, а сращивание, слияние двух и даже трех мировоззрений: некоторые божества из балкарско-карачаевского языческого пантеона не были преданы анафеме и забыты, а благополучно перешли в христианский и стали почитаться как святые, а некоторые – в мусульманский. Другие в статусе нечистой силы – джиннов, шайтанов, продолжают играть свои роли и по сей день. Например, Байрым бийче прочно ассоциируется с Девой Марией, ее почитают как заступницу, в основном, женщины. Или дочь Апсаты, Байдымат, впоследствии ставшая Фатимат, почитается как дочь Пророка Мухаммада (Аллахны саламы).

Не менее интересна и ситуация XIII–XIV вв., «когда наряду с государственной религией Золотой Орды (исламом) на Северном Кавказе продолжало сохранять свои позиции и христианство» (Батчаев В. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев Н., 1986. С. 121). С приходом великих религий не могла не прийти и письменность, как это было в XVII–XVIII вв. Разумеется, о «всеобщей грамотности» в средневековой Балкарии не могло быть и речи. Но вспомним «Этюды из туземной жизни» Басията Шаханова, где он с возмущением пишет о пропаже ценнейшей рукописи исторической поэмы «Алгузиани», осетины ее берегли в продолжение многих веков, но заговорили о ней только тогда, когда она пропала. Украл ее грузинский священник. Или вспомним камень, найденный в развалинах фамильной башни Гиргоковых в Холамском ущелье, – своеобразный акт-соглашение о границах между кабардинцами, крымцами и пятью горскими обществами Балкар, Безенги, Холам, Чегем, Баксан. Текст, значительный не только по содержанию, но и по размеру. Надпись была сделана на арабском языке и датирована 1709 годом. К несчастью, пропал и он, видно, это тоже кому-то стало нужно. Как бы там ни было, грамотных людей на древней земле Балкарии было не так уж и мало по тем временам.

Следовательно, можно предположить: или тексты было запрещено фиксировать и они принципиально ориентировались на устную передачу. Такие факты известны из истории культуры древней Индии; друиды запрещали записывать свое наследие; или, вследствие нашествия монгол, войск Тамерлана, межэтнических, междоусобных войн, жестоких эпидемий чумы и холеры тексты памятников, о которых мы вообще ничего не знаем, были уничтожены или украдены; или наши предки не слишком доверяли куску пергамента и предпочитали фольклоризацию своего достояния, способную сохранить и донести до следующих поколений самобытность своей традиции.

Мне кажется, имеют право на существование все три, а может, и больше мотивов, – в совокупности. Устный текст подвижен, он и профессия (для сказителя), и развлечение (для слушателя), и свод правил. Наученных латинской и арабской грамоте, надо полагать, было не так уж и много, а выучить текст сказания наизусть играючи мог даже ребенок. И если погибнет большая часть этнической общности, оставшиеся в живых легко могут восстановить песни, легенды, сказания своего народа.

Совсем другое дело, если текст записан – он автоматически становится достоянием только узкого круга людей: церковной, жреческой или аристократической верхушки. В пользу справедливости наших предположений говорит и дороговизна пергамента, и то, что тексты в большинстве своем были поэтические, как говорится, из песни слов не выкинешь.

Поэма А. Будаева была последним жанровым всплеском мифопоэтического мышления. В этом смысле история отвела Азрету Будаеву странную и трогательную роль самого последнего жырчы, нечаянно научившегося грамоте.

Елена ГУБАШИЕВА,

доцент КБГУ

Парадигма эстетической мнемонемы

Отечественная филология разработала немало концепций и научно обоснованных теорий, имеющих непосредственное отношение к вопросам исторической памяти и эстетической мнемоники, среди которых в XX в. наиболее яркие принадлежат В.В. Виноградову, создателю двух лингвистических наук, тесно связанных с историей литературы, теорией литературы и литературоведением: истории русского литературного языка и науки о языке художественной литературы.

Исследуя язык художественной литературы во всем его многообразии, Виноградов особое внимание уделял идиостилю художника слова и особо подчеркивал мысль о соотношении и взаимодействии в произведении ведущих категорий: языковая (мнемоническая) личность автора и художественный образ. Целостный лингволитературоведческий анализ дает возможность устанавливать случаи, когда мнемонема (общее) накладывается на художественный образ (индивидуальное). Во всех трудах Виноградова анализируются исторические, лингвистические, семантические, литературоведческие и стилистические стороны данной категории – даже с учетом того, что напрямую он никогда не говорит о роли исторической и этнической памяти в креативных эстетических процессах.

Ученый убедительно доказывает, что основа историзма тесно связана с идейно-тематическим и художественно-изобразительным характером повествования и реализуется, открывается во внутренней связи всех элементов повествования, в его смысловой направленности, в драматической силе образных обобщений, в своеобразном реалистическом символизме художественного изображения жизни.

Для В. В. Виноградова художественный образ вообще – это категория речевой организации литературно-художественного произведения. Он складывается из принципов соотношения авторского повествования с воспроизведенной разговорной речью героев, способов и правил построения диалогов персонажей и характеризуется отношением автора к описываемым событиям и речи изображаемых персонажей.

Допуская возможность разных подходов к мнемонической парадигме, В. В. Виноградов указывает, что главной является проблема идентификации субстратного культурного фона описания, проблема стиля автора и образа автора, при этом он отдает предпочтение анализу языковых средств, помогающих установить, как проявляется характер «поэтического мышления» автора в системе идейного и языкового содержания его творчества.

Суть концепции В. В. Виноградова состоит в том, что функции языка

художественной литературы он определял по его конкретным воплощениям в реально представленных текстах. Ключевые понятия о языке он аргументировано связывал с категориями «стиль», «образ автора», «композиция» и считал, что композиция – это развитие идеологии автора, ход его мыслей, отраженных в чередовании форм и типов речи: «В композиции целого произведения динамически развертывающееся содержание, во множестве образов отражающее многообразие действительности, раскрывается в смене и чередовании разных функционально-речевых стилей, разных форм и типов речи, в своей совокупности создающих целостный и внутренне единый «образ автора». Именно в своеобразии речевой структуры «образа автора» глубже и ярче выражается стилистическое единство целого произведения». Принципиальный момент разработанной Виноградовым концепции – в тесной связи автора со стилем и совокупностью стилей, с особенностями художественной речи, динамикой типов и форм этой речи. Кроме того, наполнение категории «образ автора» разным содержанием, ее органическое взаимодействие с развитием системы стилей литературных течений и их индивидуальных вариаций означает динамику и эволюционность данного аспекта формы «словесного построения, композиционные типы которой очень многочисленны, исторически изменчивы и не вполне ясны». Разные дефиниции предлагаемого нами понятия «мнемонема» свидетельствуют о категориальной неоднозначности, проявляющейся в соотнесенности и с вербальной организацией текста, и с его идейно-стилистическими особенностями, и с характером отражения действительности, и с нарративным своеобразием воплощения черт личности художника. В трактовке В. В. Виноградова мнемонема оказывается величиной более абстрактного – родового – порядка, являющейся составной частью проблемы субъективного. Она одновременно и погружена в мир текста, и находится «над» ним; созданная автором, она не равна ни его личности, ни простому объединению речевых построений повествователя, субъектов речи, а выступает «идейно-стилевым производным» от всех них, вместе взятых. «Ведь в литературном произведении как особой сфере творчества личности, – подчеркивает Виноградов, – субъективно, и объективно – языковые формы оказываются осложненными контекстом литературы, литературной школы, жанра, своеобразными приемами литературных композиций».

Нет оснований полагать, что вопрос об исторической памяти и историзме в самом общем смысле слова сводится у Виноградова к поискам «авторских» фрагментов в тексте. При всей приверженности к стилевому анализу он не исповедовал однозначно теорию: «автор – в его стиле». Виноградов утверждает, что художественное наследие писателя почти никогда «не представляет прямого ряда объектов, движущихся в одном направлении»; у большинства писателей «несколько разных ликов» художественной индивидуальности. Сведение «всех ликов» воедино приводит к «единству литературных личностей».

В работах Виноградова мнемонеме (естественно, в другом терминологическом оформлении) отводится роль интегрирующего начала, глубинно связывающего элементы текста. Будучи индивидуальной словесно-речевой структурой, она субъективна, пронизывает строй художественного произведения и определяет «взаимосвязь и взаимодействие всех его элементов». В то же время она обобщена, выступает типовой категорией – тем центром, в котором «скрещиваются и объединяются, синтезируются все стилистические приемы произведений словесного искусства».

Обращаясь к опыту литератур народов Северного Кавказа, например, мы можем в наиболее отчетливом виде отметить образцы стилистической оппозиции, инициирующие мнемонический процесс во всей наглядности функционирования собственно механизмов эстетической рефлексии.

Так, 20–30-е гг. – период первоначального становления советской адыгской национальной литературы в целом. Становления, отмеченного прямыми подражаниями русским литературным образцам. Процесс этот достаточно изучен, но следует отметить, что на уровне образности, формальных показателей основное внимание исследователей было обращено на поэзию, относительно прозы же большинство ученых ограничивается простыми указаниями на заимствованный характер тематических, сюжетных, типических новаций – без конкретного обоснования этого положения.

Не ставя своей целью восполнить этот пробел, мы, тем не менее, считаем возможным указать, что «ученичество», вернее, вторичность художественного мышления адыгских прозаиков того периода обеспечила единовременный характер формирования различных стилевых течений.

Это, конечно же, выражалось, помимо всего прочего, как одновременное появление образцов различных жанров, и обусловило неоднородность и некую, если можно так выразиться, пестроту в границах одного жанра – очерка, что однозначно отмечено большинством литературоведов.

Поэтому уже на этой стадии мы можем наблюдать весьма отчетливую разницу в подходах писателей к изображаемому. Различия эти вполне отчетливо прослеживаются и в текстах 30-х гг., опубликованных незадолго до войны. Как правило, «издержки» очеркового стиля остаются характерной чертой писателей «фактографов» и особенно видны на фоне произведений тех авторов, чьи творческие интересы были направлены (помимо прочего) на создание психологически, образно-достоверных картин еще на ранних стадиях творчества.

Мы считаем, что в определенном смысле можно говорить о формировании уже на рубеже 20–30-х гг. двух генеральных линий национальной прозы Северного Кавказа – первой, постепенно, в ходе эволюции «очищавшейся» от присущей журналистике субъективности и приведшей, в конце концов, к очерку в классическом смысле этого слова, и второй –

итогом развития которой стало по прошествии времени формирование художественной прозы в ее современном понимании.

Конечно, нет нужды говорить, что четко распределить творчество национальных писателей по данному принципу невозможно – мы говорим лишь о тенденции, но тенденции, тем не менее, довольно отчетливой.

Причем наибольшее значение при написании именно очерков несомненно имела первоначальная целевая установка автора. Сравнение текстов недвусмысленно показывает нам, что один и тот же писатель мог создавать произведения, отмеченные различными наборами мнемонических признаков.

Соответственно уровню профессионализма и культуры слова и формировались мнемонические модели и способы их текстуальной реализации. Идеологемы текста, исчерпывая его художественную онтологию, обуславливали известную долю примитивизма и однообразия наличествующих вариантов эстетического отражения, точнее, способов его текстуальной реализации. Фактически иллюстративность лексического и синтаксического уровней эстетической рефлексии явилась результатом весьма своеобразного состояния словесной культуры народов Северного Кавказа, в котором они находились вплоть до начала – середины 70-х гг. XX в. Мы же можем с высокой степенью вероятности выделить данные модели реализации эстетической этноидентификации как де-факто существующие и по сей день. Примеры из адыгских литератур вполне убедительны.

Преимущественное использование синтаксических механизмов реализации эстетической этноидентификации, как мы увидим позже, является признаком определенной стадияльной точки в эволюционном движении прозаических систем Северного Кавказа и, вполне вероятно, любых других. Равным образом это относится и к более архаичным моделям – лексическим, однако избирательность этого плана, ввиду отсутствия в первые годы становления национальных литератур прозы как таковой, больше проявлялась в поэзии. Думается, нет особой нужды комментировать сам принцип мнемонических взаимодействий в рамках лексической модели, здесь все достаточно ясно – воля автора и направление лирического переживания задается самим характером целеустановок, принципами идеологической стратификации, полностью доминирующей в тексте и обеспечивающих выбор лексических единиц с заведомо известным аксеологическим потенциалом. Многообразие художественных стилей и литературных течений 20-х гг., отмечаемое многими исследователями, представляется всего лишь одной из форм экстенсивного развития, сопровождавшейся прямыми подражаниями и тотальной аффектизацией, как правило, в структурах такого ряда чрезвычайную роль опять-таки играли и аффектные всплески чувства.

Литература

1. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994.
2. *Батчаева К. Х.* Историко-нравственный аспект памяти в структуре художественного произведения. Нальчик, 2000.
3. *Гачев Г. Д.* Жизнь художественного сознания. М., 1998.
4. *Гачев Г. Д.* Национальные образы мира. Общие вопросы: русский, болгарский, киргизский, армянский. М, 1988.
5. *Гусев В. Д.* Память и стиль. Современная советская литература и классическая традиция. М., 1981.

Особенности мнемо-культурной среды: адыги – запад и восток

Художественное слово всегда находится в поиске, в «поиске» прошлого, настоящего, будущего, невообразимого, невозможного, невероятного – в общем, истины, которая не «дается». Многовековая история словесного творчества свидетельствует о том, что человечество с почтением и почитанием относилось к авторам памятников, образно отражающих время, и сохранило благодарную память о многих из них.

Роль словесного творчества в осмыслении действительности и определении миссии в ней человека многофункциональна, и вполне объяснимо, что искусство слова определяется по какому-нибудь одному признаку (явление эстетическое; познавательная деятельность; воплощение позиции и мироотношения автора; межличностное общение; особая форма игры; создание образов; оперирование знаками, т. е. феномен семиотический) и что оно исследуется в самих широких (не только филологических) областях человеческого знания.

В последние десятилетия, опираясь на классическую эстетику и работы современных теоретиков, стали выделять три важнейших и органически взаимосвязанных аспекта художественного творчества: эстетический, познавательный и мирозерцательный (точнее – аспект авторской субъективности). Исключительное значение словесного творчества заключается в том, что ее проблемное поле безгранично, для нее не существует «закрытых тем». Она не только рассматривает широкие вопросы менталитета различных типов личности и связана со всеми сферами человеческой деятельности, но наглядно демонстрирует закономерности развития этнической ментальности, в силу чего предоставляет уникальные материалы для всех наук о человеке. Поэтому всю познавательную деятельность человека можно рассматривать, как развивающую умение ориентироваться в мире, адаптироваться к внешним условиям. В этом плане проблема взаимодействия эстетической информации различного культурного происхождения весьма специфична и, одновременно, столь же перспективна.

В качестве исходной точки анализа может быть определена парадигма

эстетической толерантности, понимаемой как многоуровневая система, начинающаяся с простейших номинаций межкультурных контактов – именно то, что чаще всего фиксируется в фольклорных текстах. По сути дела речь идет о взаимодействии архетипов культурной неоднородности, в каждой этнически обозначенной системе прослеживающихся как достаточно устойчивые образования.

Поиск константных образований в культуре и литературе привлекал внимание многих ученых, стремящихся проникнуть в самые разнообразные формальные, структурные, смысловые – осознанные и бессознательные, явные и скрытые слои произведения, раскрыть ведущие особенности и истоки художественной фантазии и поэтического вдохновения.

Порождение и понимание (познавание, постижение) текста – два диалектически связанных процесса в познавательно-концептуальной, функционально-прагматической и творчески образной деятельности человека, в которых культурный архетип является одновременно и инструментом, и продуктом, и где именно сознание человека выступает организующим центром.

Таким образом, вопрос и в том, что создает «порождающую среду» для идей и концепций в области самого художественного творчества. Границы здесь не могут быть четко очерчены.

Однако ясно, что, говоря о явлении межкультурного контакта, мы имеем в виду, что задача сводится к установлению сопоставительных систем контекста. С того момента, когда появился язык, человек как бы приобрел два мира: мир непосредственно видимых и когнитивно воспринимаемых предметов и явлений и закрепленный мир знаков, которыми данные предметы и явления обозначаются; ими возможно оперировать в любой ситуации в силу и традиционности, и полифункциональности каждого знака (символа, образа, сигнала, кода и пр.), то есть художественное мышление живет и непременно совершенствуется, постоянно расширяя пространство своего употребления. В этом процессе постоянного расширения особую значимость приобретают адаптивные свойства сознания, его возможности к эстетической обработке новых явлений и объектов.

Художественное мышление изначально обладает способностью и возможностью «видеть» множество миров и изображать их с помощью «своего» языка, за счет чего создается многомерность смыслов и формируется необъятное пространство содержаний.

Естественно, каждый индивидуум при восприятии текста сталкивается с бесконечным множеством новых концептуальных, сенсорных, идеологических образований, которые невозможно предусмотреть, запрограммировать и т. д., но он каждый раз угадывает их значение.

Одним из важнейших факторов способствующих коммуникативным устремлениям и потенциям сознания является эстетическая толерантность, формирующаяся в виде вертикальной всеобъемлющей системы. Данная

система в художественном тексте проявляется своеобразно, ввиду этого анализ ее представляется делом весьма трудным.

Тем не менее, абсолютно очевидно, что создание художественного произведения – прежде всего интегративный процесс, одну из основополагающих ролей в котором играет взаимопроникновение элементов различного культурного происхождения.

Иначе говоря, создание художественного текста – многоуровневый сопоставительный процесс, в результате которого формируется определенная модель мира, выраженная на языке соответствующих культурных представлений.

Но, в любом случае, начиная восхождение от простого к сложному, в рамках понятий парадигмы эстетической толерантности можно говорить, по крайней мере, о трех планах:

- изучение прямых эстетических манифестаций межкультурного контакта;
- исследование сферы аксеологической стратификации;
- анализ мутационных возможностей и эволюционной потенции явления межкультурного контакта.

Окончательным итогом подобного научного поиска может стать анализ функциональной инфраструктуры текста. В данном случае речь идет об эстетической архитектонике художественного произведения – о том, какие механизмы долговременной и ассоциативной памяти, а также художественные особенности отдельных модулей эстетического сознания способствовали созданию соответствующего художественного мира.

При этом, естественно, любое произведение включает в себе переработанную информацию, и объективную реальность мы имеем только в объективной реальности, в любом же дискурсе она концептуализирована и отображена в соответствии с определенной репрезентационной системой. Сама же действительность – фон, или упорядоченный семиотический универсум, из которого автор выстраивает свой код и который затем помогает его расшифровать.

Создание фольклорного текста, так же, как и его восприятие, базируются на общественно значимых коннотациях смысла и представляют собой коллективный процесс восприятия и осмысления действительности, основанный на общепринятых устоявшихся формах, моделях, приемах и знаниях, образующих концептуальную систему, которую возможно реконструировать в соответствии с целями интерпретатора. Интерпретировать – значит, искать концептуальное единство даже там, где доминируют метафоры, противоречивые образы, парадоксы, устоявшиеся фразеологизмы и пр. и пр.

Проблема поливариативной интерпретации эстетического текста тесно смыкается с другой, не менее важной проблемой. Речь идет о специфике национального художественного мышления, о формах ее выражения. Применительно к авторской литературе она экстраполируется на

вопросы, очерченные терминологическим выражением «образ автора», что, на сегодняшний день представляется одним из наиболее перспективных полей исследования.

Основные функциональные категории «авторства» текста имеют «эстетически-деятельностное» предназначение и определяют единство подхода к рассмотрению любых их воплощений, касающихся рассуждений об активности/пассивности формы и содержания, душе и духе, я-для-себя и я-для-другого, авторитете автора, границах автора, творческом поступке автора, эстетическом мире/реальности данного и относится к конечному выводу об отношениях автора, героя и читателя.

Такой вывод предопределен взглядом «изнутри произведения» и применением категории активности-пассивности: «Внутри произведения для читателя автор – совокупность творческих принципов, единство трансгредиентных моментов видения, активно относимых к герою и его миру. Его индивидуализация как человека есть уже вторичный творческий акт читателя, критика, историка, независимый от автора как активного принципа видения, – акт, делающий его самого пассивным» [1]. Феномен же реального сознания этноса, его художественная модель (текст) и интерпретативная величина коллективного разума не всегда развивались однозначно, они принципиальным образом зависят от воздействий внешнего характера, но именно в этом видится и особая роль столь легко вычленимого компонента эстетического текста, как декларация межкультурного контакта, детерминированная им степень эстетической толерантности.

Возможность достаточно уверенной «привязки» эволюции фольклорного мышления к реальным событиям и обстоятельствам его бытования во времени и истории этноса может рассматриваться как соответствующая возможность вычленения из общего эстетического контекста эволюционирования национального художественного мышления базовых моментов, определяющих то или иное направление развития и его причины.

Адыгский фольклор в этом отношении представляет собой поистине благодатный материал. Однако, на наш взгляд, необходимо хотя бы наметить некую дифференциальную черту между различными составляющими адыгского народного творчества.

Конечно же, адыгские фольклорные системы в подавляющем большинстве случаев могут рассматриваться как единое целое. Небольшие деривации в оценке их генерационных особенностей никоим образом не нарушают сложившуюся традицию локализации литератур всех адыгских народов в рамках единого сциентологического объема.

Тем не менее, волею судеб история кабардинцев наиболее полно зафиксирована и отражена в различных документах. Одновременно с этим накоплен значительный фольклорный материал, значительная часть которого может быть атрибутирована соответствующими историческими свидетельствами. Это, по меньшей мере, позволяет с высокой степенью

достоверности отслеживать детерминирующие факторы формирования тех или иных концептов в произведениях.

С другой стороны, в интересующем нас аспекте – реализация и способы реализации межкультурных контактов, фиксируемых фольклорными текстами – кабардинский фольклор также весьма интересен по той простой причине, что в условиях полиэтнизма, свойственного Северному Кавказу, кабардинцы издавна занимали самые активные позиции в политическом, социальном, культурном смыслах. Это обусловило множественность направлений межкультурного взаимодействия и, одновременно, привело к особой роли механизмов толерантности в целом и толерантности эстетической в жизни народа.

Можно утверждать, что, в определенном смысле слова устоявшимися принципами общежития кабардинцев и их национального самосознания были императивы толерантности, что неизбежно отражалось и в устном народном творчестве.

Явление эстетической – в нашем случае – фольклорной толерантности, таким образом, детерминировано прежде всего реальными условиями формирования основного корпуса кабардинского фольклора, а основополагающей генерационной базой этого феномена явилась история кабардинского народа, история его взаимоотношений с окружающими народами и, естественно – отношений с Россией.

Последний фактор играл доминирующую роль в становлении самосознания всех народов Северного Кавказа, однако именно кабардинцы первыми вошли в контакт с северным соседом, они оказались наиболее плотно интегрированы в систему российской государственности и культуры. Это сказалось на всей истории развития кабардинской культуры, в частности литературы, инициировало важнейшие процессы формирования элементов национального эстетического мышления, что как постоянно действующий фактор проявлялось на протяжении всей истории Кабарды, вплоть до сегодняшнего времени. С течением времени влияние российской культуры на кабардинскую постоянно нарастало, и именно постоянный контакт с русским эстетическим сознанием способствовал – пусть не всегда в корректной форме – ускоренному развитию кабардинского словесного творчества как в народной, так и в авторской форме.

Само собой разумеется, что развитые литературные системы, ввиду многочисленных взаимных интервенций различных хроностадиальных пластов, своеобразной «размытости» границ между этапами культурного становления, создают определенные проблемы при анализе движения парадигмы эстетической толерантности в целом. Для более, так сказать, убедительной (и, соответственно – упрощенной) демонстрации моментов развития межкультурных контактов необходим материал, не отягощенный сложнейшими переплетениями разнонаправленных воздействий в области эстетического сознания.

Между тем, мы считаем, что лишь традиции, сформировавшиеся в

эпоху безраздельного доминирования методологии, известной сегодня как «соцреализм» и применявшей своеобразный этноареальный принцип систематизации литератур народов СССР. Даже поверхностный обзор истории литератур и культур народов Северного Кавказа приводит нас к нескольким однозначным выводам. Так, совершенно очевидно, что литературы народов Дагестана никоим образом не вписываются в классификационные границы «новописьменности», что с высокой степенью аргументированности продекларировано в ряде исследований [2]. С другой стороны, осетинская литература также выпадает из круга тех культурных явлений, которые развивались по каноническим законам ускоренного культурного развития [3].

В этом смысле произведения, относящиеся к кабардинскому фольклорному наследию представляются нам тем материалом, который в наибольшей степени может проиллюстрировать сам характер становления парадигмы эстетической толерантности в национальном сознании, выявить основные методы и приемы ее реализации в тексте, определить главные вероятные направления дальнейшей эволюции.

Учитывая, что кабардинская литература народов уже в середине 70-х гг. вышла из периода «ученического» развития и сегодня на равных представляет одно из важнейших звеньев многонациональной российской литературы, мы считаем, что выявление и анализ центральных моментов становления и формирования парадигмы эстетической толерантности в целом, а тем более такой конституирующей составляющей фольклорных жанров как генерационные, креативные принципы декларации эстетических концептов, является одной из важнейших задач, недооценка значимости которой вполне может привести к принципиальному недопониманию самого хода развития национальной литературы, и, соответственно, к появлению неблагоприятных тенденций в этом эволюционном движении.

Литература

1. Добин Е. Герой. Сюжет. Деталь. М., Л., 1962. С. 369.
2. Там же. С. 367, 368.
3. Гачев Г. Д. Неминуемое: ускоренное развитие литературы. М.: Художественная литература, 1989.
4. Готов А. Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. М.: Наука, 1993.
5. Мусукаева А. Х. Северокавказский роман. Нальчик, 1993.

Асият АТАБИЕВА,

кандидат филологических наук,

н. с. отдела балкарской литературы ИГИ

**Формирование национальной детской литературы
как целостной художественной системы**

Поступательное движение литературы ставит перед учеными, исследователями младописьменных литератур задачу всячески способствовать просвещению и приобщению молодого поколения к богатейшей культуре северокавказских народов. Пристальный интерес к вопросам «идентификации» истоков национальной художественной традиции, определения движущих сил литературного процесса, его закономерностей и исторической перспективы является определяющей чертой регионального литературоведения на современном этапе. Непреходящая значимость национальной детской литературы заключается в силе эмоционального воздействия на умы юных читателей с нравственно-этических позиций. В процессе ее эволюции происходило поэтапное обогащение и совершенствование детской литературы, менялся облик и ценностное содержание художественных произведений детского адресата.

Формирование, развитие и функционирование балкарской литературы для детей и юношества происходило в пору важнейших исторических перемен, повлекших за собой прогрессирование, ускорение темпа развития литературы в целом.

Эволюция балкарской детской литературы – стадийно-сложный процесс, требующий тщательного методологического изучения и последующей жанровой систематизации. Ее возникновение и развитие ведет отсчет с 1920-го по 1930 гг., когда первостепенное значение придавалось проблемам образования, просвещения и книгоиздательского дела. Именно к этому периоду относятся первые опыты создания специфически детских произведений, изначально выполнявших функцию учебно-педагогического материала в школах. Однако далеко не вся издаваемая литература отвечала педагогическим и художественным требованиям, предъявляемым собственно к детской книге. Ввиду чего между детской литературой и литературой для взрослых не существовало четкого разграничения и диспозиции. В обозначенный период для детской литературы очерчивались «узкие рамки педагогического заказа, а художественность и образность приносились в жертву очередной серьезной мысли» [1, 79]. В область детского чтения зачастую попадали произведения, характеризующиеся чрезмерной аналитичностью, перенасыщенные дидактическими и идеологическими постулатами. Авторами первых книг для чтения были чаще всего учителя, представители сферы образования.

Определяющими чертами в трактовке специфики детской литературы многие исследователи придерживались понятий дидактики и обучения. Выраженный дидактизм произведений для детей, созданных в 1920–1930 гг., объясняется просветительской тенденцией национальной

литературы. Анализ ранних образцов детского творчества карачаевцев и балкарцев показывает, что для данных литератур в период их становления были характерны существенные недостатки содержательного плана. В них в той или иной степени проявлялись излишняя назидательность, риторика, ограниченность и узость тематики, сухость изложения, несовершенство формы. Указанные свойства явились скорее результатом неопытности национальных авторов, пренебрежения ими специфики детского мышления и восприятия. Все это предстояло преодолеть.

Со временем совместные усилия авторов и издателей способствовали повышению качественного уровня детского книгоиздания. Постепенно детская книга приобретала универсальность, индивидуальный формат, свои специфические признаки и атрибуты. Одними из неперменных ее условий стали: доступность изложения, красочное оформление, наличие познавательного материала, динамизм сюжетной канвы. Отныне произведения для детей профилируются исходя из возрастных особенностей, психологических характеристик маленькой личности на различных стадиях ее развития. Возрастная градация, степень усложненности содержания, функциональные различия детских книг и текстов для чтения приводят к смене читательского адресата. Отсюда их категориальное разделение: книги для дошкольников, для учащихся младшего, среднего и старшего школьного возраста. Таким образом, процесс «эстетизации» детского мышления происходил сразу на нескольких уровнях.

Постепенно отделившись от рационалистической учебной литературы, балкарская литература для детей «приобретала черты художественности, занимательности, образности» (Е. Зубарева), в ней уже заметны плодотворные тенденции. Нельзя утверждать, что детская литература и литература для взрослых развивались независимо друг от друга. «Взрослая» литература неизменно оказывала координирующую, структурирующую роль на характер развития детской литературы, декларируя основные направления художественного творчества. Другими словами, детская литература развивалась не изолированно от общего литературного процесса, а синхронно с ним, благодаря чему между ними возникли общие перспективы развития.

Как самостоятельная область словесного искусства национальная литература для детей утвердилась к концу 30-х годов прошлого столетия. Профессиональная детская литература оформилась несколько позже, с появлением определенной теоретической базы и более или менее развитой парадигмы жанров, эквивалентной уже существующей системе художественных форм в русской художественной литературе для детей, взятой изначально за образец. В эти годы окончательно утвердились основополагающие принципы написания произведений для детей и юношества, были узаконены базовые положения и требования, касающиеся их структуры и внешнего оформления, сформировалась палитра жанровых вариаций детской художественной литературы.

Справедливы выводы исследователя дагестанской детской литературы Ф. Мухамедовой относительно того, что «издание учебной литературы

имело большое значение для возникновения детской литературы» [2, 6]. По сути, она заменила ее на первых порах. Позитивным явлением стало также планомерное осуществление художественных переводов, активное приобщение юных читателей к шедеврам русской и зарубежной детской классики.

Важно отметить также, что в первых образцах художественной литературы, предназначенной для детского чтения, обозначены четко выраженные классические акценты. Произведения, рассматриваемые в их национальной специфике, требуют обращения к истокам, а именно – к детскому фольклору. Непосредственно в нем обнаруживаются раннестадийные формы бытования большинства ныне существующих жанров детской литературы (сказки, поэтические загадки, стихотворения о животных и растениях, колыбельные песни, считалки и т.п.). Ведь именно «в фольклоре формировалось художественное мышление народа, вырабатывался его идейно-эстетический фонд» [3, 5].

Признание влияния традиций устного народного творчества на становление жанровой парадигмы балкарской детской литературы не абсолютизирует его роль, а лишь указывает на факт заимствований, преемственности творческих идей и опыта. Синтез фольклорных традиций с современным художественным мышлением свойственен всем литературам.

Сфера фольклорной эстетики на протяжении многих веков являлась одним из наиболее эффективных способов воспитания и ценностной ориентации молодого поколения. В национальном фольклоре (на момент зарождения профессиональной детской литературы) уже имелась достаточная художественная база, представленная разветвленной системой детского игрового фольклора. Изучение сохранившихся архаических текстов позволяет вывести ряд умозаключений, устанавливающих генетическую связь между традиционными формами устного народного творчества и детской литературой.

Ведущим жанром в эти и последующие годы являлась поэзия (формы поэтической сказки, поэмы-сказки, сюжетного стихотворения и т. д.). Об эволюции и обогащении фонда региональной литературы, о возросшем опыте национальных писателей свидетельствовало появление ранних форм детской прозы. В 1940–1950 гг. укрепили свои позиции жанры повести и рассказа. Тенденция литературы 20–30-х гг. к стандартизации формально-содержательного компонента детских произведений осталась в прошлом. Балкарская детская литература последующих десятилетий интегрирует и пропагандирует новое понимание детства, демонстрируя стремление к осмыслению и подаче этой темы в ином ракурсе.

Оформление детских специализированных изданий производилось с соблюдением обязательных элементов, таких, как выразительность языка, яркое цветовое исполнение, наличие тематических рисунков и иллюстраций. «Союз слова и изображения» в книге и сегодня является залогом полноценного восприятия детьми познавательного материала произведений.

Унифицированное художественное отражение действительности приводит к образованию смежных жанров, усложнению композиции детских произведений (появление поэмы-сказки, стихотворного рассказа, пьесы-сказки и тому подобных форм). Со временем от детской литературы в качестве самостоятельных направлений отпочковались проза и драматургия. В 1960–1970 гг. уверенно заявили о себе жанры детского натуралистического рассказа и психологической повести. Хотя по продуктивности они все же уступают поэтическим образцам. Плодотворно решается и проблема героя. Он характеризуется максимальной разработанностью и целостностью подачи (пример тому произведения А. Теппева, З. Толгурова, Х. Шаваева, Ж. Токумаева, И. Маммеева). Горизонты и функционально-композиционные возможности детской литературы расширяются, обогащается сюжетная палитра, пополняется круг детских тем, удовлетворяя растущие эстетические запросы юных читателей.

Детская литература 60–70-х гг. поднимает планку, выходя на новый уровень художественности. Ее эстетическая и познавательная основы заметно прогрессируют. Балкарские поэты и писатели находятся на пике творческой активности, а их конструктивные идеи органично вписываются в духовный контекст современности.

Тщательный анализ текстов детских произведений, написанных балкарскими авторами в разные годы, позволяет выявить дифференциальные черты национальной поэтической традиции. Выявление специфики детского творчества отдельных поэтов и писателей в каждом индивидуальном случае создает общий художественный контекст, позволяет определить типическое и своеобразное в них.

Подводя итог высказанным умозаключениям, следует подчеркнуть, что балкарская детская литература развивалась и функционировала «в согласии с закономерностями, определяющими ее национальное и региональное своеобразие» [4, 52]. В понимании хода эволюции национальной литературы для детей важны признаки, свидетельствующие о ее переходе из одного качества в другое. Изучение ее в рамках конкретных исторических эпох вырисовывает свойственные им направления и стили, типовые и жанровые разновидности, художественно-изобразительные ряды.

На каждом новом витке развития ресурсы детской литературы постепенно возрастают, а творческие показатели балкарских авторов (С. Отарова, С. Шахмурзаева, К. Кулиева, И. Маммеева, М. Мокаева, М. Ольмезова и др.) позволяют говорить о росте их профессионального мастерства.

Примечания

1. Детская литература. № 1–2. 2003. С. 79.
2. Мухамедова Ф. Х. Дагестанская детская литература. Махачкала, 2001. С. 6.
3. Далгат Х. Б. Литература и фольклор. М.: Наука, 1981. С. 5.
4. Гамзатов Г. Г. Литература народов Дагестана дооктябрьского периода. Типология и своеобразие художественного опыта. М.: Наука, 1982. С. 52.

Светлана КУДАЕВА,

зам. директора по воспитательной работе
МОУ «СОШ № 3» Урванского района

Школьная республика

В Псыгансуевской МОУ «СОШ № 3» Урванского района ученическое самоуправление действует вот уже несколько лет. Называется это самоуправление «Школьная республика». «Школьная республика» управляется своим президентом со своим кабинетом министров. В кабинет министров входит семь министерств: министерство образования, министерство чистоты и правопорядка, министерство печати и информации, министерство труда и социальной защиты, министерство культурно-массовых мероприятий, министерство по физкультуре и спорту, министерство финансовых дел. Министерства взяли под свою опеку все классы школы, здесь они сотрудничают через классные ученические самоуправления. Аппарат президента сотрудничает с методической, социально-психологической службой школы, с родительским комитетом, Советом школы, администрацией школы. Тон всей работе задает педсовет.

Педагогический коллектив школы доверяет ученическому самоуправлению. Им дали возможность поверить в то, что с их мнениями считаются, их мнения могут повлиять на управленческие решения администрации и педагогов. В настоящее время ученическим самоуправлением разработаны три проекта:

Проект «Милосердие»

Цель: научить детей и подростков принимать участие в общественно-значимой деятельности. Эта работа направлена на оказание помощи одиноким и престарелым людям, т.е. формируется чувство милосердия.

Девиз этого проекта «Учи свое сердце доброте».

В рамках этого проекта проходит следующая работа:

- ♦ частичный уход и помощь престарелым и одиноким людям;
- ♦ оказание посильной помощи детям из малоимущих семей.

Помогают ребята больным и одиноким людям в уборке помещений, двора и прилегающих к нему территорий, делают им покупки в магазине. Ребята читают им газеты, журналы, рассказывают о своих школьных делах, делятся своими переживаниями, советуются с ними. Пожилые люди рассказывают ребятам очень много поучительного из своей жизни. Воспитывают в них человечность, доброту, отзывчивость, любовь к ближнему. Учат их любить Родину, охранять животных, птиц, зеленые насаждения. Дети с удовольствием приглашают их на свои мероприятия, такие, как «Проявляй милосердие», «Учитесь делать добро», «День птиц»,

«Доброта вам открывает сердце», «В защиту родной природы», «Доброта и вежливость рядом идут».

Акцию осуществляют каждый год 8-ые классы.

Проект «Зеленый мир, чистое окружение»

Цель: прививать бережное отношение и любовь к родной природе, чувство коллективизма и хозяйское отношение к окружающей среде

– придерживаться высказывания В. Федорова «Хочу я в мир, не мною созданный, свое красивое внести». В проекте участвуют уч-ся 5–11-х классов.

По соглашению между главой администрации села Б. А. Цримовым и президентом ученического самоуправления МОУ «СОШ № 3» с. Псыгансу Асият Ныровой выделени участок, подлежащий генеральной уборке: школьный микрорайон, территория от с. Псыгансу до границы с. Ст. Череком. Территория разделена между классами, министерствами труда и социальной защиты и чистоты и правопорядка. Министры названных министерств со своими сотрудниками руководят уборкой вышеназванных территорий и территории «БгыцЫкГущхэ» (название местности), где организовывается такой праздник, которого население ждет с нетерпением целый год, – это празднование Дня Победы с приглашением ветеранов войны и труда. Здесь устраиваются спортивные соревнования, розыгрыши, скачки и т. д.

Считается большой честью готовить это место для праздника и в день праздника следить за чистотой и порядком.

Светлана Кудаяева и ученица 10 класса Асият Нырова

Проект «Ветераны живут рядом»

Цель: развитие у учащихся чувства патриотизма, любви к Родине, чувства гордости за свой народ, страну, чувства уважения к героическим поступкам людей в военное время; окружить вниманием и заботой ветеранов, которые живут рядом.

Девиз: «Мы помним вас сердцем всегда.

Мы – ваша достойная смена везде».

В патриотическом воспитании подрастающего поколения в нашей школе довольно большое место отводится роли ветеранов ВОВ и других войн, военнослужащих, – их выступления на мероприятиях, посвященных защитникам Отечества 23 февраля и 9 мая, на уроках памяти и мужества, их рассказы о сражениях с врагом, о подвигах боевых друзей активизируют учащихся для дальнейшей работы по увековечению памяти погибших и по оказанию помощи оставшимся в живых ветеранам.

Учащиеся школы в образцовом порядке содержат памятник погибшим воинам, где всегда проводится торжественная часть любого мероприятия, посвященного 23 февраля и 9 мая.

В школе очень часто проводятся уроки мужества, памяти, встречи с ветеранами войны и труда, классные часы по патриотическому воспитанию учащихся. Составляются также литературно-музыкальные композиции «Подвигу народа жить в веках», «Тщыгъупщэнккъым зауэм и лъэужьыр» (Не забудем слезы войны), «Зауэм и кӀэр хъэдагъэщ» (Конец войны – слезы), «Верные сыны отцов», «Наш земляк – Герой Советского Союза» (о М. А. Яхогоеве).

Проводятся конкурсы чтецов стихотворений, стенгазет, боевых листков, смотры строя и песни, конкурсы «А ну-ка, мальчики, парни!» (2–11-е классы).

На такие мероприятия приглашаются оставшиеся в живых ветераны нашего микрорайона: Каральби Хамзетович Гогуноков, Шигарби Герандукович Кясов, Каншоби Канеевич Мизов, Тута Питович Семенов, Андрей Патович Тарчоков. Они с удовольствием посещали и по сей день посещают наши мероприятия. Выслушивают все выступления, вслушиваются в речь каждого и со слезами на глазах рассказывают самые памятные эпизоды военной жизни.

Общаясь с ветеранами войны и труда, слушая их воспоминания, знакомясь с реликвиями народного подвига, подростки овладевают огромным духовным богатством.

Такую работу по акции «Ветераны живут рядом» проводят учащиеся школы под руководством наших министерств культурно-массовых мероприятий, печати и информации.

Все эти проекты, затеянные ученическим самоуправлением, работают в школе давно. Но ребята не успокаиваются теми проектами, а продолжают разрабатывать новые социальные проекты. Например: «Спорт против наркотиков», «Вредным привычкам – нет!»

Министры «Школьной республики» – энергичные ребята, являются примерными и имеют своих единомышленников в каждом классе.

Возглавляют их «знатоки своего дела»: в прошлом году – Астемир Тарчоков – активный участник районного и республиканского этапов Всероссийского конкурса лидеров ученического самоуправления; в этом году – Ася Нырова, которая заняла I место в районном этапе и II место на республиканском этапе Всероссийского конкурса лидеров ученического самоуправления.

Так и живет и работает ученическое самоуправление МОУ «СОШ № 3» с. Псыгансу Урванского района.

Такой подход предполагает создание образовательной системы, при которой обучающиеся усваивают родную культуру и язык, и в то же время содержание образования выводит личность в мировое культурное пространство. Следовательно, целью образовательной системы является получение полноценного общего среднего образования, приобщение детей разных этносов к своей национальной культуре, языку, истории, традициям.

Обращение к народному педагогическому опыту, философскому, этнокультурному наследию – важное закономерное условие понимания генезиса мировоззрения личности на этапах развития культуры своего народа и мировой цивилизации, создаются благоприятные предпосылки для гуманизации образования, для нравственного совершенствования личности, а также для сохранения, обогащения и развития этнической культуры.

Воспитание – это педагогически управляемый процесс культурной идентификации, социальной адаптации и творческой самореализации личности, в ходе которого происходит вхождение ребенка в культуру, в жизнь социума, развитие всех его творческих способностей и возможностей. «Ценностно-нормативный образ ребенка и неразрывно связанные с ним цели, задачи и методы воспитания, – отмечает И. С. Кон, – зависят от присущей культуре имплицитной теории человека, которая составляет ядро, стержневую ось так называемой наивной, обыденной, житейской, народной психологии любого народа, нации или этнической группы, интегрируя и суммируя особенности его социального воспитания, ожиданий и оценок». Имплицитная, то есть подразумеваемая теория личности, центральная ценностная ориентация, с которой так или иначе соотносятся все формы социального поведения и в особенности – воспитание подрастающих поколений. Я. А. Коменский, исходя из посылки об общности людей, их потребностей и устремлений, обосновывает универсальное воспитание всего рода человеческого, формирование у детей умения жить в мире с другими, выполнять взаимные обязанности, уважать и любить людей.

Воспитание при этом не навязывает те или иные ценности, а лишь создает условия для их узнавания, понимания и выбора, стимулирует этот выбор и последующую внутреннюю работу ребенка над своими действиями и поступками.

Важным является ценностный подход. Благодаря таким особенностям воспитания, как преемственность, изменчивость и инертность, возможна передача основных ценностей в воспитании от одного поколения к другому, с учетом изменившихся социально-политических, социально-экономических условий. Существенная особенность культуры состоит в наличии в ней традиционных, исторически выработанных народом и отобранных идей – ценностей. Каждая культура отличается от другой эксклюзивным набором ценностей, обуславливающим специфику поведения ее представителей.

Понятие «ценность» охватывает широкий круг материальных и духовных явлений, представляющих собой «знаменатель личности» и служащих условием ее формирования. Человек не выбирает ценности, но признает их в качестве установок для своего поведения. Не имея влияния на сами ценности, человек пытается следовать им, реализуя их.

Если генетическое воспроизводство поколений предопределяется наследственностью, то основу развития духовной жизни составляет непрерывный процесс передачи из поколения в поколение опыта и знаний, материализованной формой которых выступают духовные ценности. Без глубокого осмысления культуры этноса невозможно понять его духовно-нравственные ценности. Человек действует в координатах национальных и общечеловеческих ценностей. Культурное наследие, отражающее ценности разных цивилизаций, представляет собой компонент и обязательное условие социально-экономического и духовного развития общества.

В результате адаптации к определенной системе ценностей образуется личностная (этническая) система ценностей. Самые совершенные ценности человеческого рода должны как бы заново родиться в его опыте, иначе они просто не могут быть адекватно присвоены, т. е. обрести личностный смысл. Во все времена люди являлись носителями исторических ценностей.

Ценности нельзя навязать и отобрать силой, их невозможно купить, продать и подарить в готовом виде. К ценностям невозможно просто приобщиться, их нужно сотворить самостоятельно, создать в себе и воссоздавать каждый раз в каждой ценностной ситуации заново, преодолевая трудности. Ориентация личности на общечеловеческие ценности через этнокультуру рассматривается как феномен, интегрирующий в себе аспекты ценностного освоения человеком окружающей действительности, преобразования субъекта в деятельности и формировании его культуры.

От ориентации системы образования на этнокультуру как интегративный феномен зависит расширение, углубление и личностное принятие объектом образовательного процесса общечеловеческих ценностей, это обеспечивает воспитание чувства принадлежности к своему народу, желание трудиться ради его процветания и счастья, педагогизацию образа мышления этноса, максимальное использование накопленного этнокультурного опыта, исключая понятие «чужой на своей Родине».

Все образовательные системы имеют определенные этнокультурные корни, определяющие своеобразие этнокультур, менталитета и их

разнообразии. Это разнообразие создает этнокультурно обусловленную образовательную динамику взаимного обогащения и развития культур. Функциональный аспект межкультурного измерения показывает, что наряду с широким спектром взглядов существует согласие относительно культуры коренного населения: она должна стать отправной точкой и основным стержнем всякого рода образовательной деятельности. С точки зрения эффективности межкультурного диалога школа в идеале должна превращать всечеловеческие ценности в конкретные, узнаваемые в своем духовном наследии.

Из этих целей вытекают задачи мультикультурного образования: глубокое овладение культурой своего народа как непременное условие интеграции в другие культуры; формирование представления о многообразии мировых культур; воспитание позитивного отношения к культурным различиям, обеспечивающим условия для самореализации личности; развитие умений и навыков продуктивного взаимодействия с носителями различных культур; воспитание в духе толерантности, гуманного межнационального общения; формирование осознанных позитивных ценностных ориентаций личности по отношению к этнокультурам; воспитание уважения к истории и культуре других этносов; формирование способности учащегося к личностному этнокультурному самоопределению.

В условиях возрождения этнической культуры система образования обеспечивает преемственность поколений, возрождение, сохранение и развитие родного языка и этнокультурной традиции в нравственном воспитании подрастающего поколения, превращает общечеловеческие ценности в конкретные, узнаваемые в этнокультурном наследии. Проблемы возрождения этнокультуры и развития личности, включения ее в этносоциальный опыт, приобретают актуальность, это требует обновления содержания учебно-воспитательного процесса в школе: обоснование новых мировоззренческих идей, понятий, категорий личностного их восприятия учащимся и обеспечение реальных возможностей для гуманистического мировоззрения личности, ориентированной на исторические и этнокультурные ценности народа, на утверждение в сознании и поведении учащихся идеалов гуманизма.

Рита АЛОКОВА

Основные задачи патриотического воспитания в Кабардино-Балкарской Республике решаются в ходе реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 гг.».

В 2007 г. принята Республиканская целевая программа «Развитие образования в Кабардино-Балкарской Республике на 2007–2011 гг.», в которой определены приоритетные направления развития воспитания детей в Кабардино-Балкарской Республике.

В Кабардино-Балкарской Республике проводится целенаправленная, систематическая работа по воспитанию у детей и молодежи активной жизненной позиции, гражданственности и патриотизма. В муниципальных органах управления образованием городов и районов республики разработаны и приняты муниципальные программы патриотического воспитания граждан, разработаны планы совместных мероприятий органов управления образованием, отделов по молодежной политике и спорту, отделов культуры, советов ветеранов, РС РОСТО и военных комиссариатов.

Основным приоритетным направлением в работе является формирование у граждан Кабардино-Балкарской Республики духовно-патриотических ценностей, профессиональных качеств и умений, чувства верности конституционному и воинскому долгу.

В рамках реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 гг.» и приоритетного национального проекта «Образование» Министерством образования и науки КБР были проведены республиканские этапы Всероссийской акции и конкурса «Я – гражданин России» и «Я люблю тебя, Россия!»

Республиканский этап VIII Всероссийской акции «Я – гражданин России»

Одним из интенсивных методов включения юных граждан республики в общественную жизнь является социальное проектирование, которое стимулирует активную гражданскую подготовку юношества и позволяет каждому школьнику реально познакомиться с функционированием различных уровней властных структур, средств массовой информации, социологических служб, а также проявить себя в сфере культурной и общественной деятельности.

Республиканский этап VIII Всероссийской акции «Я – гражданин России» проведен с января по март 2008 г. В акции приняли участие 17 общеобразовательных учреждений республики. Задачи Акции:

Образовательные:

- закрепление в процессе практической деятельности теоретических знаний, полученных на уроках обществознания и граждановедения;
- освоение новых форм поиска, обработки и анализа информации;
- развитие аналитических навыков и навыков критического мышления;
- развитие коммуникативных навыков;
- приобретение навыков групповой работы.

Воспитательные:

- привлечение внимания молодых людей к актуальным проблемам местного сообщества;
- формирование у молодых людей чувства гражданской ответственности за социальную обстановку в своих местностях;
- формирование у молодых людей навыков гражданского участия и взаимодействия с органами власти в целях решения актуальных социальных проблем.

В Акции приняли участие группы обучающихся в возрасте 11–16 лет общеобразовательных учреждений республики, учреждений дополнительного образования детей, заинтересованных в том, чтобы внести свой личный вклад в улучшение жизни общества в своем селе, районе, городе, республике, стране.

Принимая участие в Акции, команда при поддержке педагогов (преподавателей обществознания, граждановедения и других учебных дисциплин, заместителей директоров по воспитательной работе, педагогов дополнительного образования и др.) выявили, сформулировали и предложили вариант решения выбранной проблемы, актуальной для их учреждения, микрорайона, села, района, города.

На основании решений оргкомитета (с правами жюри) будут награждены дипломами Министерства образования и науки КБР с вручением памятных призов творческие коллективы – победители республиканского этапа VIII Всероссийской акции «Я – гражданин России»:

I место – МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 6 г. Баксана с углубленным изучением отдельных предметов» (проект «Чужими люди не бывают»), авторы: Павел Гнездилов, Алина Хаваяшхова, Марьяна Жанатаева – учащиеся 10 класса, Диана Проскурякова – учащаяся 9 класса, руководитель: М. Х. Гукетлова, заместитель директора по УВР.

II место – МОУ «Гимназия № 6 городского округа Прохладный КБР» (проект «Гражданин России – герой...»), авторы: Вероника Жуйкова, Юлия Флеммер, Алексей Павленко, Камилла Гусейнова, Юлия Жданова, Гюлар Сабиева – учащиеся 9 класса, руководители: Е. В. Шпичак, учитель истории, О. Н. Киселева, заместитель директора по УВР, О. В. Терентьева, преподаватель истории;

– МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 1» с. Малка Зольского района КБР (проект «Хватит ли на наш век?»), авторы: Марина

Махова, Радима Шогенова, Лиана Дугужева, Залина Бифова – учащиеся 11 класса, руководитель: М. Х. Кокова, учитель истории.

III место – МОУ «Средняя общеобразовательная школа им. Р. А. Батчаевой с. Бабугент» Черекского района КБР (проект «Экономическое развитие Черекского района»), авторы: Эльдар Шаваев, Залина Ульбашева, Эльмира Кульбаева – учащиеся 10 класса, Светлана Никифорова, Фатима Мокаева – учащиеся 7 класса, руководители: З. М. Бозиева, учитель биологии, А. А. Кубадиева, учитель физики;

– МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 20» г. Нальчика (проект «Решение задачи разработки и внедрения оборотного водоснабжения в малых предприятиях КБР»), авторы: Хаджи-Мурат Сарбашев, Кантемир Татаров, Аслан Дугужев, Жанхот Янов – учащиеся 11 класса, руководитель: Ж. А. Дышекова, учитель истории и обществознания. Портфолио четырех победителей республиканской акции решением жюри направлены в оргкомитет VIII Всероссийской акции «Я – гражданин России».

Республиканский этап VIII Всероссийского конкурса патриотической песни «Я люблю тебя, Россия!»

Министерством образования и науки КБР с февраля по март 2008 г. проведен республиканский этап VIII Всероссийского конкурса патриотической песни «Я люблю тебя, Россия!» (далее – Конкурс).

Цель Конкурса: духовно-нравственное, гражданско-патриотическое и художественное воспитание молодежи.

Задачи Конкурса:

– выявление одаренных молодых певцов, а также авторов, создающих песни гражданско-патриотической направленности;

– создание новых песен;

– воспитание художественного вкуса и приобщение молодых исполнителей к лучшим образцам отечественной культуры и искусства;

– создание среды творческого общения молодежи России;

– оказание методической и практической помощи специалистам, работающим в области художественного творчества детей и молодежи;

– оказание методической и практической помощи специалистам, работающим в области художественного творчества детей и молодежи.

В Конкурсе приняли участие обучающиеся образовательных учреждений в возрасте от 14 до 18 лет. Возраст участников определялся на момент проведения финала Конкурса.

Конкурс проводился по следующим номинациям:

• солисты;

• вокальные ансамбли (дуэты, трио, вокальные группы).

Жюри было сформировано из числа известных певцов республики. Решение жюри оформлялось протоколом и не подлежало пересмотру. Жюри оценивало выступление конкурсантов по следующим основным критериям:

- соответствие произведений содержанию Конкурса;
- художественный образ;
- сценическая культура;
- чистота интонации.

На конкурс было представлено 24 участника по двум номинациям. На основании решения жюри будут награждены дипломами Министерства образования и науки КБР с вручением памятных призов победители республиканского этапа VIII Всероссийского конкурса «Я люблю тебя, Россия!»:

Номинация «Соллисты»:

Гран-при – Диана Кожокова, ДШИ № 1 г. Нальчика.

I место – Илья Маланин, МОУ «Гимназия № 1» г. Майского;

– Маргарита Лиман, МОУ «Лицей № 7 с. Новоивановского»
Майского района КБР.

II место – Камилла Свириденко, ДШИ № 1 г. Нальчика;

– Асият Жабоева, МОУ «СОШ с. Аушигер им. К. Карданова»
Черекского района КБР.

III место – Джульета Берхамова, МОУ СОШ № 4 г. Баксана;

– Зарема Тагирова, МОУ СОШ № 1 с. Исламей.

Номинация «Вокальные ансамбли»

I место – ансамбль «Терчаночка» ЦДТ Терского района.

II место – ансамбль «SCREAM», МОУ СОШ № 9 г. Нальчика.

III место – вокальная группа МОУ СОШ № 1 г. Чегема.

Заявка на участие следующих победителей республиканского этапа конкурса будет направлена в оргкомитет VIII Всероссийского конкурса патриотической песни «Я люблю тебя, Россия!»: Диана Кожокова, ДШИ № 1 г. Нальчика, ансамбль «Терчаночка» ЦДТ Терского района (всего 6 человек вместе с руководителем). Финал конкурса будет проведен в г. Курске в мае 2008 г.

*К 175-летию со дня выхода
в свет комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедова*

«Грибоедов – человек громаднейшего ума и ослепительных способностей. Грибоедов – музыкант, математик, дипломат, писатель-стилист, психолог. Может быть, рядом с ним нельзя никого поставить. По разнообразию своих задатков он гениален. Грибоедов – колоссальная, ослепляющая фигура».

А. В. Луначарский

«Подобно тому, что «все мы, – по меткому замечанию А. П. Чехова, – вышли из гоголевской «Шинели», можно сказать: вся русская классическая литература второй половины 19 века (да и после) вышла из грибоедовского «Горя от ума».

К. С. Станиславский

Галина СТРОЕВА,

*учитель русского языка и литературы,
г. Майский*

Судьба книги

«Горе от ума» впервые в России было напечатано в 1833 г. в Москве с цензурными пропусками. Экземпляр этого редкого издания хранится в Государственном литературном музее в Москве. Книга необычная: между страницами вклеены листы бумаги того же формата, исписанные мелким аккуратным почерком. Что это? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к истории, а точнее, к предыстории издания.

Александр Сергеевич Грибоедов был одним из интереснейших людей своего времени. Вышедший из знатной, родовитой семьи, воспитанный саксонцем-губернером, некогда участвовавшим в освободительном движении у себя на родине, он учился в Московском благородном пансионе при университете, а затем и в самом университете вместе с будущими декабристами Н. М. Муравьевым, В. Ф. Раевским, Н. И. Тургеневым и другими. Учился Грибоедов серьезно и страстно: к пятнадцати годам он заканчивает два факультета университета – юридический и философский (по словесному отделению) и продолжает заниматься дома математическими и естественными науками, а также музыкой, живописью, языками. Юному Грибоедову не

удалось участвовать в войне с Наполеоном, он вступил в армию лишь в конце 1812 г. и очень тяжело переживал то, что его полк не был в сражении. По возвращении из армии в 1817 г. Грибоедов поступает на службу в Коллегию иностранных дел, куда по окончании Лицея был зачислен и Пушкин.

А. С. Грибоедов был в начале 1819 г. назначен секретарем русского посольства в Персии и по роду службы был связан с Кавказом. Затем в 1821 г. оставлен в Тифлисе секретарем по иностранной части при русском главнокомандующем на Кавказе А. П. Ермолове. Там, на юге, он проводит более четырех лет, создает первые два действия комедии «Горе от ума».

«Он помнил первые дни, первые месяцы своего здесь пребывания. Медленно освобождался он ото сна; двигался как тень, точно привороженный Москвой и Петербургом; как бы отсутствовал душою. Город, женщины, небо, базар были для него непонятны, как и говор на улицах. А говор был воздушный и захлебывающийся, спотыкающийся, неумолкаемый. А потом, как-то раз, поднимаясь здесь на гору к Ахвердовым, он вдруг понял, что любит это всеобщее тифлисское знакомство и восточную «общежительность», что он выздоровел. И говор стал языком: он стал прислушиваться, гулять по вечерам. И тогда московский свет, который он оставил, стал редеть, сквозить и сделаться непонятен. Он перестал его бояться, и вскоре московские тетушки издали показались и вовсе смешными. Остались в памяти ужимки кузин и женские обиды, хвостовство старичков московских, их покровительство и суетня бессмысленная, у шуб, в передних. Решил, что он больше не ездок туда, и тогда, как бы с отдаленной точки, увидел себя в Москве и ужаснулся сам себе: ведь всего три месяца назад он был на ходу сделать такое дурачество – жениться на какой-то кузине и жить в Москве. Слава богу, что она догадалась за другого замуж выйти. Так он оглянулся на город, и так началось его «Горе от ума» – с тифлисского пункта, с горы Давида» (Юрий Тынянов. Из романа «Смерть Вазир-Мухтара»).

В начале марта 1823 г. Грибоедов получил длительный отпуск и в конце месяца приехал в Москву. Он привез с собой рукопись первых двух частей комедии «Горе от ума» (тогда, в первом варианте, – «Горе уму»), спешит показать ее «другу и брату» С. Н. Бегичеву, мнением которого Грибоедов очень дорожит. Здесь, в Москве, писатель продолжал работать над своей комедией и, чтобы вернее схватить все оттенки московского общества, «пустился в большой свет»: ездил на обеды и балы, до которых никогда не был охотник, а затем уединялся по целым дням в кабинете. А летом друзья отправляются в имение Бегичева под Тулой, где Грибоедов сочиняет 3-е и 4-е действия комедии. На Кавказе единственным слушателем у него был В. Кюхельбекер, будущий декабрист, в Москве первым услышал комедию Степан Бегичев. Предстоит еще большая работа над текстом, многое будет изменено автором, но близкие приятели Грибоедова уже знакомятся с комедией. Поэт сам читает «Горе от ума» в кругу

знакомых. В мае 1824 г. Александр Сергеевич уехал в Петербург. Здесь пьеса снова подверглась переработке, особенно последний акт. Осенью 1824 г. работа была закончена. Комедия вызвала жаркие споры, ее злободневность пугала сторонников власти. Начались цензурные хлопоты. Все попытки напечатать «Горе от ума» полностью не увенчались успехом. Невозможной оказалась и постановка пьесы в театре. Убедившись в тщетности своих усилий, Грибоедов пишет П. А. Вяземскому: «...на мою комедию не надейтесь, ей нет пропуска; хорошо, что я к этому готов был, и, следовательно, судьба лишнего ропота от меня не услышит...» Комедию запретили к публикации и постановке на сцене, только изуродованные цензурой отрывки ее были напечатаны в альманахе «Русская Талия» за 1825 г. Успех комедии был столь велик, что одолел эти внешние препятствия, и она начала расходиться по всей России в сотнях рукописных списков.

Еще в Москве распространился слух о пьесе, и автор читал ее некоторым своим знакомым. В Петербурге чтения были многочисленны. В письме к Бегичеву Грибоедов с восторгом заметил: «Читал свою комедию Крылову, Жандру, Шаховскому... Грому, шуму, восхищению, любопытству конца нет». Ознакомился с комедией в своей ссылке в Михайловском и Пушкин. «Я привез Пушкину в подарок «Горе от ума», – вспоминает его лицейский друг И. Пушин, посетивший Михайловское в январе 1825 г. – Он был очень доволен этою рукописною комедией...» А. С. Пушкин воскликнул тогда: «Прекрасно! Чудно! Я уже не говорю о стихах – половина должна войти в пословицы».

«Горе от ума» было использовано декабристами для пропаганды их политических идей. В записках декабриста Завалишина указывается, что осенью 1825 г. декабристские «литературные деятели захотели воспользоваться предстоящими отпусками офицеров для распространения в рукописи комедии Грибоедова «Горе от ума». Несколько дней кряду собирались на квартире у Одоевского, у которого жил Грибоедов, чтобы «в несколько рук списывать пьесу под диктовку». И комедия начинает расходиться в многочисленных рукописных копиях. Возвращаясь из отпуска в Тифлис, поэт поехал через Украину, там встречался с членами Южного общества декабристов и читал им свое «Горе от ума». После восстания декабристов Грибоедов был арестован одним из первых. Хотя в бумагах почти каждого из подследственных находили отрывки из «Горя от ума», но это не могло быть причиной ареста: комедию совсем недавно разрешили печатать, хотя и в большом сокращении. Грибоедова освободили. Грибоедовские строки были у всех на устах. «Комедия «Горе от ума»!.. – писал «Московский телеграф» в 1830 г. – Кто из грамотных россиян не знает ее наизусть, несмотря на то, что она до сих пор не напечатана и на сцене не была выставлена вполне... Много ли отыщете примеров, чтобы сочинение, листов в 12 печатных, было переписываемо тысячи раз, ибо где и у кого нет рукописного «Горя от ума»? Бывал ли у нас пример еще более поразительный, чтобы сочинение рукописное сделалось достоянием словесности, чтобы о нем судили как о сочинении, известном всякому, знали его наизусть, приводили в пример, ссылались на него и только в отношении к нему не имели надобности в изобретении Гуттенберговом? (т. е. печатном станке. – *Прим. авт.*) Этот случай, почти единственный у нас, есть одна из самых красноречивых похвал «Горю от ума».

Строки комедии широко цитировались на страницах газет и журналов. В 1831 г. в печати появилось любопытное сообщение: «Некто, вырезывая встречавшиеся ему в печати выписки и эпиграфы из «Горя от ума», собирал лоскутки по порядку, в котором находятся они в комедии. Сверив их с имеющимся у него списком, он удостоверился, что ему надобно еще найти только 128 стихов (всего 2221 стих. – *Прим. М. Евсеевой*), чтобы составить печатный экземпляр комедии». Вероятно, и человек, которому принадлежал экземпляр первого издания «Горя от ума» с рукописными

вставками, знал комедию наизусть, или же у него имелся рукописный список, по которому он восстановил отрывки текста, исключенные при публикации цензурой, переписал их от руки и бережно вклеил в книгу. В таком «лоскутном» виде этот экземпляр и до сих пор хранится в музее. С середины 1826 г. Грибоедов снова на Кавказе, где руководит дипломатическими сношениями с Турцией и Персией, участвует в заключении Туркманчайского мирного договора. В 1828 г. он несколько месяцев проводит в Петербурге. Его смелое обращение к Николаю I с просьбой облегчить участь сосланных на каторгу декабристов вызывает недовольство правительства. Опасного вольнодумца постарались услатить подальше: он был назначен послом в Персию. Талантливый и опытный дипломат, Грибоедов успешно отстаивал интересы России на Ближнем Востоке. Это делало его опасным и сильным врагом английских представителей в Иране, борющихся здесь за безраздельное влияние Англии. Против русской миссии был организован заговор. 30 января (1 февраля) 1829 г. вооруженная толпа фанатиков напала на русское посольство. Члены посольства во главе с Грибоедовым защищались героически. Но силы оказались неравны. Грибоедов был убит. «Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов, а мы ленивы и нелюбопытны», – писал Пушкин после трагической гибели Грибоедова. Автор гениальной комедии, которая вот уже полтора века не сходит со сцены лучших театров, оставил удивительно мало «следов»: немногочисленные архивные материалы, всего несколько портретов...

Крылатые выражения из «Горя от ума» Грибоедова

И дым Отечества нам сладок и приятен!

*Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь.*

Счастливые часов не наблюдают.

*Грех не беда, молва не хороша.
Блажен, кто верует, тепло ему на свете!..*

Числом поболее, ценою подешевле.

*Что за комиссия, создатель,
Быть взрослой дочери отцом!*

*Ах! тот скажи любви конец,
Кто на три года вдаль уедет.*

Дистанции огромного размера.

А судьбы кто?

Злые языки страшнее пистолета.

Герой... не моего романа.

*Чины людьми даются,
А люди могут обмануться.*

И золотой мешок и метит в генералы.

Молчалины блаженствуют на свете!

Ба! Знакомые все лица!

С чувством, с толком, с расстановкой.

Служить бы рад, прислуживаться тошно.

Свежо предание, а верится с трудом.

На «чердаке» у Шаховского, или Вещий сон

Небольшой домик на Малой Подьяческой в Петербурге... Когда-то в последний раз ушли отсюда любимые гости князя А. А. Шаховского – Грибоедов, Пушкин, Катенин. Но мысленно они еще долго возвращались к нему. «Один из лучших вечеров моей жизни; помнишь?.. На чердаке князя Шаховского», – напишет Пушкин Катенину в 1825 г. из Михайловского. В каждом письме в Петербург Грибоедов будет передавать поклоны милейшему князю Шаховскому. А в 1820 г. он на один вечер как бы вернется на «чердак» – в далеком звездном Тавризе Грибоедову приснится Петербург. Князь ласково возьмет его под руку, увлечет к широкому окну, наклонится, чтобы прикоснуться головой к щеке (почему-то Шаховскому надо будет наклоняться, хотя наяву Грибоедов значительно выше его), станет допытываться, написал ли что-нибудь новенькое. Вынудит признание, что давно уже нет охоты к письму. Начнет досадовать, а потом, как когда-то перейдет в наступление:

- Дайте мне обещание, что напишете.
- Что же вам угодно?
- Сами знаете.
- Когда же должно быть готово?
- Через год непременно.
- Обязываюсь.

– Через год, клятву дайте...

Пробудившись, Грибоедов поклянется: «Во сне дано, наяву исполнится». И он сдержит слово, правда, с некоторым опозданием: не через год, а через четыре. В 1824 г. он привезет в Петербург «Горе от ума» и прочтет Шаховскому.

Прототип литературных персонажей

В «Горе от ума» Грибоедова Репетилов рисует такой образ:

*Но голова у нас, какой в России нету,
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руку нечист...*

Читатели XIX в. легко узнавали в этом «портрете» графа Федора Ивановича Толстого. Да и сам «прототип» ничуть не сомневался, что речь идет о нем. Однако в списке комедии, принадлежавшем декабристу Ф. П. Шаховскому, рукою самого Толстого сделано уточнение: «в Камчатку черт носил» – «ибо сослан никогда не был», и еще: «в картишках на руку нечист» – верности портрета сия поправка необходима, чтобы не подумали, что ворует табакерки со стола...». Ф. И. Толстой, один из популярных людей XIX в., вошел в историю литературы как прототип нескольких персонажей, адресат эпиграмм и дружеских посланий. В 1803 г. двадцати одного года от роду Федор Толстой принял участие в первой русской кругосветной экспедиции И. Ф. Крузенштерна. На корабле «Надежда», не слишком обремененный делом, Толстой постоянно придумывал разные «шалости». По одной из версий, конец его пребыванию на борту положил случай с ручным орангутангом, зарисовавшим, по его наущению, записки Крузенштерна. Толстой был высажен на Алеутских островах, а по возвращении получил в обществе прозвище Американец. «Американец и цыган, на свете нравственным загадка...» – писал о нем П. А. Вяземский. Толстой действительно был загадкой для современников. В нем удивительно сочетались жестокость и буйное своеволие, презрение к моральным нормам с храбростью и широтой натуры. Он был дважды разжалован в солдаты, и дважды отчаянной смелостью возвращал себе офицерский чин. В августе 1812 г. Толстой самовольно оставил деревню, в которую был отправлен «на житье», и, надев солдатскую шинель, явился на Бородинское поле, где ходил с рядовыми в бой, отличился, был ранен и получил Георгиевский крест. Федор Толстой был участником бесчисленных дуэлей. По счастливому стечению обстоятельств не состоялась его дуэль с А. С. Пушкиным. В южной ссылке поэт узнал, что Толстой Американец распространяет порочащие его слухи. Пушкин написал на

него эпиграмму, строки которой в измененном виде включил затем в стихотворение «Чаадаеву». Толстой, в свою очередь, тоже ответил резкой эпиграммой. Вернувшись в 1826 г. из Михайловского в Москву, Пушкин в день приезда пытался вызвать Толстого, но того не оказалось в городе, а впоследствии конфликт был улажен. Существует предположение, что черты Ф. И. Толстого отразились в образе секунданта Ленского – того, который был «некогда буян, картежной шайки атаман, глава повес». Позднее отношения Пушкина и Толстого изменились. Весной 1829 г. Американец «по просьбе поэта сватал за него Наталию Николаевну». По словам В. А. Жуковского, Толстой был «приятелем своих приятелей», среди которых были П. А. Вяземский, Д. В. Давыдов, К. Н. Батюшков, В. Л. Пушкин. Личность Федора Ивановича интересовала и двоюродного племянника – Льва Николаевича Толстого, который воспользовался рассказами о своем легендарном дядюшке, рисуя образы Долохова в «Войне и мире» и старшего Турбина в повести «Два гусара».

Литература

1. *Грибоедов А. С.* Горе от ума. М.: Просвещение, 1981.
2. *Гончаров И. А.* Избранное. Мильон терзаний. М.: Учпедгиз, 1968.
3. *Дорофеева Л., Лобарев Г.* Круг чтения. М.: Политическая литература, 1989.
4. *Евсеева М.* Поиски, находки, исследования. М.: Художественная литература, 1989.
5. *Маранциман В. Г.* Учебное пособие по литературе для 9 кл. М.: Просвещение, 1994.
6. *Фомичева С. А.* Творчество Грибоедова. М.: Художественная литература.
7. *Коровина В. Я., Збарский. И. С., Коровин В. И.* Литература, учебник-хрестоматия, М.: Просвещение, 2001.

Диана ПРОСКУРЯКОВА,

ученица 9 кл. МОУ СОШ № 6,

г. Бакскан

*«Учителями славится Россия,
Ученики приносят славу ей!»*

*Эльмесова
Людмила Алиевна*

Язык, культура, народ – понятия неразделимые.

В мире много народов, и у каждого свой язык, своя культура, делающие их самобытными, самостоятельными. Пока жив язык – будет жив народ и, наоборот, пока существует народ – с ним будет и его язык. Сохранение языка, культуры является для каждого человека в отдельности и общества в целом важным делом. Языки малых народов требуют самого пристального внимания, самого бережного отношения. Большую роль в этом деле играет школа и, в первую очередь, учителя родных языков, учителя-словесники, как мы говорим.

«Родной язык – святой язык, – сказал поэт, – а нести его людям – еще святее дело», – можем добавить мы. На страницах Вашего журнала мне хотелось бы рассказать о таком человеке, – несущем язык людям, – об учителе кабардинского языка и литературы Людмиле Алиевне Эльмесовой.

Людмила Алиевна живет и работает в г. Баксане, в школе № 6. Родом она из Черкесска, по национальности – черкешенка, приехав сюда поступать в КБГУ, осталась насовсем в наших краях – так счастливо сложилась ее семейная жизнь.

Двадцать шесть лет отдала Людмила Алиевна своему любимому делу – воспитанию детей, воспитанию их красивым умным словом – языком мудрых предков, языком малой родины.

Самая по себе Людмила Алиевна – спокойный, уравновешенный, тактичный человек. Когда узнаешь ее поближе, думаешь: в другой роли, в другой профессии ее и нельзя было бы представить: так подходит ей профессия учителя.

Для учителя-словесника жизненно важно владение языком, словом. Нельзя представить себе учителя вообще, а словесника, филолога – в особенности – с бедным лексиконом, невыразительным языком. В этом отношении Людмила Алиевна – профессионал своего дела. Владение всеми богатствами кабардинского языка она показывает и в жизни, и в работе; свое умение, навыки вкладывает в учеников. У Людмилы Алиевны

очень мелодичный голос (что также немаловажно в профессии педагога). Когда слушаешь ее уроки, ее проникновенную, эмоциональную речь при характеристике литературных героев, приходят на память строки: «Глаголом жги сердца людей...» Вот и Людмила Алиевна зажигает наши сердца, сердца учеников светом добра, мудрости, справедливости. Тем более, что есть все это в языке, литературе, которые она преподает.

Людмила Алиевна Эльмесова пользуется заслуженным признанием в своей работе; у нее много благодарностей, поощрительных грамот за активное участие и победы ее учеников в конкурсах, организацию и проведение различных мероприятий на городском и республиканском уровнях. Недавно было проведено торжественное чествование республиканского журнала «Ошхамахо», отмечался 50-летний юбилей. Мероприятие было проведено на базе МОУ СОШ № 6 г. Баксана, и Л. А. Эльмесова явилась активным организатором этого большого мероприятия. Она также принимает активное участие в ежегодно проводимом проекте «Родной язык – святой язык», в 2006 г. удостоена Почетной грамоты МОН КБР.

Ученики Л. А. Эльмесовой успешно участвуют в олимпиадах и конференциях. В этом учебном году ученица 9 класса М. Анежева заняла I место – в городской и II место – в республиканской олимпиаде по кабардинскому языку.

Работа группы учащихся 9 класса «Мифологическая обрядовая поэзия адыгов» заняла I место в секции «Этнография» на Республиканской научно-практической конференции «Сигма», ребята приглашены с этой работой для участия во Всероссийской конференции молодых исследователей в г. Обнинск. Все это и многое другое – достойная награда ежедневного, кропотливого труда учителя.

Мы желаем Людмиле Алиевне дальнейших творческих успехов в ее благородном труде, пусть оправдаются в учениках ее чаяния, надежды. Ведь:

Учителями славится Россия,
Ученики приносят славу ей!

Людмила ЭЛЬМЕСОВА,

учитель кабардинского языка и литературы

г. Баксан

Мотивы миролюбия в адыгских малых жанрах (воспитание толерантности на уроках кабардинской литературы)

Фольклор – средоточие и хранилище многих прогрессивных народных традиций и народной мудрости. Историческая память народа дает нам возможность раскрыть красоту подлинно национальных традиций, связанных с такими общечеловеческими понятиями, как честь и достоинство, доблесть, патриотизм, ибо одной из важнейших функций фольклора, помимо эстетической, было духовное воспитание человека, его нравственное совершенствование. И в этом его непреходящий смысл.

Фольклор народов является действенным фактором формирования духовного мира нашего современника. Формы его вхождения в современную жизнь самые разнообразные.

В современной художественной культуре духовный опыт прошлого занимает значительное место и играет важную роль. В стремлении сделать своих сограждан лучше, нравственно совершеннее, народ вложил всю силу своего гения в произведения разных жанров устного народного творчества. Выявить эти идеи, осмыслить их с позиций современности, определить их значение в наши дни – задача большой научной и идеологической важности.

Об интернациональных устремлениях адыгов ярко свидетельствуют их эпические традиции. Они воплощены в нартском эпосе, в сказочных и лирических жанрах, героических песнях, в малых жанрах – пословицах, поговорках, загадках.

Будучи глубоко народным, гуманистическим явлением, афористическая поэзия адыгов содержит мотивы братского отношения к другим народам. Отраженные в них идеи, образы, нравственные принципы носят глубоко интернациональный характер. Они идентичны не только у этнически близких народов, но и многих народов мира. А такой величественный эпический памятник мировой художественной культуры, как «Нарты», является плодом совместного творения многих кавказских народов.

Фольклор, прививая любовь к родному народу, ко всему возвышенному и прекрасному, вызывает такие же чувства, такую же любовь и уважение к другим народам, к их культуре, какие мы можем наблюдать по отношению к родному языку, к родному краю.

Уважительное отношение к русскому народу, к культуре и обычаям других народов обнаруживают пословицы и поговорки: «Адыгэр уэщц, урысыр пхъэпсц» – «Адыг колунум, русский рубанком»; «Псэ хальхъэфкъым мыхъумэ, урысым ямышцІэф шыІэкъым» – «Только жизнь не могут вдохнуть, а в остальном нет такого, чего бы русский не сделал»; «Хамэ хэку укІуэмэ, я фашэ зыщытІагъэ» – «Если собираешься в чужую страну, то одевайся в одежду того народа, в чью страну думаешь ехать», или адекватное – «В чужой монастырь со своим уставом не суйся».

Функции фольклора многообразны. Он выполняет не только художе-

ственно-эстетические функции, но и функции народной истории, народной философии, народной социологии, народной педагогики и т. д. Адыгский фольклор, как и фольклор других народов, отличается идейными и художественными достоинствами. В нем отразился многовековой опыт народа, его думы и чаяния. Адыги всегда ценили значение метко сказанного слова, песни, сказания.

Самым ярким проявлением миролюбия адыгов является гостеприимство. Обычай гостеприимства служили средством укрепления дружеских связей между людьми. О глубоком уважительном отношении адыгов к гостям говорят многочисленные пословицы и поговорки: «Унэр хьэщцэм и Гуэхутхьэбзэщ» – «Дом – гостю служитель»; «Хьэщцэм пщцэ и Гуэ кьегьэблагъэ» – «Встречай гостя с почетом»; «Хьэщцэ кьакгуэм, насыпи кьыдокуэ» – «Вместе с гостем в дом идет и счастье».

Распространенная адыгская пословица «Гостя обхаживай, хорошего человека – почитай» звучит как один из важнейших принципов адыгской народной педагогики, и он является отражением глубокого гуманизма народа.

Адыги – люди приветливые и гуманные, очень дорожат дружбой с теми, кто отвечает взаимностью. Обычай гостеприимства адыгов отразились в работах Л. Я. Люлы, Ш. Б. Ногмова, А. А. Кучерова и других. О глубоком уважительном отношении адыгов к гостям сказано очень многое М. Г. Загазетовым в «Очерках по адыгской народной педагогике» (Нальчик, 1996). Издавна адыги поддерживали тесные экономические и культурные отношения с окружающими их народами. Они широко обменивались культурными ценностями. Благодаря этим связям развивались дружественные отношения между народами и взаимное доверие. Мечты о мире и дружбе с представителями разных народов отразились в половицах и поговорках. Эти идеи неотделимы от идей мирной жизни и труда, защиты Родины.

Крупнейшие черкесские народные сказители, певцы, поэты вопреки политике отдельных князей веками воспитывали в широких массах черкесов чувство уважения к соседним народам. Например, «Уи гьунэгьур уи Гуэпгьумэ, уехульащ» – «Суший клад – когда с соседом мир и лад»; «Гьунэгьу Ией благъэ фымышц» – «С плохим соседом не роднись»; «Гьунэгьу кьуэшыфц папщцэщ» – «Хороший сосед – это брат хороший», и др.

Исследуя фольклор разных народов, мы видим много общего, что является доказательством добрососедства, сотрудничества, дружеских взаимоотношений разных народов. И фольклор адыгских народов не является исключением из этого. Небольшое исследование, приведенное здесь, является ярким свидетельством одного из главных качеств адыгского народа – миролюбия. Таковым остается он и сейчас. Адыгский народ, (адыгейцы, черкесы, кабардинцы) свято чтят обычаи, законы своих предков, воспитывает молодое поколение в лучших традициях своего народа, прививая им любовь к труду, уважение к старшим, почитание обычаев гостеприимства.

Толерантность – такое необходимое сейчас качество – всегда была присуща адыгскому народу, в каких бы сложных исторических обстоятельствах он ни оказывался. Мудрость, заложенная предками, веками, – непреходяща. Мудрость, миролюбие, уважение к другим народам – черты, которые всегда были присущи адыгскому народу, воплощали честь и достоинство, давали силы жить во все времена.

Елизавета ШЕБЗУХОВА,

*руководитель межшкольного объединения
учителей русского языка и литературы,
Зольский р-н*

Формирование информационной культуры школьников – неотъемлемая составная часть учебной деятельности

Современному обществу нужны образованные, созидающие, умеющие управлять своей жизнью и готовые принять участие в жизни других людей граждане. Учить этому нужно с детства: то, что заложено в детстве, потом развивается и совершенствуется. От состояния культуры детства зависит культура всего общества.

Нравственно-эстетические и духовные потребности современных детей и подростков – категория изменчивая, что связано с влиянием средств массовой информации, компьютерных технологий, аудио- и видеокультуры.

В последние годы произошло осознание фундаментальной роли информации в общественном развитии.

Современный человек должен не только уметь читать, писать, говорить, но и обладать функциональной грамотностью, дающей возможность каждому не просто получать информацию, но и уметь ее оценить и применить для себя, сделать ее полезной. Высокое качество образования невозможно без высокого уровня информационной культуры как учащихся, так и учителей. Обновляется образование, вводятся новые программы, технологии обучения. Но главным остается умение учащихся учиться, быстро реагировать на изменения, критически мыслить, искать и перерабатывать необходимую информацию.

Нужно учитывать современные реалии. Наше время называют «веком информации». Наша задача усложняется: наряду с привитием любви к книге, мы должны работать над формированием информационной культуры школьников. Ежедневно до нас доходит все более нарастающий поток информации, который отнимает у нас все больше времени. Сориентироваться в этом безбрежном море информации поистине непросто. Для всех членов общества возрастает необходимость постоянного повышения квалификации, обновления знаний, освоения новых видов деятельности. Признаком информационного общества является утверждение культа знаний. Все больше требуются специальные поисковые знания. И не обойтись без них сегодня никому: ни ученому, ни преподавателю, ни студенту, ни учащемуся. И в связи с этим возрастает роль библиотекарей, учителей русского языка и литературы: они сами должны обладать не только поисковыми знаниями, но и уметь их привить пользователям информации. Огромную роль приобретает вопрос: что именно мы читаем, как выбираем объекты чтения. В связи с этим меняются задачи, стоящие перед нами. Сегодня школьная библиотека, учителя должны учить самостоятельности в поиске информации. Ведь учащийся, становясь независимым в поиске знаний, может добиться большего и в школе, и во взрослой жизни, будет способен видеть и оценивать разные точки зрения, судить о них разумно.

Современные учащиеся пользователи будущего. Понятие «пользователь» шире понятия «читатель» и включает в себя не только чтение как процесс

восприятия информации из печатного текста, но и обращение к другим видам информации. Поэтому формирование информационной культуры личности неразрывно связано с деятельностью образовательных учреждений. Современная система образования призвана формировать умение учиться ориентироваться в массивах информации, извлекать знания.

Вместе с тем, педагогов и библиотекарей всего мира беспокоит отчуждение детей от серьезного чтения, что качественно снижает уровень интеллекта личности, не дает пищи для работы ума и души. Они очень обеспокоены тем, что современные дети очень мало читают.

Как же решить главную задачу – воспитание творческого читателя? Как привить ребенку любовь к чтению? Как научить школьников навыкам избирательного чтения, критическому осмыслению литературы, самостоятельному поиску и переработке информации? Многие специалисты уверены в смерти обычной книги, какой бы привлекательной она ни была для нас. Ни запах бумаги, ни шелест страниц не спасут ее? Наши дети будут вспоминать книжку по пощелкиванию мышки, клавиши, запаху пластмассы, ощущению помигивающего экрана? Бумажная книга лет через 15–20 станет таким же раритетом, как грампластинки? И вообще, актуальна ли сегодня, в наше время, проблема привития любви к чтению?

На все эти вопросы ответ один: книга останется, несмотря ни на какие технические достижения общества. Нужно культивировать культуру чтения так, чтобы для ребенка встреча с книгой всегда была праздником, чтобы ребенок имел желание читать и перечитывать понравившиеся ему произведения вновь и вновь. Помочь ребенку открыть необъятный мир духовных ценностей, развивать его художественные и творческие способности, постоянно поощрять и стимулировать его интерес к книге – главная задача проблемного межшкольного методического объединения учителей русского языка и литературы, начальных классов и библиотекарей нашего района. Для достижения этой задачи методобъединение использует различные формы и методы работы: уроки-игры, уроки-путешествия, уроки-практикумы, интегрированные уроки (музыка и литература, живопись и литература). В рамках работы МПМО осуществляется тесная связь учащихся со школьной и сельской библиотекой, изучаются читательские потребности детей через анкетирование. Для организации домашнего чтения привлекаются родители, проводятся совместно с библиотеками фестивали детской книги «Книга в моем доме».

Большое внимание уделяется вопросам литературного краеведения. Проводятся читательские конференции, вечера поэзии. В литературе поэзия всегда занимает особое положение: общение со стихами требует от человека определенной подготовки. Читать и понимать стихи гораздо труднее, чем рассказы, повести, романы. Слушать стихи – проще, а вот читать самому, при этом понимать читаемое и получать от него удовольствие – далеко не каждому удастся. Многие обделены этим умением, многие и многие не могут, не умеют наслаждаться поэзией, не понимают ни ее красоты, ни ее облагораживающего душу начала. Пробудить открытую для впечатлений душу маленького человека, показать ему «чудо поэзии» – в этом тоже смысл нашей работы.

Любовь к чтению не возникает автоматически, нужно прививать к нему вкус. Слово – поэтическое, художественное – мощно воздействует на умы и сердца людей, и нам всем нужно помнить, что литература активно участвует в воспитании общественном, интеллектуальном, эмоциональном...

Изабелла БИЧИЕВА,

*к. и. н., ст. преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Краснодарского университета МВД России
Нальчикского филиала*

Просветительство как одна из форм социальной активности балкарской интеллигенции в конце XIX – начале XX вв.

Важнейшими областями применения творческих сил и активности формирующейся балкарской интеллигенции была просветительская деятельность и участие в становлении светского образования на своей исторической Родине.

Социокультурная среда, в которой существовала балкарская интеллигенция, ее немногочисленность способствовали тому, что одной из основных сфер ее деятельности стало просветительство.

У балкарского просветительства имеются сходные черты с адыгским, проявляющиеся в специфике феодально-патриархального уклада жизни, против которого интеллигенция не была радикально настроена. Также своеобразие балкарского просветительства проявляется в его социальной базе – носителями идеи просветительства в большинстве своем у балкарцев были выходцы из высшего сословия, так называемой либеральной горской аристократии.

Одним из основных направлений применения творческих сил горской интеллигенции стало участие в формировании системы образования. «Одна из основных тем творчества просветителя (М. Абаев) – необходимость открытия начальных школ в аулах, сельскохозяйственных школ и училищ». Почти во всех публикациях М. Абаева в той или иной мере затрагивается тема школьного образования. Вопросы обучения горцев были в центре его просветительских задач. Занимая ответственные посты в администрации Терской и Кубанской областей, М. К. Абаев оказал большое содействие открытию школ и училищ в аулах Карачая, Балкарии, Черкесии, Адыгеи. Серия статей, опубликованных в газете «Кубанские областные ведомости», непосредственно посвящены разъяснению роли школы в жизни народов Северного Кавказа. Статьи «Горцам Северного Кавказа», «Кабарда проснулась», «Открытие Панежукаевского училища», «О горских школах», наполнены неподдельным беспокойством о судьбе горской школы». «Отрадно отметить, что Кабарда и сопредельные с ней горские общества Нальчикского округа наконец вступили на культурную дорогу... Красноречивым доказательством этого служит история преобразования Нальчикской горской школы в реальное училище и открытие приемного покоя для больных».

В целях и задачах, поставленных горской интеллигенцией в отно-

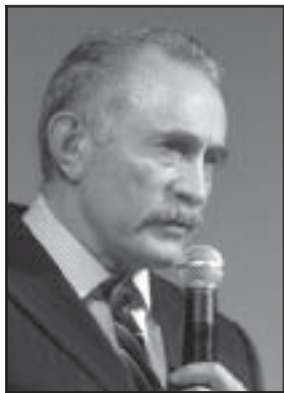
шении светского образования, четко прослеживается желание защиты национальных, политических интересов своего народа, его культуры. Недооценка социального статуса и функционирования родного языка, насаждение исключительно русского языка и письменности, приводили к обострению национальных чувств народа.

В 1882 г. была создана одна из наиболее солидных общественных организаций города Владикавказа и Терской области – «Благотворительное общество для распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области». Членами первого правления «Благотворительного общества для распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области» стали представители горской интеллигенции – М. Далгат, М. Кипиани, И. и Дж. Шанаевы, А. Урусбиев. 26 мая 1900 г., в юбилей А. С. Пушкина, Общее собрание Благотворительного Общества для распространения образования и технических сведений постановило открыть для учащихся горцев общежитие в городе Владикавказе, в котором «сосредоточены учебные заведения, дающие выход к более высшему образованию горцам». Общее собрание, выбрав этот тип учебного заведения, мотивировало это тем, что «только незначительная часть учащихся горцев живет в пансионах учебных заведений, – большинство же пребывает в неподходящей ученической обстановке, что не может не отражаться губительно на их успехах». Не имея с первых дней школьной жизни «опытного руководства в своих внеклассных учебных занятиях, не имея соответствующих учебных принадлежностей, книг и журналов для чтения, не зная разумных развлечений, ученики-горцы, при всех своих природных способностях и рвению к образованию, должны поневоле сильно отставать от своих товарищей, и очень многие из них принуждены бывают выходить недоучками, несмотря на то, что родители не жалели на их воспитание последних своих средств». Вскоре был опубликован Проект о Владикавказском общежитии с подготовительной школой имени А. С. Пушкина, устраиваемой Обществом среди осетин, кабардинцев, горских обществ Кабарды, ингушей, чеченцев и кумыков. Общество сыграло исключительную роль в деле просвещения горцев и подготовке специалистов, а также в формировании горской интеллигенции. За счет Общества горцы учились не только в северокавказских городах, но и Московском университете, Тифлисском учительском институте, Томском университете, Санкт-Петербургском лесном институте и др., что является свидетельством консолидационных тенденций в среде горской интеллигенции.

Самара САРАЛЬПОВА

ДЕЛО ЧЕСТИ

Аслаханов
Асламбек Ахмедович

В конце марта в городе Нальчике, столице Кабардино-Балкарии, состоялась встреча Асламбека Ахмедовича Аслаханова – советника президента РФ, президента Ассоциации работников правоохранительных органов РФ со студенческой молодежью республики. Инициатором выступил Северо-Кавказский Государственный институт искусств.

Поводом для встречи послужил телевизионный восьмисерийный сериал «Дело чести», который в октябре 2007 г. вышел в эфир телеканала «Россия». Прототипом главного героя телевизионного сериала Руслана Асхабова является А. А. Аслаханов. Фильм произвел немалый резонанс во всей России, а в Кабардино-Балкарии особенно.

Телепроизведение рассказывает о событиях 1996 г., сложных взаимоотношениях России и Чечни, острой борьбе за политическую власть. Картина помогает понять зрителю, что у мафии нет национальности, и приоткрывает тайну возникновения «чеченского» конфликта и управления им.

«Дело чести» – это политический детектив о депутате Государственной Думы Руслане Асхабове, прошедшем путь от лейтенанта милиции до генерала МВД. Его назначают руководителем комиссии по контролю над расходованием финансов, выделенных на восстановление Чечни. Р. Асхабов собирается выдвинуть обвинение против высших чинов власти, которые расхищают деньги. В ответ те нанимают столичного журналиста, чтобы он скомпрометировал Асхабова...

Режиссер фильма Андрей Черных. В сериале снимались многие знаменитые российские актеры и популярный в Кабардино-Балкарии артист кабардинского драматического театра им. А. Шогенцукова, доцент СКГИИ Басир Шибзухов. Также в фильме снимался и выпускник СКГИИ. И, наверное, можно считать, что СКГИИ имеет прямое отношение к обсуждаемому фильму и встреча с прообразом главного героя А. А. Аслахановым не случайна. Зрителям в Кабардино-Балкарии, конечно же, было очень приятно наблюдать за игрой своего земляка.

Тема встречи «Глубинные процессы развития и становления личности» – на примере образа А. А. Аслаханова.

Встреча прошла в теплой доверительной атмосфере. У микрофона в зале создалась длинная очередь желающих задать свой вопрос гостю.

И это не удивительно, ведь такой образ, образ настоящего человека, настоящего профессионала, настоящего мужчины, и, наконец, настоящего кавказца – сегодня большая редкость на экране. В современном обществе «героем нашего времени» на ТВ стал человек, умеющий делать деньги, особенно в сериалах. Герои – патриоты, герои труда исчезли с экрана современного ТВ. Если в советский период образом для подражания был образ Павла Корчагина, то сегодня – образы героев сериалов, подобных «Бригаде».

Известно, что телевидение давно стало средой обитания большинства людей и это повышает его ответственность за то, что оно выносит в эфир. Был большой период, когда формирование общественного сознания шло посредством непрерывной, навязчивой демонстрации далеко не лучших образцов западного кинематографа. Внедрение в жизнь чуждых российскому менталитету стереотипов с помощью художественно-выразительных средств экрана приводит к отказу от собственных традиционных культурных ценностей и внедрению асоциальных норм поведения.

Ведь общеизвестно, что молодежь, которая не получила традиционного воспитания, очень часто лишена нравственности. «Нельзя создать полноценную личность без чувства национального достоинства. Общечеловеческая мораль только тогда хороша, когда она опирается на родовую, даже племенную особенность» (Беляев И. К. Спектакль документов. М.: Издательский дом Гелиос, 2005).

Образ главного героя телесериала представлен именно как полноценная личность с чувством собственного и национального достоинства. И такая личность, естественно, вызвала к себе симпатию и уважение, а через нее и к народу, к которому она принадлежит.

Можно сказать, что сегодня ситуация в системе вещательной политики государства начинает меняться. В сетке вещания центральных каналов стали появляться телевизионные работы о жизни и состоянии российского общества. Телесериал «Дело чести» является одной из них. Этот сериал стал первой попыткой вернуть позитивный взгляд на Кавказ и кавказцев. В телесериале удалось с помощью художественно-выразительных средств экрана проникнуть во внутренний мир героя, раскрыть его сущность, выявить и проанализировать глубинные процессы развития и становления его личности в непростых условиях. Образ героя затронул зрителей своей открытостью, своим жизнелюбием, свободным духом, четкой жизненной позицией. На экране возник человек без маски.

В современном российском обществе отсутствие идеологии сказывается на выборе правильного вектора молодым человеком, который вступает в жизнь. Потому, обсудив в очередной раз телесериал вместе со студентами, сотрудники Северо-Кавказского института искусств во главе с ректором А. И. Рахеевым приняли решение, что встреча с А. А. Аслахановым, прототипом главного героя Руслана Асхабова, может помочь студентам в определении позитивных ориентиров в их дальнейшей жиз-

ни, способствовать обретению внутренней устойчивости и жизненной прочности.

Объем телевизионного сериала не позволил полностью его посмотреть. Зрителям в зале был представлен только ролик из восьмисерийного фильма «Дело чести». Но А. А. Аслаханов сделал подарок молодежи – он предоставил им прекрасную возможность стать первыми зрителями телевизионного документального фильма «Асламбек». В документальном фильме создан образ Асламбека Ахмедовича. Данный фильм стал основой для телесериала «Дело чести». После просмотра фильма Асламбек Ахмедович признался, что он вместе с молодежью Кабардино-Балкарии первый раз увидел фильм от начала до конца.

Фильм вызвал много вопросов. Вместе со студентами СКГИИ вопросы задавали студенты КБГУ, представители молодежных объединений, средств массовой коммуникации, МВД и т. д. Вопросы касались различных сторон жизни, несли политический, социальный, личный и даже романтический характер.

В современном мире, где сосуществование многонационального, многоконфессионального общества подвергается ударам разных террористических группировок на религиозной или национальной почве, очень важно, чтобы ставшее в последнее время очень модным слово «толерантность», не оставалось просто словом. Было очевидным, что и молодежь Кабардино-Балкарии серьезно задумывается над всем этим.

Образ сильного духом и волей человека родил у зрителей много интересных вопросов, на которые А. А. Аслаханов ответил с удовольствием и достаточно полно.

Данная встреча имеет большое значение не только в области воспитания молодежи. В республике почти не бывает мероприятий, имеющих отношение к области экранного искусства. Ведь сегодня мир невозможно представить без телевидения. Оно проникает во все регионы, в самые отдаленные уголки планеты и предоставляет всем людям возможность познакомиться с культурой того или иного этноса посредством пластическо-звуковых средств экрана. А «общепонятность» знаков и символов телевидения делает его интернациональным. В последнее время многие исследователи как важнейшую стали называть интегративную функцию телевидения. Подобное мнение представляется справедливым, поскольку в современном обществе, разобленном государственными границами, национальными особенностями, религиозными пристрастиями и материальным неравенством, ни один идеологический институт не может сыграть той консолидирующей роли, какую способно сыграть телевидение. Пример – телевизионный сериал «Дело чести». И студенты кафедры «Режиссура кино и ТВ» СКГИИ получили великолепную возможность осмыслить и проанализировать современную экранную продукцию на примере восьмисерийного телесериала в такой масштабной форме, сравнить образ экранный и образ реальный.

У режиссера к началу работы была прочная драматургическая конструкция данного телевизионного произведения – определенный период биографии А. А. Аслаханова. В процессе поиска художественно-выразительных средств он отталкивался от его психологических свойств, мировоззрения, опыта, интеллекта, интуиции. Несмотря на некоторые недостатки фильма в плане монтажа, экранное воплощение замысла раскрыло внутренний мир, систему жизненных ценностей героя, создало атмосферу времени.

К концу встречи Асламбек Ахмедович отметил: «Я рад тому, что эта встреча проходит именно в Кабардино-Балкарии. Кабардино-Балкария исторически была самой дружественной республикой, тут живут прекрасные люди, очень добрые по натуре, симпатичные, всегда помнящие добро и желающие делать добро другим».

Очередь у микрофона не сокращалась, и гость старался не оставлять без ответа никого. На предложение завершить встречу, он ответил: «С такой молодежью я готов до утра разговаривать. Эта встреча как глоток свежей родниковой воды в пустыне».

Малиль КОЖОКОВ, Артур КОЖОКОВ

Ботанический состав и продуктивность сеяных и естественных кормовых угодий в условиях КБР

В зависимости от экологических условий и учитывая вертикальную зональность рельефа КБР ботанический состав естественных кормовых трав подразделяется на следующие виды сена:

- бобовое (сеяное),
- злаковое (сеяное),
- бобово-злаковое (сеяное)

и сено естественных кормовых угодий.

Сено болотное получают с болот и заболоченных лугов. В этом сене преобладают осока, ситники, тростник, хвощ болотный, камыш, вейник, канареечник тростниковидный, рогоз, таволга вязолистная. Бобовые травы почти отсутствуют. Урожай сена от 5 до 25 ц с 1 га.

Сено заливных лугов. Поймы по своим природным особенностям очень разнообразны, и встречаются участки, различные по увлажнению, механическому составу почвы и т.д., что обуславливает большое различие в качестве сена.

В связи с этим ботанический состав и урожайность краткопойменных лугов сильно варьируются.

В лесостепной и степной зонах на незасоленных сухих краткопойменных лугах в состав сена входят: пырей ползучий, вейник наземный, острец, а на влажных – осоки. На засоленных лугах в зависимости от влажности участка – житняк гребневидный, шелковица, овсяница тростниковидная, лисохвост луговой, камыш озерный и т. д.

В долгопойменных лугах широко распространены костер безостый, пырей ползучий, полевица белая, канареечник тростниковидный, овсяница луговая, тимopheевка луговая, вейник наземный; из бобовых – клевер красный, горошек мышиный, люцерна желтая, клевер розовый; из разнотравья – щавель конский, борщевик.

При выполнении необходимого комплекса культуротехнических работ урожай с участков долгопойменных лугов очень высокие – 25–30 ц и более высококачественного сена с 1 га.

Сено лесное по своему качеству близко к луговому. Сено более низкого качества заготавливается на слабоосвещенных полянах. В таком сене много несъедобных и вредных для скота трав, часто встречается мох, листья деревьев. Из злаковых и бобовых трав преобладают мятлик лесной, душистый колосок, овсяница лесная, чина лесная, вейник лесной, перловник поникший, вика, клевер средний, тимopheевка луговая, ежа сборная; из разнотравья – клевер луговой, живучка ползучая, сныть. В лесах нередко произрастают ядовитые травы: аконит, звездчатка лесная, ландыш и другие. Урожайность лесных лугов – 8-14 ц сена с 1 га.

Сено суходольных лугов. Для заготовки сена обычно используют участки нормальных и временно избыточно увлажненных суходолов. В сене преобладают из злаковых трав: душистый колосок, полевица обыкновенная, овсяница луговая, белоус; на более влажных участках – овсяница луговая, тимофеевка луговая, ежа сборная. Из разнотравья встречаются манжетки, лапчатка лесная, василек луговой, лютики; из бобовых – клевер красный, мышиный горошек, лядвенец рогатый. Урожай суходольных лугов не превышает 8–10 ц сена с 1 га.

Сено из сеяных многолетних трав. Из многолетних бобовых трав наибольшее значение имеют клевер красный, люцерна и эспарцет. Урожай бобовых трав бывает очень высокие. Урожай люцернового сена нередко достигают в среднем 70–80 ц с 1 га.

Еще большие урожаи получают при возделывании бобовых трав в смеси со злаковыми травами – тимофеевкой луговой, ежой сборной, костром безостым и т. д.

Урожайность бобовых трав связана с их особой требовательностью к воздушному, водному, пищевому режимам, кислотности почвы и т. д. Питание бобовых трав азотом связано с жизнедеятельностью азотфиксирующих клубеньковых бактерий, которые требуют достаточного притока воздуха. Поэтому на сырых, заболоченных лугах и на кислых почвах бобовые травы растут плохо.

Из злаковых трав важнейшими являются тимофеевка луговая, овсяница луговая, костер безостый, житняк и др. Большая пластичность злаков, большая приспособляемость их к местным условиям позволяют им занимать ведущее место в травостоях кормовых угодий.

Горное сено очень разнообразно по ботаническому составу. В зависимости от высоты, горные луга разделяются на горно-луговые, высокогорные субальпийские и лугово-степные. Горно-луговые расположены в лесном поясе по полянам. В травостое встречаются ежа сборная, полевица, райграс высокий, пырей ползучий, вейник, борщевик, василистник, чемерица, вика, эспарцет, клевер и т. д.

Высокогорные субальпийские луга расположены на высоте 1800–2000 м над уровнем моря. Травостой очень разнообразный. Чаще встречаются овес пушистый, костер пестрый, вейник, аконит, купальница, борщевик, чемерица, эспарцет Биберштейна, язвенник кавказский, тимофеевка луговая и альпийская, вика и т. д.

Сено горных лугов богато протеином, сравнительно мало содержит клетчатки, отличается особым ароматом и высокой питательностью.

Кроме больших урожаев сена, бобово-злаковые смеси улучшают структуру почвы, способствуют накоплению азота за счет фиксации азота воздуха, поддерживают баланс гумуса в почве, препятствуют возникновению водной и ветровой эрозии почв. В силу указанных свойств, бобово-злаковые смеси содействуют повышению урожая последующих за ними в севообороте сельскохозяйственных культур.

1. Александрова В. Д. Естественные кормовые угодья СССР. Бот. журн., 1967. Т. 52. № 3.
2. Полябовская В. М. Учет обилия и размещения видов в естественных растительных сообществах. М., Л.: Наука. Т. 3.
3. Шхагапсоев С. Х., Волкович В. Б. Растительный покров Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 2002.

Аминокислотный состав кормов

Нормирование кормления сельскохозяйственных животных, оценка кормовых культур по содержанию протеина и его качеству позволяют существенно повысить эффективность использования питательных веществ и энергии рационов, комбикормов, экономно использовать ресурсы кормового протеина, особенно в свиноводстве и в птицеводстве.

Обеспечение животных незаменимыми аминокислотами позволяет устранить специфические нарушения обмена веществ, вызываемые недостатком отдельных аминокислот, и максимально выявить генетически обусловленную продуктивность организмов.

Аминокислотный состав растений, кормов и отходов промышленности изменяется в зависимости от условий произрастания и от технологии производства. Данные аминокислотного состава кормов позволяют правильно оценить и использовать белковые ресурсы страны в питании человека и животных.

У кормовых растений изменчивость аминокислотного состава обусловлена видовыми наследственными особенностями и разнообразными условиями среды обитания (географическая изменчивость, почва, климат, агротехника). Аминокислотный состав протеина зависит от сорта, условий питания. Разные сорта в пределах вида, разные вегетативные органы растений имеют неодинаковый колеблющийся аминокислотный состав. У растений аминокислотный состав меняется на протяжении суток.

При различных условиях минерального питания содержание аминокислот в растениях и соотношения их изменяются. Улучшить биологическую ценность протеина кормовых растений можно внесением удобрений, микроэлементов, особенно серы.

Вопросы, связанные с влиянием условий на биологическую ценность белков растений, изучены недостаточно, и разные авторы приходят к противоречивым выводам.

Содержание аминокислот в зернах кукурузы и других культур в пределах области и одного сортоучастка значительно колеблется.

Трава естественных угодий разнообразна по ботаническому составу, соотношению видов растений; она произрастает на больших территориях разного рельефа, в отличающихся географических условиях. Питательное

достоинство травы зависит от времени и способов использования, от климатической характеристики года.

Трава пастбищ отличается высоким содержанием протеина хорошего качества (в среднем 4,1 %) и особенно горных пастбищ (6,6–7,0 %). Лизина в траве пастбищ на 1 кг корма содержится в среднем 1,9 г с колебаниями от 0,2 до 4,3, при засыхании растений количество лизина снижается до 0,2 %.

Таблица 1

Аминокислотный состав травы естественных угодий

Аминокислоты	В 1 кг (г)		% к протеину	
	среднее	от–до	среднее	от–до
Протеин (%)	4,1	2,9–7,0	–	–
Лизин	1,9	0,2–4,3	4,6	0,4–9,0
Метионин	0,8	0,1–1,1	1,9	0,2–3,5
Цистин	0,6	0,2–0,8	1,5	0,4–2,0
Триптофан	0,3	0,2–0,4	0,8	0,7–0,9
Аргинин	2,5	0,8–2,6	6,1	0,2–6,9
Гистидин	1,4	0,5–2,1	3,4	1,2–6,8
Лейцин + изолейцин	3,5	1,8–5,3	8,5	4,5–14,1
Фенилаланин	1,3	0,3–2,9	3,2	0,6–5,3
Треонин	1,6	0,2–3,1	3,9	0,4–8,5
Валин	1,6	0,2–2,1	3,9	0,4–5,7
Глицин	1,3	0,8–2,0	3,2	1,4–5,1
Аланин	2,5	1,1–3,7	6,1	2,2–7,7
Серин	2,4	0,2–3,5	5,8	0,5–7,6
Аспарагиновая кислота	1,4	0,2–2,5	3,4	0,4–6,3
Глутаминовая кислота	3,7	3,0–5,5	9,0	7,2–11,6
Тирозин	1,6	0,6–2,7	–	–

Содержание в траве пастбищ (в среднем, г): метионина 0,8 с колебаниями 0,1–1,1, цистина 0,2–0,8, триптофана 0,2–0,4, аргинина 0,8–2,6.

Содержание аминокислот в траве пастбищ в среднем по разным их видам в возрастающем порядке: триптофан (0,3 г), затем цистин, метионин, фенилаланин и глицин, аспарагиновая кислота, гистидин, серин, аланин, лейцин+изолейцин, глутаминовая кислота (3,7 г) (табл. 1).

Аминокислотный состав травы естественных угодий сильно изменяется в зависимости от травостоя, зоны произрастания, стадии вегетации.

В таблицах содержание аминокислот приведено в процентах к протеину и на 1 кг корма при натуральной влажности. Первый способ приемлем

при сравнении качества протеина разных кормов. Содержание количества аминокислот в 1 кг корма удобно для расчетов при составлении рационов сельскохозяйственным животным. При обоих способах в основном наблюдаются аналогичные закономерности изменений аминокислотного состава кормов.

Литература

1. *Баканов В. Н.* Основные пути решения проблемы кормового протеина. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора сельскохозяйственных наук. М., 1967.
2. *Попов И. С.* Аминокислотный состав кормов. М., 1965.
3. *Гольмов В. П., Морейко Е. И.* Исследования аминокислотного состава дикорастущих кормовых трав Северного Кавказа. Ставрополь, 1948.

Аслан СОЗАЕВ**Развитие религиозного образования в Терской области
в 60-х гг. XIX в. – 1917 г.**

В XIX в. на Кавказе открываются светские министерские школы России. Параллельно с ними развитие получило и религиозное образование на Кавказе – церковно-приходские и примечетские школы. Для укрепления господства русского самодержавия на Кавказе недостаточно было только одного оружия. Через систему народного образования царизм воспитывал местные кадры, помогавшие колониальному грабежу и угнетению. В интересах подготовки верноподданных из среды замирившихся горцев, духовному ведомству Кавказа была дана установка об открытии школ.

В целях закрепления завоеванного, наряду с военными мерами и подготовкой соответствующих кадров, применяются средства идеологического воздействия на население. Эта задача идеологического воздействия на население была возложена на православное миссионерство. Русские власти всегда придавали школе большое значение, как проводнику российского влияния на окраинах. Это влияние, как уже указывалось, мыслилось, главным образом, через религиозное «просвещение». Религией старались усыплять сознание народа, затушевывать классовые противоречия и тем самым усиливать колониальный гнет. А потому распространение христианства в Терской области и школьное дело всегда были неразрывно связаны между собой, так как служили одной и той же задаче. Вместе с насаждением в Терской области христианства, с 30-х гг. XIX в. появляются первые сельские церковно-приходские школы. Организаторами их были миссионеры – члены Осетинской духовной комиссии, открытой в 1814 г. императором Александром I, пользовавшиеся поддержкой и помощью военных властей. К 60-м гг. XIX в. церковно-приходских школ в Осетии было 7, с общим количеством учащихся в них 107 человек. Специальных школьных помещений не было, ученики обучались в горских саклях приходских священников. Количество учащихся в каждой школе было ограниченным.

Учителями церковно-приходских школ были приходские священники, обучение заключалось в чтении русской грамматики и механическом заучивании молитв. При этом обучались тому, чего не понимали, так как обучение происходило на русском языке. Дети поступали в школу в разное время. Не было определенного срока обучения. Учебный день длился в течение целого дня. Задача церковно-приходских школ заключалась в том, чтобы «познанием главнейших догматов и правил христианской религии развить, укрепить действующее в Осетии христианство» [1]. Все дело обучения осетинских детей сводилось к выполнению именно этой задачи. Чтобы дети и подростки могли «познать» правила христианской религии и ее догматы, нужно было умение читать священное писание.

В соответствии с этим и давалась элементарная грамота. Но даже эта простая грамота усваивалась детьми с большими трудностями. Школьное дело в Терской области, организуемое духовенством и военными чиновниками, продвигалось медленно и не давало ожидаемых результатов.

К 70-м гг. XIX в. русское самодержавие укрепилось на Кавказе. Этот новый период школьной политики царизма на Кавказе характеризуется гонением на родной язык и подавлением проявлений национальной культуры (хотя к этому времени у горцев Северного Кавказа уже был разработан алфавит). Если по положению об учебной части на Кавказе и за Кавказом 1867 г. родной язык мог иметь место в правительственных школах Кавказа, то уже в ноябре 1873 г. запрещение родного языка было узаконено. В дальнейшем родной язык в правительственных школах все более и более запрещался. В подтверждение этого факта можно сослаться на постановление попечительского совета Кавказского учебного округа от 12 декабря 1880 г. и на циркуляр попечителя Кавказского учебного округа от 4 февраля 1881 г. «Об учебном плане для туземной школы». Согласно этим документам русский язык в «туземных» школах «вводился» со второго полугодия первого же года обучения. Обучение на русском языке, почти полное отсутствие учебного оборудования, недостаток в учебниках и письменных принадлежностях, плохая подготовка значительной части учительства создавали большие трудности в овладении учащимися учебным материалом.

Такая организация учебной работы держала знания учащихся на очень низком уровне.

В селах, где проживало русское и украинское население Нальчикского округа, действовали церковно-приходские школы грамоты. Они руководствовались «Положением о церковно-приходских школах» 1884 г. [2]. Решение об открытии этого учебного заведения было принято приговором слободского общества 15 мая 1896 г. Школа открыта в 1903 г. В 1912 г. здесь обучались 52 ученицы. К 1915 г. их количество составило 69 человек [3]. Эти учебные заведения просуществовали до революции 1917 г. в селениях Новоивановском, Новополтавском, Кременчугско-Канстантиновском, Баксанском. «Отличительным признаком школы грамоты служит недостаточное нешнее благосостояние... и меньшая продолжительность учебного года, по сравнению с нормальными церковноприходскими школами» [4]. Впоследствии эти учебные заведения были преобразованы в одноклассные церковно-приходские школы. В церковно-приходских школах большая часть учебного времени уделялось изучению религиозных дисциплин: закона божия, чтения на церковнославянском языке, церковного пения [5]. Детей учили чтению, счету, письму и рукоделию (девочек). Управление церковно-приходскими школами находилось в ведении Священного синода и на местах осуществлялось епархиальными училищными советами [6]. Текущий надзор за состоянием учебного процесса в школах осуществляли уездные наблюдатели [7]. Хотя программы этих школ значительно уступали

министерским, церковно-приходские школы давали жителям русских и украинских селений грамотность.

13 июня 1884 г. издаются «Правила о церковно-приходских школах в России, утвержденные Александром III. В связи с этими фактами школы Терской области ведомства Общества восстановления христианства с 1885 г. переименовываются из приходских в церковно-приходские и поступают в 1893 г. в ведение владикавказского епископа. В Осетии создается церковно-школьная инспекция, как и на всем Кавказе.

Двухклассные церковно-приходские школы появляются в Терской области с 1900 г. В большинстве случаев они были одноклассными, что подтверждается отчетами о церковно-приходских школах.

В Терской области, были в значительном количестве школы грамоты. Их иначе называли «школами-часовнями». Так назывались школы в 10–15 человек учащихся, занимавшие (вместе с церковью) одно плохое помещение, где происходили занятия и богослужение, за отсутствием специального школьного здания. Школы грамоты появлялись стихийно на несколько месяцев и так же быстро закрывались, хотя продолжительность обучения в них устанавливалась в 1 год. В школах грамоты в качестве учителей работали окончившие курс в одноклассной церковно-приходской школе.

Для религиозно-нравственного влияния на взрослое население при церковно-приходских школах организовывались «воскресные чтения» и беседы. Предметом этих бесед и чтений было «нравственное» поучение крестьян. При помощи их хотели дать «народу духовную пищу» и тем самым отвлечь его «от посещения сектантских призывных собраний и революционных митингов» [8]. Воскресные беседы и чтения не получили широкого распространения.

В обязанность учителей церковно-приходских школ вменялось не только обучение и воспитание детей, но и проведение проповеднической работы среди населения, используя церковь и народные собрания. Силой административного воздействия навязывалась учителям эта проповедническая деятельность. Под страхом лишения работы учителя должны были быть примером православной нравственности. Это обязывало учителей поститься, посещать церковь и вести «благочестивый» образ жизни. За выполнение учителями церковных обрядов и их нравственностью строго следило местное духовенство, информируя епархиальное начальство о «благонадежности» того или иного учителя.

Тяжелые материально-правовые условия отталкивали от церковно-приходских школ более подготовленную часть учительства, заставляя ее искать лучше оплачиваемую работу. Следствием этого являлась большая текучесть учительских кадров церковно-приходских школ.

Наряду с сельскими светскими школами продолжали свою деятельность мусульманские примечетские школы (медресе), которые финансировались за счет местного населения. Среди народов Северного Кавказа

в XIX в. имело место широкое распространение мусульманства, которое противостояло самодержавию, являясь препятствием «внедрению» православно-монархической идеологии. И в этом смысле мусульманство представляло собой опасную силу, грозившую «величию России». Мусульманство, несомненно, оказывало на немусульманские народы Кавказа влияние, которое проявлялось в активном росте ренегатства среди горцев православного вероисповедания. Мимо такого явления царское правительство не могло пройти, ибо это ослабляло бы его владычество на Кавказе. Мусульманскому влиянию нужно было противопоставить влияние православной церкви, так как с «убеждением может бороться только убеждение». Борьба с мусульманским влиянием, с ренегатством среди христианского населения народов Кавказа «утверждение православной идеологии, чтобы остановить успехи врага...», – писал князь Барятинский, наместник Кавказа, – ... вот мотивы, легшие в основу идеи создания «братства» [9].

В кабардинских и балкарских селениях до 1875 г. функционировали лишь мусульманские школы во главе с эфенди или сельским муллой. Обучение своих детей в медресе родители считали престижным. К. Атажукин в записке «Мнение о введении письменности в Кабарде» еще в 1864 г. писал: «...каждый кабардинец поставляет в обязанность себе отдать сына своего в медресе на учение, почему аульный мулла никогда не имеет недостатка в учениках» [10].

Учеников в медресе именовали сохста. Обучение продолжалось около 3–4 лет. За это время сохсты механически заучивали тексты Корана. Но к концу срока обучения мало кто прилично мог читать и переводить Коран. При полном господстве мусульманской религии те, кто умел читать и писать по-арабски, пользовались большим влиянием, были примером для подражания. Им были доступны должности духовного служителя, сельского эфенди или муллы, обеспечивавшие им безбедное существование.

В 1912 г. в кабардинских селах имелось 48 медресе, а в 1915 г. их стало 90. В Балкарии имелось 13. Были такие селения, в которых было по 2–3 медресе. В 1912 г. в сел. Коново, Бабуково и Наурузово функционировали по 3 медресе, а в сел. Иналово и Лафишево – по 4.

В феврале 1915 г. начальник 2-го участка докладывал начальнику округа, что в участке медресе – 17, учащихся (сохст) – 164 и учителей – 18. Учителя, писал начальник участка, «никакого образовательного ценза не имеют, и школы содержатся на частных средствах» [11].

В начале 1915 г. генерал-губернатор Терской области разослал циркуляр начальникам округов и отделов о сборе сведений о мусульманских школах. В связи с этой установкой в 4 участках Нальчикского округа был произведен подсчет мусульманских школ. По этим сведениям в одном только 1-м участке оказалось 26 медресе с 507 учащимися [12]. В предреволюционные годы количество религиозных школ в Кабарде и Балкарии сокращается. Если в 1909 г. их было 105 и обучалось 1882 человека, то 7

февраля 1915 г. начальник округа, обобщив все материалы, докладывал, что в округе имеется мечетских школ – 4, медресе – 92 и мектебе – 1. Во всех этих конфессиональных школах обучалось около 1354 учеников. В перечисленных школах работали 94 учителя [13]. Все они были учителями «закона божьего» без специального образования.

В заключение следует отметить, что политика царизма в деле народного образования в Терской области отражала те принципы, которые лежали в основе общей «просветительной» политики царизма среди нерусских народов России. Религией старались усыплять сознание народа, затушевывать классовые противоречия и тем самым усиливать колониальный гнет. Именно для этого были и предназначены религиозные школы.

Таким образом, царское правительство возлагало на эти школы большие надежды, считая их важнейшим средством православно-монархической пропаганды. Уменьшение количества религиозных школ в рассматриваемое время объясняется в первую очередь ростом светских школ. Религиозное образование не давало достаточного образовательного уровня.

Литература

1. Материалы по истории Осетинского народа. Т. 5. Сборник документов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе, 1942. С. 11.
2. Жураковский В. М., Кураков Л. П. Укрепление российской государственности: место и роль системы образования. М., 2000. С. 161.
3. ЦГА КБР, ф. И.-6, оп. 1, д. 343, л. 62.
4. Отчет о состоянии церковных школ Владикавказской епархии в 1905–1906 учебном году. // Владикавказские епархиальные ведомости. 1907 г., 28 янв. С. 80.
5. Константинов Н. П. История педагогики. М., 1974. С. 261.
6. Юрицева И. В. Состояние народного образования в России в начале XX в. // Преподавание истории в школе. Научно-теоретический и методический журнал. 2002. № 2. С. 12.
7. Отчет о состоянии церковных школ Владикавказской епархии... С. 161.
8. Епархиальные ведомости. № 15, за 1913 г.
9. Материалы по истории Осетинского народа... С. 12.
10. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 5, д. 95, л. 20.
11. ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 933, л. 10.
12. Там же, л. 9.
13. Там же, л. 15.

Хусей КУЛИЕВ

В ПУТИ

Рассказ

Мы опять собрались на «ныгыше» и слушаем Жагу. Он сидит на своем излюбленном месте и держит речь об обманщиках и мошенниках.

– Интересно, – говорит он, – как это некоторые люди могут спокойно обманывать и лгать. Как им это удается? Вот я, например, – Жага, как всегда, закурил свой «Казбек» и, пуская дым кольцами, оглядел нас, – вот я никогда не вру. Как только начинаю лгать, сейчас же краснею, бледнею и синею. Я...

– Подожди, – прервал его Касох, – подожди, значит, ты никогда не врешь да? И то, что ты в прошлый раз здесь плел, тоже правда? Правда, что ты, якобы, поймал медведя в лесу и, взяв его за лапу, привел домой? И медведь покорно шел за тобой, как теленок. И ты показал его директору цирка, который от изумления чуть не умер, потому что такого большого медведя никогда не видел. Он предложил тебе за него миллион, но ты не отдал, так как у тебя доброе сердце и оно будет страдать при мысли о том, как бедного мишку там мучают. Так? Так! Твои эти слова? Твои! И ты хочешь, чтобы я тебе поверил? Поверил, что ты добровольно отказался от денег? Кого ты хочешь обмануть! Меня? Да я скорее поверю тому медведю, чем тебе, понял?! Ты себя продашь, не то что медведя, лишь бы дали подходящую цену! Вот! – Касох победоносно поглядел на нас. – Видали? Не врет он никогда! Сразу синееет, видите ли! Синим я тебя не видел, врать не хочу, а краснееешь ты только в одном случае. Когда хорошо тяпнешь. И притом – за чужой счет! А за свой – бледнееешь! Вот!

– Ты кончил? – Жага презрительно посмотрел на Касоха. – Боже мой! С какими олухами мне приходится иметь дело, а? За что ты, великий Аллах, меня наказываешь, сведя с этими ослами, которые даже слушать не умеют, а услышанное истолковывают на свой ослиный лад. – Жага покачал головой и возмущенно продолжал: – Кто тебе, несчастный, говорил, что поймал медведя? Ты чем слушал балбес? Я говорил, что медведь сам ко мне подошел. Сам! Слышишь?

– Слышу! – Касох тоже закурил. – Не глухой? Ну и что он сказал? Жага поперхнулся дымом.

– Кто?

– Медведь, – Касох невозмутимо продолжал курить. – Раз сам подошел, значит, хотел, наверное, что-то сказать. – Касох ехидно улыбнулся. – Что же?

– Точно! – Жага ударил себя по лбу. – Как это я мог забыть? Он просил передать тебе, чтобы ты напрасно не драл свою глотку каждый

вечер, стараясь научиться петь. Певца из тебя никогда не получится, потому что у тебя не голос, а ишачий рев! И что твоими единственными слушателями будут коровы да телята. Ну и, конечно, ослы. Так как это их родная мелодия. Вот.

Касох встал.

– Жага...

Жага, засмеявшись, потянул его за рукав вниз.

– Садись! Что у тебя за привычка вскакивать как Ванька-Встанька? Когда ты научишься понимать шутки? Садись говори!

Касох, что-то бормоча, сел.

– Ну вот, – Жага опять закурил и уселся поудобнее. – ...О чем это я говорил? А, о вранье! Так вот. Врать я не привык, но со мной случались такие вещи, что и нарочно не придумаешь. Вот что, например, однажды приключилось. Как-то... но давайте я расскажу все с самого начала. Хорошо? Так вот, – Жага вздохнул, – ...в общем, была у меня любовница. Рыжка. Я потом в честь ее так свою корову назвал. Клад была. Я с ней в санатории познакомился...

Касох встрепенулся.

– С коровой, что ли? А что она там делала?

– Дурак ты. – Жага глянул на Касоха. – С женщиной, идиот! При чем тут корова? Она рыжая была, вот я и назвал ее Рыжкой, понял? А настоящее ее имя тебе знать не обязательно. Это не для средних умов. Ну, Рыжка эта раз мне говорит....

Касох умоляюще посмотрел на нас.

– Ради бога, объясните мне. Он о корове говорит или о женщине? Его самого спросить я уже боюсь.

Жага махнул рукой.

– Ладно, бедняга. Слушай о корове. О женщине тебе, видно, не понять. Так вот, Рыжка, правда, молока давала немного, да и молоко, надо сказать, было жидковатое и какое-то зеленое, похожее скорее на антифриз, чем на молоко. Но в остальном была чистое золото. Во-первых, рожала исправно. Каждый год – здоровенный паца... то есть теленок, хотел я сказать. Пацаны были у другой Рыжки, которая тоже, впрочем, бесплодием не страдала, судя по письмам. Да... И вот однажды вечером стою я у ворот. Поджидаю Рыжку из стада. А ее нет и нет. Уже и стадо пришло, и темнеть начало, а ее нет. Что делать? Иду к пастуху домой, спросить, в чем, мол, дело, где корова? Благо, пастух жил недалеко, нашел я его, говорю, Рыжка не пришла. И не придет, отвечает он с ухмылкой. Лежит твоя Рыжка с поломанными ногами в Лысой балке. Паслась на склоне, ну и поскользнулась. Я как раз хотел к тебе идти. Вот те раз! Что теперь делать? Погоревал я, но делать нечего. Позвал соседей, взяли мы фонари и пошли. Приходим в балку эту, лежит Рыжка, мычит. Словно жалуется. Смотрите, мол, люди добрые, что это со мной приключилось. Умная была скотина. Верите, во двор зайдет с улицы

и ноги вытирает, вот! Даже среди людей немногие это делают. – Жага значительно поглядел на нас. Мы потупились. Касох, сидевший рядом с Жагой, ухмыльнулся.

– Может, она и здоровалась заодно, Жага? Здравствуйтесь, мол. Молочка не хотите ли? А? Ты так рассказываешь, будто она не коровой была, а по меньшей мере профессором. Ври, да знай меру!

Жага молча полез в карман и, достав папиросы, закурил. Потом так же молча постучал себя по лбу.

– Если Аллах кое-кому сюда ничего не вложил, что тут поделаешь? Касох! Если эта корова была не умнее тебя, чтобы я ее не увидел больше. Вот!

Касох засмеялся.

– А ты ее и так больше не видел. Ты же ее зарезал.

Жага вздохнул.

– А что было делать? В больницу, что ли, класть? Так в наших больницах и людей не лечат, не то что коров. Вон Биймырза рассказывал. Поломал он как-то по пьяной лавочке ногу, ну хирург ее в гипс закатал, и лежит Биймырза чуть ли не месяц в этом гипсе. Нога, говорит, чешется, спасу нет. Наконец сняли. Смотрят – что за черт! Нога вывернута задом наперед. Носком внутрь. Неправильно срослась. Что делать? Бегут за хирургом. Тот ахает, проклинает все на свете и быстренько снова ломает Биймырзе ногу. Биймырза поднимает вой и лезет на стенку, потому что хирург перепутал и поломал здоровую. Вот. В общем, провалялся он там чуть ли не с год. А вылечила его местная бабка-костоправ. А вы хотите корову лечить. Тут врачам кричишь, орешь, доказывая, где у тебя болит, и то они тебя не слушают, а корова что? Скажет, где у нее болит, что ли?

Касох вновь засмеялся.

– Но если она была такая умная, как ты ее расписываешь, почему бы ей и не сказать? Так, мол, и так, поломала ноги...

– Эх! – Жага сокрушенно махнул рукой. – Один мудрец сказал: если человек дурак, то это надолго. Но я думаю, он немного ошибся. А ошибся потому, что не знал Касоха. Если бы он его знал, то сказал бы немного по-другому. Например так: «Если человек дурак, то это навсегда!» Вот. Потому что нашему Касоху уже ничто не поможет. И люди и природа бессильны перед его глупостью. Уж насколько я упрям, и то ничего не добился от него. А как я старался! Как старался вбить в эту тыкву, которую он любовно именуется башкой, хоть что-нибудь! Бесполезно! Пришлось отстать. А что делать? Хотите верьте – хотите нет, я просто-напросто струсил. Испугался, что сам могу свихнуться, глядя на него. Ведь известно: с кем поведешься... Ну да Бог с тобой, живи Касох. Не убивать же тебя за твою глупость? Будем терпеть. Та-ак, о чем это я говорил? Перебивают тут всякие! Да! О Рыжке! Корове моей! Короче – пришел Рыжке кампец. Разделали мы тушу и принесли мясо домой. Дома жена подняла визг. Ой, кричит, кормилица наша, ой-ой-ой! Как мы теперь будем без молока

жи-и-ить! Не ори, говорю, я-то живой! Что тебе еще нужно? На кой ты мне, орет, сдался! Тебя, что ли, буду доить? Тем не менее пожарила она немного мяса, и мы выпили с соседями. Наутро я со свояком повез мясо в город на продажу. Расторговались мы очень быстро. Потому что какие-то юркие молодчики буквально выхватили тушу у нас из рук, сунув мне деньги. Вот. Мы, как водится, зашли в закусочную, помыли руки и тпнули две чекушки.

Я хотел взять третью, но свояк сказал, что ему пора ехать, он уезжал в Ростов по своим спекулятивным делам. Я проводил его на вокзал и от души пожелал ему свернуть себе шею где-нибудь, за то, что отказался дальше пить. Вот. До автобуса было еще далеко, и я решил выйти на трассу и проголосовать попутным машинам. Сначала голосовал, радостно улыбаясь. Потом после первого десятка машин улыбка моя потускнела, после второго – исчезла совсем, а уж водители третьего видели перед собой отчаянно ругавшегося и грозившегося кому-то чудака. Устав голосовать, я решил вернуться в закусочную и продолжить знакомство с чекушками. С этим похвальным намерением я повернулся, чтобы идти, как вдруг возле меня мягко затормозила легковая машина. Черная и блестящая. Очень шикарная. Смотрю – за рулем сидит одна дама. Бооожее мооой! Если я скажу про нее красавица – значит, ничего не скажу. Короче – у меня нет слов. Скажу только, что ни до, ни после нее я ничего подобного не видел. А ведь и в кино хожу и телевизор смотрю. Вот.

– Гражданин, – спрашивает она, – до турбазы далеко?

И хотя турбаза находится за моим селом и нам с ней по пути, у меня язык отнялся и я молчу, как баран.

– Гражданин, – кричит она, – я к вам обращаюсь. До турбазы сколько еще ехать?

Я еле-еле очнулся и говорю:

– Часа два. Это за моим селом. Я мог бы показать.

– Садитесь, – говорит.

Я не поверил. Она повторила:

– Садитесь, – и улыбнулась. – Поедем вместе.

Я чуть не заплакал от радости. Сел. Поехали. Выехали из города, она что-то говорит про природу, но я ее не слышу. Не до природы мне.

– Посмотрите, – восторженно кричит она, – боже, какой вид! Посмотрите в окно!

Но я не смотрю в окно. На черта мне окно. Чего я там не видал. Ну, горы. Ну, лес. Скалы там, водопады. Ну и что? Я миллион раз это видел. А вот такую женщину вижу в первый раз. Такую красивую! Поэтому я смотрю на нее и думаю, интересно, что она сделает, если я ее сейчас обниму? Даст мне по роже или не даст?.. Черт поймет этих женщин! Однажды тоже вот было, – Жага вздохнул и снова полез за портсигаром, – ...сидели мы на вечеринке. Диплом обмывали у одного оболтуса. Он его, считай, за пятьдесят баранов купил. А может, и за больше. Кто, думаете, считал,

сколько он их перетаскал туда за пять лет. У профессоров этих тоже, прямо скажем, аппетит волчий. Вот. Сидим, значит, а там одна... Ладно. – Жага улыбнулся. – Это я потом расскажу. В следующий раз. А сейчас не буду отвлекаться. Вот. Пока я прикидывал: обнять – не обнять, она говорит: «Жарко», – и скидывает кофточку.

Уааа! Я чуть из машины не выпал. В глазах у меня потемнело, дыхание сперло, какой-то комок подкатил к горлу, и я чувствую, что если сейчас же что-нибудь не предприму – мне крышка. Сердце не выдержит. Что делать? Кинуться обнимать – и ее боюсь, а еще больше боюсь аварии. От неожиданности она может не справиться с управлением и тогда нам обоим кампец. Как быть? А, думаю, была не была! Один раз живем! Если и так и так умирать, то хоть... Только я приготовился, как вдруг машина резко тормозит и я стукаюсь лбом о приборный щиток. Это меня немножко охладило, тем более, что на лбу мгновенно высочила довольно приличная шишка. Я ее бережно ощупываю и гляжу на свою спутницу. Интересно, думаю, почему она остановилась? Неужели почувствовала, что я собирался делать? Если так, прощайся Жага со своими мечтами и топай остальной путь пешкодралом. Но нет, смотрю – она открывает двери, затем говорит:

– Выйдем, подышим немного. Такой чудный воздух.

Что ж, выйдем. Выходим. Она ложится на траву и смотрит в небо.

– Ах, – говорит, – как хорошо. Потом смотрит на меня. – А вы что стоите столбом. Садитесь.

– Спасибо, – говорю, – я постою. В машине насиделся.

– Да, – говорит она, – дорога утомляет. А вы в селе живете?

– Да, – отвечаю я. – А что?

– Ничего, – говорит она. – А что вы делали в городе? Дела какие-нибудь?

– Мясо привозил на продажу, – говорю. – Говядину.

– Ну и как? Продали?

– Продал, – похвастался я. – И притом хорошо продал!

– Понятно, – говорит она. – Значит, вы везунчик. Люблю удачливых. Она помолчала. – Знаете что? Давайте перекусим, а? Я что-то проголодалась. Вы не против? Может, вы спешите?

– Нет, что вы, – поспешно говорю я, – конечно, я не против, только вот у меня с собой ничего нет, кроме денег. А здесь негде купить что-нибудь. Надо дальше ехать.

– Деньги, – говорит она. – Деньги – это хорошо. Мужчина всегда должен быть при деньгах. – Она немного подумала. – Женщина, впрочем, тоже. Правда? Ладно. Она подает мне ключи. – Откройте багажник и возьмите там пакет и скатерть. Да, еще подушечки захватите. Пировать так пировать.

Я, конечно, со всех ног бросился исполнять. Достал и пакет, и скатерть, и подушечки, короче – все. В пакете оказалось целое богатство.

Жареная в сметане курица, отварное мясо, балык, зелень, свежие помидоры, огурцы, редиска, булочки – в общем, ешь – не хочу! И отдельно две пузатые бутылочки. Одна – коньяк, вторая бренди, как объяснила она. Разложил я это все, и вынул пластмассовые стаканчики. Они тоже там были. Вынул и говорю:

– Как жаль – говорю, – что вы за рулем.

– Почему, – спрашивает она и смеется.

– Да потому, – говорю, – хоть выпили бы да познакомились бы, а то едем-едем, а друг друга не знаем. А за рулем не очень-то выпьешь.

– Ну, – говорит она, – во-первых, чтобы познакомиться, не обязательно пить, хотя, наверное, вы правы. Наливайте! Я думаю, мы уже почти доехали, и одна рюмочка ничего не решает.

Как сказать, подумал я, разливая коньяк. Иногда очень даже решает. Особенно если за ней последуют еще две или три. Но вслух я, конечно, ничего не сказал, а поднял свою рюмку. Она тоже подняла и говорит:

– Я знаю, что на Кавказе без тостов не пьют, и поэтому хочу поднять этот бокал за нашу встречу. За то, чтобы она принесла удачу.

– Да будет так, – говорю я, – думая про себя, что тост очень недурен. Удача сейчас мне нужна как воздух. Мы чокаемся и пьем.

– Первую до дна! – кричу я. И совершенно напрасно. Она и не думает оставлять в рюмке что-либо.

Отлично, говорю я сам себе. Если дело так пойдет и дальше, считай, что она твоя, Жага. Похоже, что ты и вправду везунчик. Тьфу-тьфу, не сглазить.

Второй тост провозглашаю я. Пьем. Третий пьем за знакомство, четвертый за природу. И тут коньяк кончается.

Бутылочка, как я уже говорил, была маленькая. Я отшвыриваю ее в сторону и беру вторую. Бренди. Открываю и начинаю разливать.

– Мне чуточку, – говорит она, – я и так, кажется, уже перебрала.

Отлично, думаю я. Дело на мази. Вот еще грохнем этот бренди и... а вслух говорю:

– Хорошо. Как скажете, – и наливаю полную рюмку. Себе, конечно, тоже. Она лукаво смотрит на меня.

– А за кем сейчас тост?

– За вами, конечно, – отвечаю я.

– А вот и нет, – говорит она, – я специально следила. Сейчас ваша очередь.

– Ну что ж, – я поднял рюмку, – воля женщины – закон. Хочу выпить этот чудесный напиток за вас. Чтобы у вас всегда были четыре зверя: норка на плечах, «ягуар» в гараже, лев – любовник, и осел, который за все это платит.

– Ой! – она засмеялась. – Какой хороший тост! Я уж постараюсь, чтобы он сбылся! За такой тост – до дна! Пейте!

– Только после вас! – я галантно поклонился. – Сначала вы, мадам!

– Нет уж! – она подняла пальчик и погрозила мне. – Вы думаете, я ничего не знаю? Мужчина должен во всем быть впереди! Так?

– Так, – сказал я и выпил. И – все! Дальше ничего не помню. Очнулся от холода. Гляжу – ночь. Темно. Дождь идет. Я лежу под каким-то кустом, весь дрожа. Что за черт, думаю, почему я так дрожу? Вроде и не зима.

Смотрю – белеет что-то. Пригляделся – кальсоны. Оказывается, я в одних подштанниках лежу. Это они на мне сиротливо белеют. Больше на мне ничего нет. Ни рубашки, ни брюк, ни часов, ни денег. И машины этой мадам тоже не видно, как и ее самой, понятное дело... – Жага грустно улыбнулся. – Что делать? Я, конечно, сразу понял, что случилось. Эта мадам оказалась самой настоящей аферисткой, промышляющей на дорогах. Мне не раз приходилось слышать о таких. Но кто знал, что сам нарвусь на подобную? Эх! – Жага сокрушенно махнул рукой. – Правильно говорят: язык мой – враг мой. Распустил перед ней хвост, как павлин. Расхвастался: «Мясо продал – денег навалом!» И еще этот дурацкий тост: «Лев любовник, осел платит!..» Вот и заплатил, старый ишак! – Жага закурил и мечтательно посмотрел куда-то вверх. – А все-таки, – сказал чуть погодя, – она была чертовски хороша! Хороша, – повторил он и улыбнулся.

Мысли вслух

Человек рождается для жизни.

Войны начинают политики, а воюют народы.

Забота чиновника не рисковать, а запрещать.

Добро быстро забывается, а зло помнится всегда.

Прожитая жизнь как сон: была и улетучилась.

Жизнь с годами слаще и ценнее.

Человеку дарованы два бесценных блага: надежда и неведение будущего. Второе предпочтительнее первого.

Умному человеку продвигаться по службе куда тяжелее, чем ловкой посредственностью.

Сложность любой вещи – в ее простоте.

Нам прошлое приятно тем, что оно связано с невозвратной молодостью.

В жизни каждого есть два этапа. На первом он живет надеждой и мечтой о будущем, на втором – воспоминаниями о прошлом.

Парадокс цивилизации: человек, не научившись упреждать природные катастрофы, в совершенстве овладел средствами разрушения.

У природы великодушное свойство: не назначив конкретного предела жизни в частности, она предусмотрела ее бессрочность в целом.

Вечность мироздания – в вечности движения.

Кредо: любить работу в себе, а не себя в работе.

Ум и красота – прекрасное сочетание в женщине.

Лезть на рожон – не резон.

Где право бесправно, там правит бесправие.

Изгой одного режима – кумир последующего режима.

Грубость – форма компенсации своей неполноценности.

Мужчина и женщина – две неразделимых половинки целого – любви.

Коллективная ответственность – форма корпоративной безответственности.

Приспособленец – флюгер, держащий нос по ветру.

Глупец во власти мнит себя всезнайкой. Он самодоволен, высокомерен и чванлив.

Ирония и сарказм не для вышестоящих персон.

Страдаем любя и любим страдая.

В постоянно меняющейся жизни человек не может оставаться неизменным.

Мировосприятие с возрастом меняется.

О человеке надо судить по меркам его полезности для общества.

Особая зона: ухо

Наружное ухо не что иное, как пульт управления, откуда, воздействуя на определенные точки, можно влиять на функции внутренних органов и организма в целом. Вот 30 наиболее значимых точек. Пятнадцать из них называют пунктами органов, потому что они связаны с внутренними органами, мышцами, органами чувств. А через пятнадцать других точек можно воздействовать на весь организм. Кстати, у каждого человека правое ухо какими-то мелкими деталями отличается от левого. Когда такие отличия значительны, это говорит о дисгармонии в организме. Симметричность расположения ушных раковин, строгость линий изгиба завитка и противозавитка, хорошо «вылепленные» отдельные детали – свидетельство физической и психической гармонии.

Подготовила О. Малюга

В номере:

Памятные даты. <i>Инатов К.-Г., Тамбиев П. И., Дымов А. Г., Борукаев Т. М.</i>	3
<i>Борис Зумакулов.</i> О времени и о себе. <i>Главы из док. повести</i>	10
Наши юбиляры. <i>К 70-летию Лиуана Афаунова. Стихи</i>	28
Наши юбиляры. <i>К 60-летию Батия Балкизова</i>	31
<i>Ислам Текушев.</i> Новеллы	32
<i>Ануар Кучинаев.</i> Поэма скорби. <i>Главы из поэмы</i>	38
<i>Асламурза Гедгафов.</i> Подвиги Тлостанчи. <i>Сказка</i>	54
<i>Георгий Яропольский.</i> В погоне за химерой. <i>Стихи</i>	60
<i>Бэла Бесланеева.</i> Сказки	64
Гость номера: Ростов. <i>Наталья Майер. Роза Агоева. Стихи</i>	69
<i>Владимир Зарубин. Стихи</i>	72
<i>Заур Умаров. Стихи</i>	74
<i>Владимир Бабарыкин. Стихи</i>	76
<i>Светлана Алхасова.</i> Воспоминания о Литинституте. <i>Эссе</i>	78
<i>Аминат Атабиева. Стихи</i>	81
<i>Батыр ас Аланский, Хасан Шаваев.</i> Ахмат Сумаев – человек дела. <i>Очерк</i>	84
<i>Саид Чахкиев.</i> Мужчина. <i>Стихи</i>	92
<i>Фатима Хасанова.</i> Воспоминания о М. Ш. Мамхегове. <i>Очерк</i>	93
<i>Салим Искаков.</i> Памяти Мусы Джалиля. <i>Очерк</i>	97
<i>Лариса Алоева.</i> Формула таланта Феликса Хараева. <i>Очерк</i>	100
<i>Кутас Паранук.</i> Характер мифологизма романа Х. Бештокова «Каменный век». <i>Статья</i>	106
<i>Людмила Маремкулова.</i> «Театр – мой дом родной». <i>Очерк</i>	115
<i>Лейла Гемуева.</i> Ретроспектива мифотворчества. <i>Статья</i>	122
<i>Елена Губашиева.</i> Парадигма эстетической мнемонемы. Особенности мнемо-культурной среды: адыги – запад и восток. <i>Статьи</i>	128
<i>Асият Атабиева.</i> Формирование национальной детской литературы как целостной художественной системы. <i>Статья</i>	138
<i>Светлана Кудиева.</i> Школьная республика. <i>Статья</i>	142
<i>Рита Алокова.</i> Основные задачи патриотического воспитания в КБР. <i>Статья</i>	148
<i>Галина Строева.</i> К 175-летию выхода в свет комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Судьба книги. <i>Статья</i>	152
<i>Диана Проскуракова.</i> «Учителями славится Россия, // Ученики приносят славу ей!». <i>Очерк</i>	160
<i>Людмила Эльмесова.</i> Мотивы миролюбия в адыгских малых жанрах (воспитание толерантности на уроках кабардинской литературы). <i>Статья</i>	162
<i>Елизавета Шебзухова.</i> Формирование информационной культуры школьников – неотъемлемая составная часть учебной деятельности. <i>Статья</i>	164
<i>Изабелла Бичиева.</i> Просветительство – как одна из форм социальной активности балкарской интеллигенции в конце XIX – начале XX вв. <i>Статья</i>	166
<i>Самара Саральнова.</i> Дело чести. <i>Статья</i>	168
<i>Малиль Кожоков, Артур Кожоков.</i> Аминокислотный состав кормов. Ботанический состав и продуктивность семян и естественных кормовых угодий в условиях КБР. <i>Статьи</i>	172
<i>Аслан Созаев.</i> Развитие религиозного образования в Терской области в 60-х гг. XIX в. – 1917 г. <i>Статья</i>	177
<i>Хусей Кулиев.</i> В пути. <i>Юмористический рассказ</i>	182
<i>Хадис Пхеишов.</i> Мысли вслух	189
Красота. Здоровье. Жизнь. Особая зона: ухо	190

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации
№ Н-0150 от 16.12.98
Подписной индекс 78452

Технический редактор, компьютерная верстка: *О. Ф. Малюга*

Подписано в печать 20.05.08. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman PS MT. Печать офсетная. Усл. п. л. 12.

Тираж 2240 экз. Заказ № 82.

360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5. тел.: 47-74-02, 42-75-22.

Отпечатано ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 года».

КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публикаций может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением дискеты и личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).
